

ЕВРОПА. БОРЬБА ЗА ГОСПОДСТВО

Брендан СИММС

Страницы истории (АСТ)

Брендан Симмс

Европа. Борьба за господство

«АСТ»

2013

УДК 94(4)"14/20"
ББК 63.3(4)

Симмс Б.

Европа. Борьба за господство / Б. Симмс — «АСТ»,
2013 — (Страницы истории (АСТ))

ISBN 978-5-17-095456-8

Европа, на землях которой шла многовековая борьба за господство... Борьба оружия и дипломатии, культурного, религиозного, политического и экономического влияния... Какие же страны одерживали верх в этой борьбе? А какие были отброшены назад? Каким государствам удалось подняться после разрушительных поражений? А какие так и остались на обочине истории? На эти и другие вопросы отвечает в своей книге Брендан Симмс – известный британский историк, профессор, директор Центра международных исследований Кембриджского университета.

УДК 94(4)"14/20"
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-17-095456-8

© Симмс Б., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Часть первая	13
Часть вторая	42
Часть третья	88
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Брендан Симмс

Европа. Борьба за господство

Посвящается Констанс

*Неверные веса – мерзость пред Господом, но правильный вес
угоден Ему.*

Притч. 11:1

*Ты покоряешь и правишь – или служишь и проигрываешь;
страдаешь – или торжествуешь. Ты – или молот, или наковальня.*

Приписывается И. В. фон Гете

Brendan Simms

EUROPE: THE STRUGGLE FOR SUPREMACY

© Brendan Simms, 2013

© Перевод. К. Королев, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Предисловие

Положение государства в мире определяется степенью его независимости. Поэтому государство обязано использовать все свои внутренние ресурсы для своего самосохранения. Это – основной закон государства.

Леопольд фон Ранке «Диалог о политике» (1836)

История принадлежит Европе... Ее не понять, если рассматривать как сугубо локальную.

Уильям Юарт Гладстон, премьер-министр Великобритании¹

Демократия отказывается стратегически мыслить, пока ее к тому не принудит надобность защищаться.

Хэлфорд Макиндер²

Нам часто говорят, что прошлое – это другая страна, и многое из того, что делалось в прошлые 550 лет, рассмотренных в этой книге, ныне делается иначе. Для западных читателей религиозные войны, рабство, нацизм и коммунизм в настоящее время кажутся чем-то чуждым. А наши потомки, должно быть, будут озадачены современной западной одержимостью предоставлением избирательных прав всем достигшим совершеннолетия гражданам, расовым равенством и эмансипацией женщин. Более чем вероятно, что многое из того, что сегодня воспринимается как нечто само собой разумеющееся, в будущем сочтут странным и непонятым. Однако кое-что не меняется вовсе – либо меняется мало или достаточно медленно. В этой книге показано: озабоченность собственной безопасностью, присущая европейцам, сохранялась с удивительным постоянством на протяжении столетий. Пусть, возможно, менялась риторика, однако концепции «окружения», буферных государств, баланса сил, государств-неудачников и превентивного удара; мечты об империи и стремление к безопасности; «центральность» Германии, этакого «полупроводника», соединяющего различные элементы европейского баланса сил; соотношение свободы и авторитарности, различия между переговорами и достигнутыми результатами, неразрывная связь внутренней и внешней политики, противоречия между идеологией и интересами государства, феномен массового патриотизма и тревога за дееспособность государства; столкновение цивилизаций и укрепление толерантности – все эти вопросы занимали и занимают европейских государственных деятелей и мировых лидеров (порою это были одни и те же люди) с середины пятнадцатого столетия и по настоящее время. Эта книга, если коротко, о том, что прошлое всегда рядом.

С учетом сказанного выше следует подчеркнуть, что прежде прошлое было открытым. Наша европейская история всегда содержала в себе семена различных будущих. Поэтому следует уделить ничуть не меньше внимания тем дорогам, которые не были выбраны, и тем, которые вели в никуда, нежели, разумеется, той «столбовой» дороге, которая привела к нынешней международной государственной системе и к внутреннему порядку в ее основе. К неудачникам мы будем относиться с должным уважением, пускай порой сочувствовать им будет непросто. В конце концов, поражения Карла V, Людовика XIV, Наполеона и Гитлера не были неизбежными. «Пришествие» веротерпимости, отмена рабства и международной тор-

¹ Quoted in D. M. Schreuder, 'Gladstone and Italian unification, 1848–70: the making of a Liberal?', *The English Historical Review*, LXXXV, 336 (1970), p. 477.

² Halford Mackinder, *Democratic ideals and reality* (London, 2009 [1919]), p. 23.

говли рабами, распространение в Европе демократии по западному образцу не были пред-
решены и предопределены. Но отсюда вовсе не следует, что все произошло по воле слепого
случая. Как мы увидим, возвышение и падение великих держав, рост свободы и торжество
Запада тесно связаны между собой. Останется ли так впредь, зависит от европейцев по обе
стороны Атлантического океана. Мы напишем собственное повествование, используя исто-
рию не как руководство, а как справочник, где рассказывается о том, как в прошлом тракто-
вали перечисленные выше вопросы. Именно поэтому последняя глава книги заканчивается
не предсказанием, а новыми вопросами. Поступить по-другому означало бы превратить эту
книгу из исторического труда в пророчество.

Введение

Европа в 1450 году

С конца Средних веков жители Западной и Центральной Европы наслаждались общей идентичностью.³ Почти каждый исповедовал католическую религию и признавал духовный авторитет римского папы, образованные сословия владели латынью и были осведомлены в римском праве. Европейцев также объединяло противостояние исламу, который сдавал свои позиции на Пиренейском полуострове, но быстро надвигался на юго-восточный фланг Европы. Государственное устройство большинства европейских стран опиралось на схожие социальные и политические структуры. Крестьяне платили подати феодалам в обмен на защиту и покровительство, а также десятину церкви – за духовное наставничество. Многие самоуправляемые города подчинялись элите, которую образовывали члены гильдий и магистратов. Аристократы, высшее духовенство и, в отдельных случаях, города заключали оборонительные соглашения с государем, которому они обязывались оказывать военную помощь и давать советы в обмен на защиту и подтверждение прав на землевладение или на расширение этих угодий.⁴ Эти «контрактные» феодальные взаимоотношения регулировались посредством сословно-представительных учреждений: английского, ирландского и шотландского парламентов, Генеральных штатов во Франции и исторических Нидерландах, кортесов Кастилии, венгерского, польского и шведского сеймов и немецкого рейхстага.⁵ Подавляющее большинство государей, если коротко, не обладало абсолютной властью.

В отличие от соседней Османской империи или более далеких азиатских политий, европейская политическая культура характеризовалась интенсивными общественными (или псевдообщественными) дебатами: какой величины должны быть налоги, кем, кому и для каких целей их надлежит платить. Хотя европейцы были скорее подданными, чем гражданами в современном смысле этого слова, большинство из них верило в правительство по «общественному договору». Защита прав – или «привилегий», как формулируется сегодня, – населения от посягательства государя являлась постоянной заботой. Европейцы вовсе не жили при демократии, однако элита располагала немалой «свободой». Более того, в Позднем Средневековье в Европе повсеместно ощущалось стремление к политической свободе, пусть даже это было именно стремление, а не реальное движение: чем ниже по социальной лестнице, тем оно было сильнее.⁶ Свобода отстаивалась прежде всего локально, но иногда местного тирана оказывалось возможным одолеть только с помощью соседних государей. По этой причине европейцы не имели четкого представления о суверенности: многие считали внешние интервенции против «тиранического» правления не просто легитимным, но желательным решением и даже проявлением долга здравомыслящих государей.

³ Robert Bartlett, *The making of Europe. Conquest, colonisation and cultural change, 950–1350* (London, 1993), pp. 269–91, especially p. 291.

⁴ Thomas N. Bisson, 'The military origins of medieval representation', *American Historical Review*, 71, 4 (1966), pp. 1199–1218, especially pp. 199 and 1203.

⁵ Обзоры: A. R. Myers, *Parliaments and estates in Europe to 1789* (London, 1975), and H. G. Koenigsberger, 'Parliaments and estates', in R. W. Davis (ed.), *The origins of modern freedom in the west* (Stanford, Calif., 1995), pp. 135–77. Об Англии, Германии и Швеции: Peter Blickle, Steven Ellis and Eva Österberg, 'The commons and the state: representation, influence, and the legislative process', in Peter Blickle (ed.), *Resistance, representation, and community* (Oxford, 1997), pp. 115–54. О парламентской критике большой стратегии: J. S. Roskell, *The history of parliament. The House of Commons, 1386–1421* (Stroud, 1992), pp. 89, 101, 101–15, 126, 129 and 137.

⁶ Samuel K. Cohn Jr, *Lust for liberty. The politics of social revolt in medieval Europe, 1200–1425. Italy, France and Flanders* (Cambridge, Mass., and London, 2006), pp. 228–42.

Ошибочно считать основные европейские страны той поры великими державами или государствами в современном понимании этого слова. Тем не менее процесс «государственного строительства» в Позднем Средневековье набирал, так сказать, обороты: правители старались обеспечить мобилизацию населения для расширения собственных владений – или просто для того, чтобы уцелеть.⁷ Помимо того, такие страны, как Англия, Франция, Кастилия, Польша, Бургундия, осознавали свою особенность, силу и значимость; применительно к Англии и Франции уже возможно говорить о «национальном» самосознании, которое складывалось на основе политического участия, общего языка и войн (преимущественно друг с другом). Одновременно европейцы осознавали свою причастность к «христианскому миру» (тогдашний синоним Европы), и это, в частности, периодически выражалось в крестовых походах против мусульман. Благодаря Марко Поло и другим путешественникам, европейцы узнали о Китае и других странах Дальнего Востока, но не имели почти никакого представления о Западном полушарии. Не будучи ни в коей мере «евроцентристами», они в большинстве своем, тем не менее, были убеждены, что живут на окраине мира, центром которого являются Иерусалим и Святая земля.⁸ Поэтому первые дальние плавания совершались вдоль западного побережья Африки – в поисках альтернативного пути на Восток и возможности напасть на мусульман с тыла. К примеру, португальский принц Генрих Мореплаватель надеялся обойти ислам с фланга и, быть может, объединить силы с «пресвитером Иоанном», правителем легендарного царства то ли в Африке, то ли в Азии (никто не мог сказать точно, где именно). В 1415 году португальцы овладели Сеутой, городом по соседству с нынешним Марокко. Расширение Европы велось в целях самообороны.

Европа также представляла собой сильно разобщенный континент. На протяжении Средних веков ее раздирали противоречия – между императором Священной Римской империи и римским папой, между монархами и прочими государями, между городами-государствами и местными принцами, между баронами, между городами-соперниками и между крестьянами и феодалами. Католическому единству угрожали лолларды в Англии, гуситы в Богемии, альбигойцы на юге Франции⁹ и разнообразные прочие секты; внутри самой церкви звучали голоса, осуждавшие злоупотребления, что распространились в Средние века. В середине пятнадцатого столетия политическая обстановка в Европе, возможно, была спокойнее, чем в начале Средних веков, но континент в целом оставался опасным для жизни и далеким от мира. Итальянские города-государства, особенно Венеция и Милан, постоянно враждовали друг с другом; Альфонс V Арагонский планировал установить владычество над Апеннинским полуостровом; в Испании христиане сражались с маврами, а мусульмане пока удерживали за собой Гранаду; венгры готовились к крестовому походу против турок; герцог Филипп Бургундский «разминал мышцы», выбирая между участием в крестовом походе и схваткой ближе к дому; османы собирались покончить с остатками православной Византийской империи на Босфоре; и продолжалась война, вошедшая в историю как Столетняя, между англичанами и французами.¹⁰

В «сердце» европейских противостояний находилась Священная Римская империя, простиравшаяся от Голландии и Брабанта на западе до Силезии на востоке, от Гольштейна

⁷ Richard Bonney (ed.), *The rise of the fiscal state in Europe, c. 1200–1815* (Oxford, 1999), and Philippe Contamine (ed.), *War and competition between states* (Oxford, 2000).

⁸ Michael Wintle, *The image of Europe. Visualizing Europe in cartography and iconography throughout the ages* (Cambridge, 2009), pp. 58–64.

⁹ Лолларды – христианская община, сложилась в Германии и Голландии; фламандские ткачи, бежавшие в Англию, принесли учение этой общины о социальном равенстве на Британские острова. Гуситы – сторонники чешского социального реформатора Я. Гуса, выступали за уменьшение влияния церкви на мирские дела. Альбигойцы (катары) – религиозное движение во Франции; в период, о котором пишет автор, корректнее говорить о вальденсах – духовных преемниках катаров, отстаивавших ликвидацию частной собственности и апостолическую бедность. – *Примеч. ред.*

¹⁰ Alfred Kohler, *Expansion and Hegemonie. Internationale Beziehungen 1450–1559* (Paderborn, 2008).

на севере до местности ниже Сены на юге и до Триеста на юго-востоке. Она включала в себя территории нынешних Германии, Австрии, Швейцарии, Чешской Республики, Нидерландов, значительную часть нынешней Бельгии, а также Восточную Францию, Северную Италию и Западную Польшу. Империю возглавлял император, который избирался семью курфюрстами: архиепископами Майнца, Трира и Кельна и правящими князьями Богемии, Саксонии, Бранденбурга и Пфальца. Император правил в «согласии» с мирскими и «духовными» властями империи – с курфюрстами, принцами, графами, рыцарями и магистратами, которые составляли имперский сейм (рейхстаг), то есть парламент империи. Будучи далеки от сплоченности, немцы непрерывно оспаривали авторитет властей, будь то князья против императора или крестьяне против феодалов, в местных и имперских судах.¹¹ Империя являлась средоточием европейской политики. В ее пределах проживало больше людей, чем в любой другой европейской стране. Города исторических Нидерландов, Рейнской области, Южной Германии и Северной Италии, взятые вместе, превосходили богатством, техническими достижениями и бурлением жизни все прочие города Европы. Империя – или, по крайней мере, ее могущественные принцы – поддерживала политическое и военное равновесие между англичанами и французами.¹² (Англичане так и не оправились от разрыва с герцогом Бургундским, членом французской королевской фамилии, чьи земли находились на рубеже между Францией и Германией.) Важнее же всего было то, что, поскольку Священной Римской империи «предшествовала» империя Карла Великого, императорская корона вызывала обоснованный интерес не только германских владетельных князей, но и государей соседних стран, особенно Франции.¹³ Носитель этой верховной власти, в отличие от остальных правителей Европы, мог притязать на абсолютную власть как наследник правителей Римской империи Карла.¹⁴

Однако, несмотря на вызывавшее гордость наследие и принципиальную значимость, Священная Римская империя к середине пятнадцатого столетия переживала глубокий кризис.¹⁵ Власть императора (а им с 1438 года становился один из Габсбургов) ослабела вследствие череды вынужденных уступок курфюрстам (так называемая *Wahlkapitulationen* – «электоральная капитуляция»). Составные части империи враждовали между собой, процветал бандитизм, в коммерции тоже не обходилось без преступлений. Имперская церковь погрузилась в кризис и была деморализована злоупотреблениями. Кроме того, империя тщетно пыталась изыскать средства защиты своих границ. В отличие от английского парламента, сейм оказался не в состоянии согласовать механизм регулярного налогообложения, посредством которого можно было бы финансировать войны против гуситов, турок и, все чаще, против французов.¹⁶ При этом империю также охватил кризис идентичности. Она притязала на то, чтобы считаться оплотом христианского мира в целом, и в ней проживали люди многих «национальностей», в том числе говорившие на французском, голландском,

¹¹ Peter Blickle, *Obedient Germans? A rebuttal. A new view of German history* (Charlottesville, and London, 1997), especially pp. 44–52. See also Martin Kintzinger and Bernd Schneidmüller, *Politische Öffentlichkeit im Spätmittelalter* (Darmstadt, 2011).

¹² Arnd Reitemeier, *Aussenpolitik im Spätmittelalter. Die diplomatischen Beziehungen zwischen dem Reich und England, 1377–1422* (Paderborn, 1999), pp. 14–15, 474–81 and *passim*.

¹³ Marie Tanner, *The last descendant of Aeneas. The Hapsburgs and the mythic image of the emperor* (New Haven, 1993); Martin Kintzinger, *Die Erben Karls des Grossen. Frankreich und Deutschland im Mittelalter* (Ostfildern, 2005); and Alexandre Y. Haran, *Le lys et le globe. Messianisme dynastique et rêve impérial en France à l'aube des temps modernes* (Seyssel, 2000). For the strategic dimension see Duncan Hardy, 'The 1444–5 expedition of the dauphin Louis to the Upper Rhine in geopolitical perspective', *Journal of Medieval History*, 38, 3 (2012), pp. 358–87 (especially pp. 360–70).

¹⁴ Bernd Marquardt, *Die 'europäische Union' des vorindustriellen Zeitalters. Vom Universalreich zum Staatskörper des Jus Publicum Europaeum (800–1800)* (Zurich, 2005).

¹⁵ Thomas A. Brady, *German histories in the age of Reformations, 1400–1650* (Cambridge, 2009), pp. 90–98.

¹⁶ Eberhard Isenmann, 'Reichsnutzen und Reichssteuern im 15. Jahrhundert', *Zeitschrift für die historische Forschung*, 7 (1980), pp. 1–76 and 129–218 (especially pp. 1–9).

итальянском и чешском языках, но большинство подданных считали себя немцами и говорили на различных диалектах немецкого языка. О Германии как об отдельном государстве тогда речи почти не было, но примерно с 1450 года к названию «Священная Римская империя» стали прибавлять слова «германской нации».¹⁷

В этой книге будет показано, что Священная Римская империя и наследовавшие ей государства находились в центре европейского равновесия сил и выросшей из него мировой системы. Именно там пересекались стратегические интересы великих держав. В дружественных руках эта территория могла обеспечить решающий перевес, а в руках агрессора сулила смертельную угрозу. Поэтому положение дел здесь заботило Англию – поскольку империя являлась фундаментом «барьера» исторических Нидерландов, который защищал южное побережье острова от нападения с моря, и была ключевым условием европейского баланса сил; Испанию – поскольку власть над империей означала императорский титул и рекрутов, а сама империя была «хинтерландом»¹⁸ для Испанских Нидерландов; Австрию позднее – по тем же самым причинам; Францию – поскольку империя служила буфером и одновременно виделась лакомым куском для завоевания; Пруссию – поскольку империя представляла собой отличный плацдарм для броска на восток или на запад; Соединенные Штаты Америки в начале двадцатого века – по причине «заигрываний» кайзера с Мексикой; позже США и Советский Союз полагали своей главной целью либо завоевать эту территорию, либо не допустить ее покорения противником.

Империя и наследовавшие ей государства также являлись основным источником политической легитимности для любого, кто собирался говорить от имени Европы. На протяжении сотен лет ведущие претенденты на эту роль искали возможность накинуть на себя мантию императора Священной Римской империи и присвоить наследие Карла Великого. Среди них были Генрих VIII, Сулейман Великолепный, Карл V, французские короли от Франциска I до Людовика XVI и, наконец, Наполеон Бонапарт, который серьезно задумывался над этим; очевидны и «отголоски» империи в гитлеровском Третьем рейхе, а Европейский союз возник в том же месте и на тех же идеях, пусть в них вложили совершенно иное содержание. Коротко говоря, Священная Римская империя за последние 550 лет неизменно притягивала к себе европейских лидеров, даже тех, кто не лелеял имперских амбиций; все понимали, что борьба за господство в Европе решается на территории империи и наследовавших ей германских государств. Об этом прекрасно знали Елизавета I, Кромвель, Мальборо, оба Питта, Бисмарк, верховное командование союзников времен Первой мировой войны, Франклин Делано Рузвельт, Сталин, Горбачев, русские, которые отчаянно сопротивлялись продвижению НАТО на восток после падения Берлинской стены, и знают нынешние европейские элиты, которые стремятся сохранить цельность Европейского союза из страха «выпустить поводья» управления Германией. Кто контролирует Центральную Европу любой период времени, тот контролирует всю Европу и тем самым доминирует в мире.

Поэтому неудивительно, что борьба за господство в Германии стимулировала процессы внутренних изменений в других европейских странах. Англичане восстали против короля Карла I, поскольку тот не сумел защитить немецких князей протестантской церкви, от кого зависели их свободы; французы свергли Людовика XVI, поскольку тот раболепствовал перед Австрией; русские низложили царя, поскольку тот не смог справиться со Вторым рейхом. Германия также причастна к наиболее важным идеологическим преобразованиям в Европе – здесь родились Реформация, марксизм и нацизм, оказавшие существенное влия-

¹⁷ Tom Scott, 'Germany and the Empire', in Christopher Allmand (ed.), *The New Cambridge Medieval History*. Vol. VII: c. 1415 – c. 1500 (Cambridge, 1998), pp. 337–40.

¹⁸ В классической геополитике хинтерланд – важная территория, примыкающая к уже завоеванной. *Примеч. ред.*

яние на мировую геополитику. Поиски безопасности и стремление упрочить свое могущество, кроме того, побуждали к экспансии – от путешествий Колумба до «схватки за Африку» в девятнадцатом веке; и то же самое легло в основу процесса деколонизации. Разумеется, нельзя утверждать, что все события европейской истории связаны с Германией напрямую, однако она всегда была «где-то рядом», чему множество подтверждений: английские моряки в семнадцатом и восемнадцатом столетиях пытались сохранить статус империи, пресекая поставки из Нового Света своим соперникам; Уильям Питт говорил о «завоевании Америки в Германии»; в конце девятнадцатого столетия Франция предприняла колониальное расширение, чтобы компенсировать мощь имперской Германии; а попытка мобилизовать евреев всего мира на борьбу с кайзером посредством декларации Бальфура привела в итоге к образованию государства Израиль после Второй мировой войны.

Часть первая

Империи, 1453–1648 годы

В конце концов империя мне дарована единодушным решением всех германцев и, насколько я полагаю, Божьей милостью и Божьим соизволением... Испания, Балеарские острова, Сардиния, Сицилийские королевства, большая часть Италии, Франция и Германия и, как я выражусь, золотосные земли [Индии]... все эти страны вряд ли бы успешно существовали, если бы я не соединил Испанию с Германией и не прибавил бы титул кесаря к своему титулу испанского короля.

Император Карл V, 1520 г.¹⁹

Шведской короне следует пристально присмотреться к Германии и защитить себя, ибо это густонаселенная страна с воинственным населением, и нет в мире другой страны, способной установить абсолютное господство в Европе... Если какой-либо монарх получит абсолютную власть в Германии, всем сопредельным королевствам придется опасаться того, что они попадут в зависимость.

Юхан Адлер Сальвиус, шведский посланник в Вестфалии, 1646 г.²⁰

Год 1453-й ознаменовал начало современной европейской геополитики: Византийская империя на востоке пала под ударами турок, а вскоре после того Англия потерпела поражение и лишилась владений во Франции. Эти два события имели значительные последствия для Европы в целом и в особенности для Священной Римской империи германской нации (современники именовали ее просто империей). Победа Франции над англичанами привела к усилению французского давления на западный фланг Германии и к стремлению контролировать – либо влиять – на внешнюю политику империи. На востоке турки возобновили свое неумолимое наступление на Юго-Восточную и Центральную Европу и дважды подходили к стенам Вены. Задача справиться с этими угрозами выпала династии Габсбургов, которая в расцвете правления Карла V правила не только большей частью Центральной, Северо-Западной и Южной Европы, но и обширными владениями в Новом Свете. Решающим фактором поддержания власти являлась императорская корона, позволявшая притязать на руководство Европой и потенциально обеспечивавшая приоритет в Германии. В глазах его противников, с другой стороны, амбиции Карла V, а также испанских и австрийских Габсбургов являлись элементом «зловещего плана» по созданию в Европе единой монархии. Борьба Габсбургов за реализацию имперских амбиций и твердая решимость их противников не допустить этого определяли европейскую геополитику следующие двести лет.

Падение Константинополя и поражение англичан во Франции привели к существенным внутренним преобразованиям в европейских странах. В два последующих столетия в Европе начали формироваться два принципиально разных типа правительств в качестве ответа на международные вызовы. С одной стороны, имелись совещательные системы в Англии и Голландской республике, чья замечательная гибкость дала возможность обеим странам не только преодолеть возникшие трудности, но и сохранить европейское равновесие сил. С другой стороны, в Европе существовали монархические системы – от откровенно

¹⁹ Quoted in Hugh Thomas, *Rivers of gold. The rise of the Spanish Empire* (London, 2003, 2010 edition), p. 494.

²⁰ Quoted in Andreas Osiander, *The states system of Europe, 1640–1990. Peacemaking and the conditions of international stability* (Oxford, 1994), p. 79.

деспотических, наподобие Османской империи и Московии, до более «смешанных» форм правления во Франции и Испании, где представительные собрания продолжали играть важную роль, но королевская власть стремилась к абсолютизму. Между тем империя, игравшая первостепенную роль в Европе геополитически и с точки зрения правительства, пыталась найти для себя конституционную структуру, способную снизить накал внутренних противоречий и одновременно удержавшую от агрессии внешних врагов.

Первыми вызов бросили османы. Летом 1453 года после долгой осады турки взяли Константинополь, столицу остатков православной Византийской империи.²¹ За этим последовало жестокое разграбление, отмеченное резней, насилием и осквернением древних церквей. Хуже того, с точки зрения христианского мира, султан Мехмед II принял титул Римского султана, то есть правителя Рима. Мехмед не только перенес свою столицу в Константинополь (который пророк Мухаммед полагал центром мира), но и сохранил название города со всеми его европейскими «смыслами». ²² Оставалось лишь вопросом времени, как скоро турки двинутся через Средиземное море или вторгнутся на Балканы, в направлении Центральной Европы, чтобы предъявить претензии на Римскую империю и тем самым установить свое господство в Европе и выполнить главную миссию – всемирное распространение ислама. По этой причине падение Константинополя породило страх в христианском мире.²³ Даже Кристиан I, король далеких Дании и Норвегии, заявил, что «великий турок есть зверь, выходящий из моря, коий описан в Апокалипсисе».²⁴

В начале шестнадцатого столетия турки возобновили наступление под предводительством султана Сулеймана Великолепного, грезившего о всемирной монархии. Позже в Константинополе над входом в Большую мечеть появилась надпись, восхвалявшая Сулеймана: «С помощью Всемогущего Бога и своей доблестной армии завоеватель Востока и Запада, властелин мира».²⁵ В союзе с испанскими маврами и теми, кто бежал от христиан в Северную Африку, Сулейман нанес удар по Средиземноморью. Он превратил Алжир в вассала Османской империи, разгромил рыцарей-госпитальеров на Родосе и захватил большую часть побережья Черного моря, а затем вторгся в Центральную Европу. В 1521 году он взял мощную крепость Белград, а пятью годами позже разбил венгерскую армию в битве при Мохаче. Под властью Османской империи оказалась значительная часть Юго-Восточной Европы, включая почти весь плодородный бассейн Дуная. Венгрия, которую местная знать именвала «щитом и оплотом христианства», перестала существовать. Провозгласив себя «жалователем корон», Сулейман назначил ставленника Яноша Запольяи «правителем» Венгрии. По словам греческого историка Теодора Спандуниса, «турецкий султан со своей многочисленной армией готовился к войне с христианским миром как на суше, так и на море», и собирався, «подобно дракону с разинутой пастью, сожрать всех на своем пути».²⁶ Лишь огромными усилиями Габсбурги в 1529 году отразили нападение турок на Вену.

²¹ Jonathan Harris, *The end of Byzantium* (New Haven and London, 2010), pp. 178–206.

²² Daniel Goffman, *The Ottoman Empire and Early Modern Europe* (Cambridge, 2002), pp. 2–3, 9–10, 13 (re the prophet Muhammed), 19, 222 and passim; and Osman Turan, 'The ideal of world domination among the medieval Turks', *Studia islamica*, IV (1955), pp. 77–90, especially pp. 88–9.

²³ Steven Runciman, *The fall of Constantinople, 1453* (Cambridge, 1966), pp. 160–80, and W. Brandes, 'Der Fall Konstantinopels als apokalyptisches Ereignis', in S. Kolditz and R. C. Müller (eds.), *Geschehenes und Geschrie – benes. Studien zu Ehren von Günther S. Henrich und Klaus-Peter Matschke* (Leipzig, 2005), pp. 453–69.

²⁴ Quoted in Iver B. Neumann and Jennifer M. Welsh, 'The other in European self-definition: an addendum to the literature on international society', *Review of International Studies*, 17, 4 (1991), pp. 327–48 (p. 336).

²⁵ Quoted in Peter O'Brien, *European perceptions of Islam and America from Saladin to George W. Bush. Europe's fragile ego uncovered* (London, 2009), p. 75. See also Rhoads Murphy, 'Süleyman I and the conquest of Hungary: Ottoman manifest destiny or a delayed reaction to Charles V's universalist vision', *Journal of Early Modern History*, 5 (2001), pp. 197–221.

²⁶ Theodore Spandounes, *On the origin of the Ottoman emperors*, trans. and ed. Donald M. Nicol (Cambridge, 1997), p. 5.

В конце пятидесятих годов шестнадцатого столетия наследники Сулеймана возобновили агрессивные действия. К 1565 году турки активно осаждали стратегически важный остров Мальта, который едва не захватили, а летом 1570 года они высадились на Кипре и подчинили себе остров в следующем году. По мере наступления турок в пятидесятые и шестидесятые годы шестнадцатого столетия мориски и средиземноморские пираты стали все чаще устраивать набеги на восточное побережье Испании и даже углублялись внутрь страны. Одновременно турки продолжали покорение Венгрии, угрожая Священной Римской империи. В 1550-х и 1560-х годах велись ожесточенные бои, которые возобновились в 1590-х годах после длительного перемирия. Лишь в 1606 году был заключен Ситваторокский мир,²⁷ и османская угроза Центральной Европе ослабела, хотя бы на время.

Габсбурги виделись главным препятствием на пути к созданию «всеобщей» османской монархии, но и сами они вскоре начали вынашивать собственные амбиции; они обосновывали свои стремления возглавить весь христианский мир отчасти именно потребностью обеспечить западное единство для борьбы с турками. Избрание в 1519 году Карла V императором Священной Римской империи определило содержание европейской геополитики трех последующих десятилетий.²⁸ Карл правил не только Испанией, Неаполитанским королевством, Нидерландами, Австрией и Богемией, но и территориально «прираставшей» империей в Новом Свете. Испанский епископ нарек Карла V «милостью Божьей... королем римлян и императором всего мира». Возможность создания всеобщей монархии под властью Карла V, при которой Габсбурги правили бы объединенным и восстановившим свое единство католическим миром, виделась вполне реальной.²⁹ Лишь спустя тридцать лет сражений с турками, Францией, германскими князьями и англичанами Карл был вынужден отказаться от стремления доминировать в Европе.

Спустя несколько десятилетий настало время сына Карла, Филиппа II Испанского. Он разбил турок в морском сражении при Лепанто (в 1571 году), присоединил Португалию и ее заморские владения, колонизировал Филиппины, значительно увеличил поставки золота из Нового Света и даже стал на короткое время королем-консортом Англии.³⁰ Опыренный успехами, Филипп все чаще открыто заговаривал о европейском и мировом господстве. На реверсе медали, отчеканенной в честь присоединения Португалии, начертан девиз *Non sufficit orbis* – «Целого мира мало». Испанская триумфальная арка тоже свидетельствовала о победах Филиппа, «властелина мира» и «повелителя всего Востока и Запада».³¹ Однако в дальнейшем Филипп, как и его отец Карл V, потерпел неудачу, утомленный долгой схваткой с голландскими повстанцами и понесший катастрофический урон из-за гибели Непобедимой армады, отправленной против Англии. Тем не менее притязания Габсбургов на господство в Европе на этом не закончились. В ходе Тридцатилетней войны, имевшей место в первой половине семнадцатого столетия, понадобились объединенные усилия Франции, Швеции и германских князей и вмешательство Британии, чтобы помешать австро-испанской попытке подчинить себе Европу.

²⁷ Иначе Житваторокский мир, подписан в устье реки Житва, предусматривал отказ от ежегодной выплаты Венгрией дани Турции; взамен император согласился на единовременную выплату туркам значительной суммы. *Примеч. ред.*

²⁸ Wim Blockmans and Nicolette Mout (ed.), *The world of emperor Charles V* (Amsterdam, 2004), and Alfred Kohler, *Karl V. 1500–1558. Eine Biographie* (Munich, 1999).

²⁹ John Lynch, *Spain under the Habsburgs. Vol. I: Empire and absolutism* (Oxford, 1981), quotation p. 38. On Charles V and 'Universal Monarchy' see Franz Bosbach, *Monarchia universalis. Ein politischer Leitbegriff der Frühen Neuzeit* (Göttingen, 1988), pp. 35–64.

³⁰ То есть супруг правящей королевы, Филипп, еще наследником престола женился на Марии Тюдор (Кротовой); после ее смерти он долго предлагал брак королеве Елизавете. *Примеч. ред.*

³¹ Geoffrey Parker, *The grand strategy of Philip II* (New Haven and London, 1998), p. 4.

В основе этой борьбы за господство в Европе лежала Священная Римская империя. Германия была относительно слабой и ничего не могла противопоставить, если ее пытались разграбить в ходе очередного крупного европейского конфликта. Серьезные разногласия между «винтиками» империи – императором, князьями, городами и духовенством – означали: немцы не в состоянии остановить иноземцев, марширующих по их территории. Это было важно, поскольку область, примерно соответствующая нынешним Германии, Нидерландам и Северной Италии, являлась стратегическим центром Европы, где так или иначе пересекались интересы основных претендентов на власть в регионе.

Для османов Священная Римская империя была главной целью их наступления на Центральную Европу. Это были владения их заклятых врагов Габсбургов и князей, которые тех поддерживали, и там по ним можно было нанести решающий удар. Кроме того, лишь оккупация Германии позволяла Сулейману предъявить «законные» права на преемственность в отношении Римской империи.³² Империя также была средоточием хитрой дипломатии», к которой Сулейман прибегнул, рассчитывая привлечь на свою сторону германских князей, враждовавших с Карлом V.³³ Он даже направил своего посланника к голландским повстанцам во Фландрии. В послании Сулеймана говорилось: «Вы поднялись на борьбу с папистами и регулярно их истребляете, потому мы заверяем вас в нашем благоволении и благосклонном внимании, каковое уделяем вам неустанно».³⁴

Империя при этом составляла и суть большой стратегии Габсбургов. Карл V воспользовался своим положением императора, чтобы отразить атаки французских конкурентов и приготовить плацдарм для возвращения Бургундии.³⁵ Авторитарное правление Карла, впрочем, обернулось враждебностью германских князей, которые ужаснулись, услышав от императора в апреле 1521 года: «В Священной Римской империи должен быть всего один правитель, а не великое множество. Это не мое желание и не моя воля, это – традиция».³⁶ Когда Карл добился от курфюрстов признания наследником своего брата Фердинанда, противники императора в 1531 году образовали так называемый Шмалькальденский союз (по названию города Шмалькальден в Гессене), где тон задавали Гессен с Саксонией. Император затем начал уделять больше внимания ситуации в Германии, повернувшись спиной к Средиземноморью.³⁷ В начале 1540-х годов Карл практически наголову разгромил Францию, вынудил ее по заключенному в 1544 году миру в Крепи отказаться от прав на Нидерланды и Миланское герцогство и тем самым изгнал французов из Германии.³⁸ В 1546 году Карл пришел к мысли объединить Германию, Миланское герцогство, Савойю, Нидерланды, а также, возможно, Неаполитанское королевство в конфедерацию под своей властью ради войны с Францией и Османской империей.³⁹ Годом позже, в апреле, Карл одержал сокрушительную победу

³² Gábor Ágoston, 'Information, ideology, and limits of imperial policy: Ottoman grand strategy in the context of Ottoman – Habsburg rivalry', in Virginia H. Aksan and Daniel Goffman (eds.), *The Early Modern Ottomans: remapping the empire* (Cambridge, 2007), pp. 75–103.

³³ Goffman, *Ottoman Empire and Early Modern Europe*, p. 111.

³⁴ The Sultan's instructions to the Moriscos and his envoy to Flanders are cited in Andrew C. Hess, 'The Moriscos: an Ottoman fifth column in sixteenth-century Spain', *American Historical Review*, 74, 1 (1968), pp. 19–20.

³⁵ Esther-Beate Körber, *Habsburgs europäische Herrschaft. Von Karl V. bis zum Ende des 16. Jahrhunderts* (Darmstadt, 2002), p. 20 and passim.

³⁶ Quoted in Lynch, *Spain under the Habsburgs*, pp. 74–5.

³⁷ Aurelio Espinosa, 'The grand strategy of Charles V (1500–1558): Castile, war, and dynastic priority in the Mediterranean', *Journal of Early Modern History*, 9 (2005), pp. 239–83, especially pp. 239–41 and 258–9.

³⁸ Federico Chabod, '“¿Milán o los Países Bajos?” Las discusiones en España sobre la “alternativa” de 1544', in Carlos V (1500–1558). *Homenaje de la Universidad de Granada* (Granada, 1958), pp. 331–72, especially pp. 340–41. I thank Miss Carolina Jimenez Sanchez for translating this article for me.

³⁹ Volker Press, 'Die Bundespläne Karls V und die Reichsverfassung', in Heinrich Lutz (ed.), *Das römisch-deutsche Reich im politischen System Karls V.* (Munich, 1982), pp. 55–106.

при Мюльберге над Шмалькальденским союзом. Однако все эти действия Карла обернулись настолько жарким недовольством в империи и по всей Европе, что императору пришлось отступить и поделить свое внушительное наследство между испанскими и австрийскими Габсбургами.⁴⁰ Возможно, Карл выиграл военное сражение за Германию, но потерял ее политически.

Наследники Карла на королевском троне Испании, Филипп II и Филипп III, оставались глубоко погруженными в дела империи, поскольку та являлась политическим «каркасом», внутри которого разворачивалась схватка с голландцами, да и поскольку она находилась рядом или граничила с «Испанской дорогой», по которой снабжалась и пополнялась находившаяся во Фландрии армия испанского короля. Дорога эта, начинавшаяся в Испании, проходила через Северную Италию, потом через Альпы, а затем на пути в Нидерланды огибала западные границы Священной Римской империи. Большая часть дороги пролегла по владениям Габсбургов или по территории, которую Габсбурги контролировали, – в Средиземноморье, Ломбардии и Бургундии, но последний участок дороги, в западных районах Германии, был уязвим для нападений. Более того, чтобы удержать в своих руках Фландрию, испанцам требовалось завладеть всеми переправами через Рейн и Маас. В противном случае, как полагал в начале семнадцатого столетия испанский главный министр Гаспар де Гусман, граф Оливарес, испанская Фландрия могла бы оказаться «запертой в клетке». Германия, таким образом, находилась в центре осторожной испанской геополитики, крах любого звена которой грозил породить эффект «домино». В семнадцатом веке эти соображения нашли выражение в локальных испанских военных экспедициях, более половины которых затрагивало Нидерланды и Германию.⁴¹

В отличие от Испании, для Франции сильная позиция в империи была жизненно важна для прорыва габсбургского «окружения»: с севера – Нидерланды, с востока – Вольное Бургундское графство, с юго-востока Миланское герцогство, с юга – Испания. Франция выбирала между двумя одинаково привлекательными стратегиями. Первая состояла во вторжении в империю. В августе 1494 года французский король Карл VIII перевалил со своей армией через Альпы, объявив, что собирается подтвердить свое право на Неаполитанское королевство, а затем возглавить общеевропейский крестовый поход против турок. На самом деле Карл собирался стать лидером христианского мира, запугать папу и заставить того отказаться от коронации в Риме Максимилиана Габсбурга (в качестве императора Священной Римской империи) и разорвать вражеское кольцо вокруг Франции. Более пятидесяти лет спустя французский король Генрих II вторгся в Германию, осуществив знаменитый «Марш к Рейну», и захватил Мец, Туль и Верден для Франции. В ходе Тридцатилетней войны французский главный министр кардинал Ришелье также предпринял интервенцию в Германию, чтобы «обуздать» Габсбургов и «открыть коридор» в империю.⁴² Ближе к окончанию этого похода французы наконец заняли на юге Германии город Брейзах и перерезали «Испанскую дорогу», «прервав этот роковой приток подкреплений для Австрийского дома, от которого наши отцы обливались холодным потом»,⁴³ по словам французов, служивших кардиналу Мазарини, преемнику Ришелье.

⁴⁰ Alfred Kohler, *Expansion und Hegemonie. Internationale Beziehungen, 1450–1559* (Paderborn, Munich, etc., 2008), pp. 371–84.

⁴¹ Olivares on Flanders is cited in Jonathan I. Israel, *Conflicts of empires. Spain, the Low Countries and the struggle for world supremacy, 1585–1713* (London, 1997), pp. 67–8. For projected Spanish military expenditure in 1634 see the figures in J. H. Elliott, 'Foreign policy and domestic crisis: Spain, 1598–1659', in J. H. Elliott, *Spain and its world, 1500–1700. Selected essays* (New Haven and London, 1989), p. 130.

⁴² Randall Lesaffer, 'Defensive warfare, prevention and hegemony: the justifications of the Franco-Spanish war of 1635', *Journal for International Law*, 8 (2006), pp. 91–123 and 141–79. Richelieu on gateways is cited in J. H. Elliott, *Richelieu and Olivares* (Cambridge, 1984), p. 123.

⁴³ Quoted in Derek Croxton, *Peacemaking in Early Modern Europe. Cardinal Mazarin and the Congress of Westphalia, 1643–*

Другая стратегия представляла собой заключение соглашений с германскими князьями, недовольными властью императора. Король Франциск I, к примеру, был едва ли не первым и уж точно весьма горячим сторонником Шмалькальденского союза. Генрих II тоже полагал, что безопасность Франции покоится на защите германских «свобод», то есть независимости германских князей. По заключенному в январе 1552 года Шамборскому договору монарх обещал германским князьям не допустить «превращения их древних полномочий и свобод в постоянное грубое и нестерпимое унижение». На союзном знамени было вышито: «*vindex germanicae et principis captivorum*» – «мститель за Германию и поработенных принцев». ⁴⁴ В 1609 году французский король Генрих IV, опасаясь аннексии Габсбургами Клеве на северо-западе Германии, очередного опорного пункта для вторжения во французские земли, заявил, что окажет помощь «своим старым друзьям [в Германии] и помешает императору укрепиться там в ущерб прочим». ⁴⁵ Ослабление власти Габсбургов над германскими князьями являлось также основой большой стратегии кардинала Ришелье. ⁴⁶ В 1629 году он писал, что Испания собирается «стать властелином Германии и превратить ту в абсолютную монархию, уничтожив прежние законы Германской республики (*république germanique*)». Подобно обоим Генрихам, Ришелье считал, что в интересах Франции защищать «германские свободы», права князей и представительных собраний от посягательств мечтающего об абсолютной власти императора. ⁴⁷ В мае 1645 года, уже после смерти Ришелье, французский государственный деятель Анри Огюст де Лемени, граф де Бриенн, писал: «Ослабление чрезмерной власти Австрийского дома и установление свобод князей империи – вот основная цель нашей войны с Германией». ⁴⁸ Таким образом, безопасность Франции и отстаивание германских свобод были неразрывно связаны.

Германия имела принципиальное значение и для безопасности голландцев, после того как в конце шестнадцатого столетия те освободились от господства Испании. Главной задачей образовавшейся республики Соединенных провинций стала защита «садов» Голландии, огороженной области, что омывалась на западе Северным морем. Географическое положение обеспечивало защиту республики на севере, юге и западе, но восточная граница была чрезвычайно уязвима для посягательств Священной Римской империи. Поэтому стратегия голландцев заключалась в стремлении разместить опорные пункты как можно глубже на территории Германии и тем самым, как признали в 1587 году Генеральные штаты, «отодвинуть войну от границ нашей страны». С образованием Соединенных провинций безопасность республики опиралась на стратегию «передовой обороны» в Священной Римской империи. ⁴⁹ Более того, вождь голландских повстанцев Вильгельм I Оранский был принцем Священной Римской империи, человеком «германских кровей», как пелось в голландском гимне. В Германии, по сравнению с Англией, нашли убежище почти вдвое больше голландских беженцев. В 1564 году Вильгельму самому пришлось скрываться в Германии, где он

1648 (Selinsgrove, Pa, and London, 1999), p. 271.

⁴⁴ Quoted in Stuart Carroll, *Martyrs and murderers. The Guise family and the making of Europe* (Oxford, 2009), p. 68.

⁴⁵ Quoted in Alison D. Anderson, *On the verge of war. International relations and the Jülich-Kleve succession crises (1609–1614)* (Boston, 1999), p. 51.

⁴⁶ Anja Victorine Hartmann, *Von Regensburg nach Hamburg. Die diplomatischen Beziehungen zwischen dem französischen König und dem Kaiser vom Regensburger Vertrag (13. Oktober 1630) bis zum Hamburger Präliminarfrieden (25. Dezember 1641)* (Münster, 1998).

⁴⁷ Richelieu is quoted in Hermann Weber, 'Richelieu und das Reich', in Heinrich Lutz, Friedrich Hermann Schubert and Hermann Weber (eds.), *Frankreich und das Reich im 16. und 17. Jahrhundert* (Göttingen, 1968), pp. 36–52 (pp. 39 and 41).

⁴⁸ Quoted in Osiander, *States system of Europe*, p. 28.

⁴⁹ James D. Tracy, *The founding of the Dutch Republic. War, finance, and politics in Holland, 1572–1588* (Oxford, 2008), pp. 5–7, 143–5, 238–41 and *passim*. For the connections between the Netherlands and the Empire see Johannes Arndt, *Das heilige Römische Reich und die Niederlande 1566 bis 1648. Politisch-Konfessionelle Verflechtung und Publizistik im Achtzigjährigen Krieg* (Cologne, 1998).

вербовал рекрутов и откуда предпринимал военные действия. Его основным союзником являлся Иоганн Казимир Пфальцский, чьи земли располагались в западной части Германии, в стратегически важном для голландцев районе. В начале семнадцатого столетия голландцев снова стали беспокоить события в Германии, когда Габсбурги замыслили захватить Клеве. Поэтому они вмешались с оружием в руках и остановили «империалистов». Коротко говоря, судьба голландцев была тесно связана с судьбой Священной Римской империи.

Империя имела важное стратегическое значение также и для Англии. Когда в сороковые годы шестнадцатого столетия английский король Генрих VIII присоединился к коалиции против Карла V, он отправил посланников на поиски «возможности наладить отношения и заключить дружбу с князьями и потентатами Германии».⁵⁰ Короткий и губительный четвертый брак короля с Анной Клевской был продиктован прежде всего желанием поддержать Шмалькальденский союз. Позднее Германия приобрела новую ценность с учетом строительных работ по возведению оборонительных сооружений в Нидерландах (этот регион советник Елизаветы I Уильям Сесил называл «контрэскарпом Англии», то есть оборонительной позицией сразу за пределами внутреннего периметра).⁵¹ В 1572 году Елизавета заплатила Иоганну Казимиру Пфальцскому за военные действия против испанцев в Брабанте.⁵² Именно поэтому Елизавета в середине 1580-х годов вторглась в Нидерланды, чтобы предотвратить захват этих земель испанцами. В начале семнадцатого столетия Англия вновь взялась за оружие – из страха, что Габсбурги могут проникнуть на северо-запад Германии. Значительное английское войско было переброшено на континент. Если коротко, большая стратегия англичан все больше исходила из того, что безопасность королевства зависит от пребывания Нидерландов и Священной Римской империи в дружественных руках.⁵³

Швеция также проявляла все больше озабоченности происходящим в Германии. Король Густав II Адольф и шведский парламент (риксдаг) с растущей тревогой наблюдали за успехами Габсбургов в начале Тридцатилетней войны. В декабре 1627 года король предупредил парламент, что, если сидеть сложа руки, «захватчик скоро подойдет к нашим границам». Риксдаг согласился с Густавом и счел за лучшее действовать на упреждение, чтобы «перенести тяготы и хлопоты войны на территорию неприятеля». Более того, было признано, что безопасность страны возможно обеспечить только захватом германских балтийских портов, из которых противник может начать нападение. Канцлер Аксель Оксеншерна позже заметил, что «если император захватит Штральзунд, ему отойдет все побережье, и тогда мы окажемся во всечасной опасности».⁵⁴ В 1630 году Густав занял Узедом в Померании, чтобы создать плацдарм для дальнейшего наступления. Советник Густава Юхан Адлер Сальвиус охарактеризовал эти действия как стремление предотвратить образование мировой католической монархии в христианском мире посредством защиты «свобод в Германии».⁵⁵ Вскоре после этого, в 1631 году, шведский король разгромил императорские войска в битве при Брейтен-

⁵⁰ Rory McEntegart, *Henry VIII, the League of Schmalkalden and the English Reformation* (Woodbridge, 2002), pp. 11–12 and 217–18 (quotation p. 17).

⁵¹ Cited in R. B. Wernham, *Before the Armada. The growth of English foreign policy, 1485–1588* (London, 1966), p. 292.

⁵² J. Raft, 'The Elector John Casimir, Queen Elizabeth, and the Protestant League', in D. Visser (ed.), *Controversy and conciliation. The Reformation and the Palatinate, 1559–1583* (Allison Park, Pa, 1986), pp. 117–45. 145

⁵³ О нежелании Елизаветы вторгаться в Нидерланды: Simon Adams, 'Elizabeth I and the sovereignty of the Netherlands, 1576–1585', in *Transactions of the Royal Historical Society, Sixth Series, XIV* (2004), pp. 309–19. 319

⁵⁴ Michael Roberts, *Gustavus Adolphus* (London and New York, 1992), pp. 59–72, and 'The political objectives of Gustav Adolf in Germany, 1630–2', in Roberts, *Essays in Swedish History* (London, 1967), pp. 82–110. The quotations from Gustavus Adolphus and the Rijkstag are in Erik Ringmar, *Identity, interest and action. A cultural explanation of Sweden's intervention in the Thirty Years War* (Cambridge, 1996), p. 112. Oxenstierna is quoted in Peter H. Wilson (ed.), *The Thirty Years War. A Sourcebook* (Basingstoke and New York, 2010), p. 133.

⁵⁵ 'Swedish Manifesto. 1630', in Wilson (ed.), *Thirty Years War. A Source-book*, p. 122. The concerns about the Habsburgs 'drawing nearer to the Baltic provinces' are clearly spelled out on pp. 123–4. The 'liberty of Germany' is invoked in the final paragraph, p. 130.

фельде, и шведы двинулись в глубь Южной Германии и стали угрожать Мюнхену, столице ближайшего союзника Фердинанда II, императора Священной Римской империи. Ходило немало разговоров о том, что шведский король сам собирается примерить императорскую корону,⁵⁶ а курфюрст Иоганн Георг Саксонский даже обвинил канцлера Оксеншерну в желании сделаться «неограниченным властелином и *dictator perpetuum*⁵⁷ в Германии».⁵⁸

Стратегические ресурсы придавали Священной Римской империи дополнительный вес на европейской политической сцене. Эти ресурсы были настолько велики, что, как считалось, могли решить исход противостояния между Габсбургами и Валуа, между христианами и турками. В начале семнадцатого столетия население империи составляло пятнадцать миллионов человек (в Испании только восемь). Лишь население Франции с ее шестнадцатью – двадцатью миллионами было больше. Если опираться исключительно на цифры, живая сила Германии представляла собой значительный источник пополнения армии; что касается качества бойцов, умения германских наемников, особенно служивших в тяжелой коннице, были общеизвестны. Немцы составляли костяк войск Вильгельма Оранского, боровшегося с испанцами. К 1600 году многие испанцы верили, что голландцы больше зависят от своих германских союзников, а не от англичан.⁵⁹ Сама Испания тоже полагалась на военные ресурсы Священной Римской империи; с конца шестнадцатого до середины семнадцатого столетия за счет этих ресурсов были укомплектованы три четверти «испанской» пехоты, воевавшей во Фландрии. Империя (по крайней мере, ее западные районы) также отличалась немалым богатством, имелись процветающие купеческие сообщества в Кельне, Франкфурте и других городах. Демографический, военный и экономический потенциал Священной Римской империи был настолько велик, что один шведский политик предупреждал в конце Тридцатилетней войны: «если какой-либо потентат обретет абсолютную власть в этой области, все соседние страны будут вынуждены признать свое подчиненное положение».⁶⁰

Священная Римская империя вдобавок имела принципиальное идеологическое значение – как в Европе, так и за пределами христианского мира. Император, по крайней мере, теоретически, стоял выше всех прочих европейских монархов. Поэтому некоторые наиболее амбициозные европейские государи – например, Карл V, Франциск I и Генрих VIII – открыто рвались к императорскому титулу, а другие, как Генрих II Французский, пытались добиться того же тайком. Даже правители турок, такие как Мехмед и Сулейман Великолепный, претендовали на «римское наследие», доказывая тем самым, кстати, «евроцентричность» ориентации османов. Самым важным было то, что именно император мог мобилизовать ресурсы государства (в согласовании с имперским сеймом). Таким образом, европейским странам следовало или завладеть императорским титулом, или не допустить, чтобы тот достался врагу.

Даже мусульманин Сулейман Великолепный предпринимал упорные попытки присвоить германское имперское наследие. Он постоянно подчеркивал монотеизм ислама, велел изображать себя на портретах с западными символами власти – короной и скипетром, а фоном избирать зрелища наподобие коронации Карла в качестве «римского короля».⁶¹ В два-

⁵⁶ Sigmund Goetze, *Die Politik des schwedischen Reichskanzlers Axel Oxenstierna gegenüber Kaiser und Reich* (Kiel, 1971), pp. 75–90.

⁵⁷ Пожизненным диктатором (лат.). *Примеч. ред.*

⁵⁸ Quoted in Michael Roberts, 'Oxenstierna in Germany', in Roberts, *From Oxenstierna to Charles XII. Four studies* (Cambridge, 1991), p. 26.

⁵⁹ О важности для испанцев Германии: Charles Howard Carter, *The secret diplomacy of the Habsburgs, 1598–1625* (New York and London, 1964), p. 58.

⁶⁰ Quoted in Osiander, *States system of Europe*, p. 79.

⁶¹ Gülru Necipoğlu, 'Süleyman the Magnificent and the representation of power in the context of Ottoman – Habsburg – Papal rivalry', *The Art Bulletin*, 71 (1989), pp. 401–27, especially pp. 411–12. 412

дцатых и тридцатых годах шестнадцатого столетия венецианский советник помог Сулейману устроить в Венгрии и в занятых османами районах Австрии пышные публичные праздники в западном стиле, чтобы произвести впечатление на местных жителей. До некоторой степени Сулейман преуспел: прозвищем «Великолепный» его наделили не мусульмане, а европейцы. У султана к тому же имелись немалые основания претендовать на императорский титул. Многие немецкие князья полагали, что «германские свободы» лучше защитят турки, а не Габсбурги.⁶²

Для Габсбургов корона Священной Римской империи была полезным инструментом удержания стремившихся к самостоятельности земель. В конце пятнадцатого и начале шестнадцатого столетия Максимилиан использовал титул для мобилизации Германии против Франции в ходе Итальянских войн. Его преемник Карл V тоже не сомневался в ценности короны Карла Великого. Накануне своего избрания на престол он заметил: «Это огромная и великая честь, затмевающая любые иные титулы в нашем мире».⁶³ А вот в руках французов корона Священной Римской империи сулила роковой исход, ибо помещала земли Бургундии в опасный «сэндвич» между Францией и Германией. Также императорский титул мог предоставить решающее преимущество в сфере ресурсов и живой силы. «Если мы ими пренебрежем, — заявил канцлер Габсбургов Меркурино Гаттинара, — империю передадут французам, которые не преминут воспользоваться такой удачей; они приложат все силы и испробуют ради этого все средства, и тогда не удастся сохранить ни австро-бургундские земли, полученные в наследство, ни иберийские королевства».⁶⁴ Поэтому в 1519 году, когда проходили выборы императора, Карл потратил огромные средства на подкуп германских князей и добился в конце концов желанного результата.⁶⁵

Став императором Священной Римской империи, Карл V провозгласил себя главой христианского мира и надеялся стать руководителем объединенной и миролюбивой Европы. В 1519 году Гаттинара, обращаясь к Карлу, торжественно произнес: «Бог своей милостью возвысил тебя над всеми христианскими государями, сделал тебя самым величайшим правителем со времен раздела империи, созданной Карлом Великим, и дозволил тебе править монархией с целью возвращения всего мира под руководство одного пастыря». Карл и его министры неоднократно подчеркивали, что проводят политику, направленную «как на благо империи, так и на благо Испанского королевства».⁶⁶ Однако Карлу не удалось ни убедить, ни заставить германских князей признать его преемником сына Филиппа. Тот наследовал Карлу на испанском троне, а императорский титул достался австрийским Габсбургам. Тем не менее испанские Габсбурги продолжали сотрудничать с императором. Императорская корона оставалась весомым атрибутом власти Габсбургов на европейской политической сцене.

Это обстоятельство объясняет и одержимость французов императорским титулом. В конце пятнадцатого столетия Карл VIII опасался, что император Максимилиан рано или поздно найдет применение обширным ресурсам германского политического содружества в ущерб Франции. Карл также стремился сам стать императором и в обоснование своих

⁶² Goffman, *Ottoman Empire and Early Modern Europe*, pp. 107–8. Важность Центральной Европы и Средиземноморья: Metin Kunt and Christine Woodhead (eds.), *Süleyman the Magnificent and his age. The Ottoman Empire in the Early Modern world* (London, 1995), pp. 24 and 42–3. 43

⁶³ Quoted in Karl Brandi, *Kaiser Karl V. Wenden und Schicksal einer Persönlichkeit und eines Weltreiches* (Munich, 1959), p. 78.

⁶⁴ Quoted in John M. Headley, 'Germany, the Empire and Monarchia in the thought and policy of Gattinara', in Lutz (ed.), *Das römisch-deutsche Reich*, p. 18.

⁶⁵ Henry J. Cohn, 'Did bribes induce the German electors to choose Charles V as emperor in 1519?', *German History*, 19, 1 (2001), pp. 1–27.

⁶⁶ Headley, 'Germany, the Empire and Monarchia', in Lutz (ed.), *Das römisch-deutsche Reich*, pp. 15–33, especially pp. 18–19 (quotations pp. 16 and 22).

притязаний даже чеканил монеты с убедительной надписью «Carolus Imperator».⁶⁷ Два десятилетия спустя Франциск I, считавший себя законным наследником Карла Великого, предпринял неудачную попытку выиграть выборы 1519 года в соперничестве с Карлом V. Франциск утверждал, что просто «возвращает себе должное» и что отнятие у Габсбургов короны Священной Римской империи поможет прорвать враждебное окружение: «Причина, которая побуждает меня стать императором, есть моя воля помешать Габсбургу взойти на престол. Если же Габсбург добьется этого, то, располагая обширными владениями и повелевая столькими князьями, он... без сомнения... вынудит меня уйти из Италии». Кроме того, Франциск полагал, что императорский титул даст ему право руководить христианским миром, и потому подчеркивал свое «намерение... вести войну с турками более решительно».⁶⁸ А в первой половине семнадцатого столетия наставник Ришелье отец Жозеф писал, что основная цель [Тридцатилетней] войны заключается в том, чтобы расстроить планы испанцев по превращению «империи в наследственное владение Австрийского дома» и помешать «их стремлению подчинить себе весь христианский мир».⁶⁹

Англия также всерьез интересовалась короной Священной Римской империи. На выборах 1519 года английский король Генрих VIII конкурировал с Франциском и Карлом. Само возникновение его кандидатуры отражало намерение восстановить власть англичан во Франции и обрести широкие полномочия на европейской политической сцене. Генрих прекрасно помнил традиционные французские упреки: дескать, англичане подвластны воле римского папы, в то время как Франция не подчиняется никому. Титул императора Священной Римской империи был необходим и для того, чтобы подкрепить претензии на французский престол, и для укрепления дипломатическим путем своего положения в Германии, которая угрожала Франции с востока. Возвращение во Францию, другими словами, пролегло через Германию. Императорский титул также увеличивал шансы фаворита английского короля кардинала Томаса Уолси занять папский престол; по этой причине Генрих VIII жестко осудил идеологию Лютера.⁷⁰ Английский монарх получил некоторую поддержку в Германии – его сторону принял Максимилиан, который отчаянно противодействовал французам и не был уверен в том, что кандидат Габсбургов будет подходящим выбором. Генрих выборы проиграл, но интересно предположить, что произошло бы, добейся он титула императора и стань Генрихом VIII не только Английским, но и Германским и сумеи его преемники сохранить этот титул. Английская форма правления в этом случае могла бы распространиться по всему континенту – ведь Кале был представлен в английском парламенте и даже Турнэ во Фландрии, на короткий срок занятый англичанами, отправлял своих делегатов в Вестминстер.⁷¹ История Британской империи могла сложиться иначе, а Европа могла бы «британизироваться» куда сильнее.

Эти геополитические «узоры» усугублялись (но все-таки не подвергались фундаментальной трансформации) различными религиозными и политическими учениями, которые сотрясали Европу с середины пятнадцатого по середину семнадцатого столетия. В 1517 году немецкий монах Мартин Лютер прибил к двери Виттенбергской церкви свои девяносто пять

⁶⁷ Matthias Schnettger and Marcello Verga (eds.), *Das Reich und Italien in der Frühen Neuzeit* (Berlin and Bologna, 2000). О стычке между Максимилианом и Карлом: Hermann Wiesacker, *Kaiser Maximilian I. Das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit* (Munich, 1975) (quotation p. 50). О «мессианских» амбициях Карла: Haran, *Le lys et le globe*, pp. 39–40.

⁶⁸ Quoted in Heinrich Lutz, 'Kaiser Karl V., Frankreich und das Reich', in Lutz et al., *Frankreich und das Reich im 16. und 17. Jahrhundert*, pp. 7–19 (quotation p. 13).

⁶⁹ Quoted in William F. Church, *Richelieu and reason of state* (Princeton, NJ, 1972), p. 287.

⁷⁰ Stella Fletcher, *Cardinal Wolsey. A life in Renaissance Europe* (London and New York, 2009), pp. 61–2.

⁷¹ C. S. L. Davies, 'Tournai and the English crown, 1513–1519', *Historical Journal*, 41 (1998), pp. 1–26, especially pp. 11–12.

тезисов, направленных против коррупции и ошибок Римской католической церкви.⁷² Эта «Реформация» являлась не религиозным переворотом, а протестом против внутренних беспорядков и внешних вторжений в империю. Лютер, Ульрих фон Гуттен, Андреас Осиандер и другие реформаторы были крайне обеспокоены наступлением османов и потому неоднократно призывали к борьбе с оружием в руках «против иноверцев».⁷³ Они стремились всколыхнуть германскую «нацию» через духовное преобразование и считали, что покаяния и молитвы очистят империю от грязи и скверны, которые ослабляют ее перед лицом нависшей угрозы с востока и запада. Учение Лютера нашло отклик не только у образованных людей, но и у населения сельской местности (особенно на востоке и западе), которое видело в Реформации шанс освободиться от гнета крупных землевладельцев, а также возможность преобразовать государство и восстановить германскую национальную «честь в Европе». Крестьянская война, вспыхнувшая через несколько лет, была не локальной «жакерией», а отражением народного стремления к участию в жизни нового «рейха».⁷⁴ С другой стороны, многие германские князья усмотрели в протестантстве защиту от императорской власти, инструмент расширения своих привилегий, а также способ улучшить свое материальное положение за счет захвата церковных земель.

Политический аспект также оказался решающим фактором реформации в Англии в тридцатых годах шестнадцатого столетия. Наследник мужского пола был важен не столько для стабильности Англии – где наследовать могли и женщины, – сколько для притязаний Генриха на Францию и Священную Римскую империю, где, согласно салическому закону, женщинам возбранялось претендовать на престол. Когда папа римский отказался расторгнуть текущий брак Генриха, чтобы тот получил возможность жениться на Анне Болейн, английский король порвал с Римом. Позже Генрих захватил церковные земли, что позволило ему не только укрепить власть в государстве, но и финансировать армию для действий на континенте. В ответ на франко-габсбургскую католическую угрозу Генрих на юге Англии возвел грандиозные береговые фортификации, оплаченные разграблением секуляризованных монастырей и даже воздвигнутые из камней снесенных соборов, тем самым как бы подчеркнув тесную связь между реформацией в Англии и защитой страны.

Реформация способствовала появлению «культуры вероисповедания» и возникновению европейской национальной и транснациональной общественности, озабоченной религиозными вопросами, дипломатией и общим благом.⁷⁵ Жителям Северной, Северо-Западной и Центральной Европы проповедовали, пели гимны, раздавали и продавали памфлеты, распространяли среди них незатейливые богословские гравюры на дереве. В последующие несколько десятилетий разнообразные формы протестантизма были приняты potentатами по всей Германии (особенно на севере и востоке), а также в Нидерландах, Англии, Шотландии, Скандинавии и во многих общинах Польши, Венгрии и Богемии. Появились новые «фронты» не только в политике, где это уже было привычным делом, но и между странами. К существовавшему единству христиан в борьбе против турок и единомыслию республик против тиранов добавилось содружество протестантов в борьбе против католиков (и наоборот).

⁷² Euan Cameron, *The European Reformation* (Oxford, 1991), pp. 99–110.

⁷³ John W. Bohnstedt, *The in del scourge of God. The Turkish menace as seen by German pamphleteers of the Reformation era* (Philadelphia, 1968), pp. 12–13 and 23–5.

⁷⁴ Dieter Mertens, 'Nation als Teilhabeverheissung: Reformation und Bauernkrieg', in Dieter Langewiesche and Georg Schmidt (eds.), *Föderative Nation. Deutschlandkonzepte von der Reformation bis zum Ersten Weltkrieg* (Munich, 2000), pp. 115–34, especially pp. 117–18 and 125–32. Также: Klaus Arnold, "... damit der arm man vnnd gemainer nutz iren furgang haben"... Zum deutschen "Bauernkrieg" als politischer Bewegung: Wen – del Hiplers und Friedrich Weigandts Pläne einer "Reformation" des Reiches', in *Zeitschrift für historische Forschung*, 9 (1982), pp. 257–313, especially pp. 296–307 on imperial reform plans.

⁷⁵ Andrew Pettegree, *The Reformation and the culture of persuasion* (Cambridge, 2005), especially pp. 185–210; R. W. Scribner, *For the sake of simple folk. Popular propaganda for the German Reformation* (Cambridge, 1981); and Peter Lake and Steven Pincus (eds.), *The politics of the public sphere in Early Modern England* (Manchester and New York, 2007), especially pp. 1–30.

Нигде этот раскол не обнаружился более явно, чем в Германии,⁷⁶ которую Реформация буквально разорвала в клочья. Католицизм, лютеранство и кальвинизм вели ожесточенную борьбу. В 1590-х годах ярые кальвинисты сплотились вокруг курфюрста Пфальцского, желая отстоять «германские свободы» от посягательств императора и добиться равного представительства в имперских органах власти.⁷⁷ Они искали помощи у своих собратьев за рубежом – у «кальвинистского интернационала» в Нидерландах и Англии, – а также прилагали все усилия к защите своей веры в стратегически важной Германии.⁷⁸ Германские, голландские и английские князья-протестанты верили, что их объединяет стратегически общность вероучения. Уильям Сесил, советник королевы Елизаветы, считал необходимым «союз со всеми князьями-протестантами для защиты страны», особенно с «князьями-протестантами [Германской] империи». Другими словами, пока власть в Германии не попадет во враждебные руки, голландские повстанцы, а с ними и англичане, будут пребывать в безопасности.⁷⁹ В начале семнадцатого столетия кальвинисты перешли в наступление. Они постоянно срывали заседания имперского сейма, учредили Протестантскую унию под руководством курфюрста Пфальцского. Герцог Баварский в 1609 году ответил учреждением Католической лиги, деятельность которой финансировал испанский король Филипп III. В том же году кальвинисты вышли из парламента, что привело к конституционному кризису.⁸⁰

Критическим вопросом было будущее короны Священной Римской империи, которая сделалась предметом уже религиозного, а не просто стратегического соперничества. Наиболее вероятный кандидат Габсбургов, Фердинанд Штирийский, был неприемлем для протестантов. Иезуитское воспитание Фердинанда и его стремление к неограниченной власти представляли прямую угрозу лютеранам и кальвинистам среди князей. Поэтому наиболее радикальные среди них предлагали устранить эту опасность путем избрания императора-протестанта.⁸¹ Разумеется, такая кандидатура была равно неприемлема для австрийских Габсбургов и германских католиков, а также для испанцев.⁸² Испанский государственный деятель дон Бальтасар де Суньига в сентябре 1613 года заметил: «Если силы протестантского императора когда-либо объединятся с силами голландских еретиков, мы потеряем не только подвластные нам провинции во Фландрии, но и Миланское герцогство, а затем и остальную Италию». В 1618 году испанский посланник в Австрии Иньиго Велес де Гевара, граф Оньяте, предостерегал: «Если кто-либо потеряет Германию, то он наверняка потеряет Фландрию и Италию – страны, на которых держится вся монархия».⁸³

⁷⁶ Diarmaid MacCulloch, *Reformation. Europe's house divided, 1490–1700* (London, 2003), especially pp. 124–5. О порожденном Реформацией ощущении уязвимости: Robert von Friedeburg, *Self-defence and religious strife in Early Modern Europe. England and Germany, 1530–1680* (Aldershot, 2002).

⁷⁷ Claus-Peter Clasen, *The Palatinate in European history, 1555–1618* (Oxford, 1963), especially pp. 10–11; and Volker Press, 'Fürst Christian I. von Anhalt-Bernburg, Statthalter der Oberpfalz, Haupt der evangelischen Bewegungspartei vor dem Dreissigjährigen Krieg (1568–1630)', in Konrad Ackermann and Alois Schmid (eds.), *Staat und Verwaltung in Bayern* (Munich, 2003), pp. 193–216.

⁷⁸ D. J. B. Trim, 'Calvinist internationalism and the shaping of Jacobean foreign policy', in Timothy Wilks (ed.), *Prince Henry revived. Image and exemplarity in Early Modern England* (London, 2007), pp. 239–58. О самом любопытном агенте «кальвинистского интернационала»: Hugh Trevor-Roper, *Europe's physician. The various life of Sir Theodore de Mayerne* (New Haven, 2006).

⁷⁹ Cecil on the German princes is cited in David Trim, 'Seeking a Protestant alliance and liberty of conscience on the continent, 1558–85', in Susan Doran and Glenn Richardson (eds.), *Tudor England and its neighbours* (Basingstoke, 2005), pp. 139–77 (p. 157).

⁸⁰ Peter H. Wilson, 'The Thirty Years War as the Empire's constitutional crisis', in R. J. W. Evans, Michael Schaich and Peter H. Wilson (eds.), *The Holy Roman Empire, 1495–1806* (Oxford, 2010), pp. 95–114.

⁸¹ Heinz Duchhardt, *Protestantisches Kaisertum und altes Reich. Die Diskussion über die Konfession des Kaisers in Politik, Publizistik und Staatsrecht* (Wiesbaden, 1977), pp. 326–30.

⁸² R. A. Stradling, *Spain's struggle for Europe, 1598–1668* (London, 1994).

⁸³ Zúñiga and Onate are quoted in Eberhard Straub, *Pax et imperium. Spaniens Kampf um seine Friedensordnung in Europa zwischen 1617 und 1635* (Paderborn and Munich, 1980), pp. 116–17.

Ситуация обострилась в мае 1618 года, когда богемская знать избрала своим королем протестанта Фридриха Пфальцского, полагая, что он станет претендовать на императорскую корону.⁸⁴ Однако в марте 1619 года императором избрали Фердинанда Штирийского. Тот немедленно принялся восстанавливать в империи власть Габсбургов и в 1620 году разбил богемское войско в сражении при Белой Горе. Испанские войска оккупировали Пфальц. Фридриху пришлось уступить свой титул ближайшему союзнику Фердинанда и главе Католической лиги герцогу Баварскому, что значительно укрепило хватку Габсбургов на императорской короне.⁸⁵ Баланс власти в Германии очевидно сместился в пользу католиков и стал угрожать европейскому равновесию.⁸⁶ Как отмечали в феврале 1621 года нидерландские Генеральные штаты, окончательное падение Пфальца означает, что «истинная религия истребляется, германские свободы изничтожаются, а императорская корона переходит к Испанскому дому».

С другой стороны, религия, конечно, нередко усугубляла существующий политический разлад, но порой позволяла его преодолевать (далеко не всегда). К примеру, ненависть французов-католиков к католикам империи Габсбургов превосходила соображения религиозной неразделимости. Франциск I без колебаний заключил союз с турками против императора Карла V. «Я не могу отрицать, – говорил французский король, – что весьма страстно желаю султану быть сильным и готовым к войне, не потому что хочу ему добра, ведь мы христиане, а он иноверец, а чтобы ослабить власть императора, обременить его военными тратами и сплотить все другие страны против столь могущественного неприятеля».⁸⁷ Преемники Франциска на троне без сомнений прибегали к помощи германских князей-протестантов против императоров-Габсбургов. Кардинал Ришелье в ходе Тридцатилетней войны даже вторгся в империю, чтобы оказать помощь князьям-протестантам и шведам и навредить единоверцам-Габсбургам. Султан Сулейман, со своей стороны, велел мусульманам в Испании координировать действия с «лютеранской сектой» в Нидерландах и в Священной Римской империи.

Борьба за господство в Европе, и особенно в Священной Римской империи, сформировала внутреннюю политику европейских стран. Она стимулировала возникновение публичной сферы, преимущественно внутри отдельных стран, но также и на «панъ-европейском» уровне. Споры о большой стратегии лежали в основе общественных дискуссий, и это сполна подтверждается всего двумя наглядными примерами. Утрата в середине пятнадцатого столетия владений во Франции привела к тому, что разгневанные англичане пожелали узнать, кто виноват в случившемся.⁸⁸ Дебаты выплеснулись за стены парламента и нашли отражение в широко распространенных написанных от руки текстах.⁸⁹ Призывы привлечь к суду Уильяма де ла Пола, графа Саффолка, советника короля Генриха VI и лорда-распорядителя на его коронации, обернулись в итоге тем, что графа казнили за предательство английских интересов во Франции. Из Кента группа сельских мятежников двинулась на Лондон, чтобы

⁸⁴ Brennan C. Pursell, *The Winter King. Frederick V of the Palatinate and the coming of the Thirty Years War* (Aldershot, 2003).

⁸⁵ Thomas Brockmann, *Dynastie, Kaiseramt und Konfession. Politik und Ordnungsvorstellungen Ferdinands II im Dreissigjährigen Krieg* (Paderborn, 2009).

⁸⁶ Heinz Duchhardt, 'Das Reich in der Mitte des Staatensystems. Zum Verhältnis von innerer Verfassung und internationaler Funktion in den Wandlungen des 17. und 18. Jahrhunderts', in Peter Krüger (ed.), *Das europäische Staatensystem im Wandel. Strukturelle Bedingungen und bewegende Kräfte seit der Frühen Neuzeit* (Munich, 1996), pp. 1–9; and Christoph Kampmann, *Europa und das Reich im Dreissigjährigen Krieg. Geschichte eines europäischen Konflikts* (Stuttgart, 2008).

⁸⁷ Quoted in R. J. Knecht, *The Valois. Kings of France, 1328–1589* (London, 2004), p. 144.

⁸⁸ Maurice Keen, 'The end of the Hundred Years War: Lancastrian France and Lancastrian England', in Michael Jones and Malcolm Vale (eds.), *England and her neighbours, 1066–1453* (London and Ronceverte, W. Va, 1989), pp. 297–311, especially pp. 299–301.

⁸⁹ О существовании публичной сферы до изобретения книгопечатания и значимости английских войн: Clementine Oliver, *Parliament and political pamphleteering in fourteenth-century England* (Woodbridge, 2010), p. 4 and *passim*.

высказать недовольство не только местными неурядицами, но также и тем, что у короля «дурные советники, ибо заморские земли потеряны, торговля расстроена, крестьяне страдают, море отошло врагу, Франция потеряна».⁹⁰ Сторонники дома Йорков говорили, что промахи короля привели к потере английских земель во Франции, сомневались в готовности оставшихся владений Англии на континенте, наподобие Кале, отразить нападение неприятеля и обвиняли Ланкастеров в том, что они собираются уступить эти земли Франции.⁹¹ В конце шестнадцатого и начале семнадцатого столетия в Англии в основном велись разговоры о возвращении потерянных английских владений за Каналом. Затем общественный интерес сместился в сторону Нидерландов и Священной Римской империи. Голландские повстанцы и германские князья-протестанты повсеместно считались союзниками в борьбе с властью католиков-Габсбургов. В начале семнадцатого столетия многие англичане осуждали заключенный с Мадридом мир как капитуляцию перед тиранией и предательство интересов голландцев и континентальных протестантов в целом.⁹² Вскоре гонения, которым подвергались германские протестанты, а также династические браки с Испанией и несостоятельность монархии Стюартов сделались основными темами английских политических дебатов.⁹³

В Германии политические дискуссии стимулировались техническим нововведением — изобретением Иоганнесом Гутенбергом в середине пятидесятих годов пятнадцатого столетия печатного станка. Развитие гуманизма во времена Возрождения привело к появлению протонационалистической публичной сферы. Эти настроения зарождались на фоне упадка имперского государства и потери значимости Германии на европейской политической сцене. Немцы мнили себя наследниками Римской империи, в которой, как они полагали, были главным, пусть и не единственным, народом; они прекрасно понимали, что империю также населяли славяне и романцы (валлоны). Этот имперский патриотизм и национализм подпитывался военной угрозой с запада — посягательствами на германские земли со стороны Франции и Бургундии — и с юго-востока, где бесчинствовали венгры и турки.⁹⁴ Кроме того, национализм проявлялся в стремлении участвовать в деятельности имперских государственных органов и в призывах гуманистов, таких, как Иоганн Авентин, прилагать больше усилий к защите «германских свобод» от деспотизма Франции и прочих «хищников».⁹⁵ Раздавались требования покончить с коррупцией в германской церкви и остановить повсеместное беззаконие, что рассматривалось не просто как наведение социального порядка, а как внутреннее противодействие внешней агрессии. Словом, в постаревшей Священной Римской империи жизнь продолжалась.⁹⁶

Внешняя политика европейских стран определяла политику придворную и порою даже приводила к падению и смене династий. Обстоятельства варьировались от страны к стране, но к началу семнадцатого столетия общую озабоченность вызывала именно обстановка в

⁹⁰ Cited in Helen Castor, *Blood and roses* (London, 2004), p. 60.

⁹¹ G. L. Harriss, 'The struggle for Calais: an aspect of the rivalry between Lancaster and York', *The English Historical Review*, LXXV, 294 (1960), pp. 30–53, especially pp. 30–31.

⁹² Alexandra Gajda, 'Debating war and peace in late Elizabethan England', *Historical Journal*, 52 (2009), pp. 851–78.

⁹³ Noel Malcolm, *Reason of state, propaganda, and the Thirty Years' War*. An unknown translation by Thomas Hobbes (Oxford, 2007), especially pp. 74–8, and Robert von Friedeburg, '"Self-defence" and sovereignty: the reception and application of German political thought in England and Scotland, 1628–69', *History of Political Thought*, 23 (2002), pp. 238–65.

⁹⁴ Almut Höfert, *Den feind beschreiben. Türkengefahr und europäisches Wissen über das Osmanische Reich 1450–1600* (Frankfurt, 2003), and Robert Schwoebel, *The shadow of the crescent. The Renaissance image of the Turk (1453–1517)* (Nieuwkoop, 1967).

⁹⁵ Caspar Hirschi, *Wettkampf der Nationen. Konstruktionen einer deutschen Ehrgemeinschaft an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit* (Göttingen, 2005), pp. 12, 159, and *passim*.

⁹⁶ Alfred Schröcker, *Die deutsche Nation. Beobachtungen zur politischen Propaganda des ausgehenden 15. Jahrhunderts* (Lübeck, 1974), pp. 116–45, and Joachim Whaley, *Germany and the Holy Roman Empire, 1493–1806*, 2 vols. (Oxford, 2011).

Священной Римской империи. По всему континенту неудачи (реальные или мнимые) Германии в Тридцатилетней войне вели к политическим изменениям. В 1618 году Франсиско Гомес да Сандоваль герцог Лерма, испанский министр и фаворит короля, лишился власти в Мадриде вследствие того, что не сумел защитить испанские интересы в Европе, и особенно в Священной Римской империи.⁹⁷ Его преемник Суньига снискал уважение своими достижениями там и умер обласканный королем в 1622 году; его место занял Оливарес, которого критиковали за увеличение расходов на реализацию испанской большой стратегии, прежде всего в Священной Римской империи. Аналогично в Париже французский министр Шарль д'Альбер герцог Люинь потерял влияние при дворе из-за провала своей немецкой стратегии,⁹⁸ как и «наследовавший» ему герцог Шарль Вьевиль. А вот кардинал Ришелье воспользовался своими успехами на этом поприще и тем самым возвысился при дворе.

В Англии внешняя политика привела, пожалуй, к наибольшим внутренним потрясениям. После того как в начале Тридцатилетней войны австро-испанский имперский союз «поглотил» Германию, английский парламент и население открыто выступили против короны.⁹⁹ Для оппонентов Стюартов Богемский конфликт происходил вовсе не в далекой стране и вовсе не между народами, о которых в Англии ничего не знали. В 1620 году сэр Джон Дэвис заявил в палате общин, что «Пфальц в огне, религия в огне; все прочие страны в огне... в опасности Соединенные провинции Нидерландов и весь протестантский мир». Следя за событиями на континенте, критики короля в парламенте видели «могучую и побеждающую партию... что стремится уничтожить все протестантские церкви христианского мира», и отмечали «слабое противодействие этой партии».¹⁰⁰ К 1642 году в Англии началась гражданская война, разделившая страну на два лагеря. Корона потерпела поражение в 1646 году, три года спустя монарха предали казни, и установился протекторат, который возглавил Оливер Кромвель. Потребность поддержать Пфальц и европейский протестантизм находила отражение в большом числе документов парламента военных лет. Если коротко, «Великий мятеж» против Карла Стюарта явился, по существу, выступлением против внешней политики Стюартов. Неудачи на международной арене привели к разногласиям дома. В итоге англичане в 1642 году стали воевать друг с другом, поскольку не смогли в достаточной мере защитить протестантизм в Европе в предыдущие двадцать лет.

Чтобы сохранить конкурентоспособность в схватке за Европу, европейские страны стремились к внутренней консолидации или искали безопасность в рамках крупных союзов. Карл V хорошо понимал сложность согласованного управления Австрийским, Венгерским и Средиземноморским фронтами против турок, заодно с итальянским, германским и бургундским театрами военных действий против Франции и с германскими князьями-протестантами внутри империи. Поэтому он частично передал управление Священной Римской империей своему младшему брату Фердинанду и поручил тому оборонять Центральную Европу. В 1522 году Карл сложил с себя полномочия эрцгерцога Австрии ради Фердинанда, а девятью годами позднее вынудил германских князей назвать Фердинанда его преемником

⁹⁷ Elliott, 'Foreign policy and domestic crisis', in Elliott, *Spain and its world, especially*, pp. 118–19.

⁹⁸ Sharon Kettering, *Power and reputation at the court of Louis XIII. The career of Charles d'Albert, duc de Luynes (1578–1621)* (Manchester and New York, 2008), pp. 217–42.

⁹⁹ Jonathan Scott, *England's troubles. Seventeenth-century English political instability in European context* (Cambridge, 2000), and John Reeve, 'Britain or Europe? The context of Early Modern English history: political and cultural, economic and social, naval and military', in Glenn Burgess (ed.), *The new British history. Founding a modern state, 1603–1715* (London and New York, 1999), pp. 287–312.

¹⁰⁰ 'Resolutions on religion drawn by a sub-committee of the House of Commons', 24 February 1629, in S. R. Gardiner, *Constitutional documents of the Puritan revolution*, 3rd rev. edn (Oxford, 1906), p. 78. On the rise of Calvinist internationalism in England see David Trim, 'Calvinist inter – nationalism and the shaping of Jacobean foreign policy', in Timothy Wilks (ed.), *Prince Henry revived. Image and exemplarity in Early Modern England* (London, 2007), pp. 239–58.

и будущим императором. Это решение имело важные последствия для государственного строительства на юго-востоке Европы. Фердинанд после крушения Венгрии спас от нашествия турок Богемию и Силезию, обезопасив свой северо-восточный фланг.¹⁰¹ В 1530 году он сказал в Линце перед ландтагом, собранием представителей сословий: «Туркам невозможно противостоять, если Венгерское королевство окажется в руках эрцгерцога Австрии или другого германского князя».¹⁰² После недолгих колебаний Венгрия и Хорватия присоединились к Габсбургам; в обоих случаях присоединение шло, по сути, как «общественный договор» и опиралось на уверенность в способности Фердинанда спасти европейцев от турок.¹⁰³

Еще более успешными в совместной защите своих прав и свобод оказались голландцы. В конце шестнадцатого столетия они быстро преодолели «партикуляризм», который, как предупреждал Вильгельм Оранский, ставит под угрозу борьбу с Испанией за независимость. В 1572-м штаты провинции Голландия избрали Вильгельма штатгальтером и поручили ему возглавить борьбу с Филиппом, а также провозгласили религиозную толерантность, чтобы не допустить гражданской войны. Тремя годами позднее к Голландии присоединилась Зеландия. В совместной декларации, принятой в октябре 1575 года, эти провинции заявляли: «Мы отказываемся подчиняться испанскому королю и ищем помощи других стран». В 1579 году Голландия, Зеландия, большая часть Утрехта и Гронинген подписали Утрехтскую унию. Была согласована комплексная система налогообложения, кредитования и финансирования армии. Вероятно, она превратила жителей Нидерландов в наиболее «обираемых» налогами в Европе и оказалась жизнеспособной только потому, что голландцы решили сами позаботиться о собственной безопасности и вершить свое будущее. Жители Нидерландов «присвоили» себе политику безопасности, подняли восстание сразу в нескольких провинциях по отдельности и яростно отстаивали свои привилегии. Именно давление конфликта породило Соединенные провинции Нидерландов. Голландцы нашли способ вести войну, а война сделала их голландцами.¹⁰⁴

В Англии требования международной политики привели к частичному радикальному переосмыслению способов снизить напряженность в отношениях между «метрополией» и периферией. Тюдоры опасались, что в недружелюбных руках Шотландия и Ирландия окажутся «черным ходом» в Англию или поспособствуют враждебному ее окружению. Вторжение Елизаветы I в Шотландию и установление в этой стране пресвитерианства во многом определили и обезопасили северные границы Англии, по крайней мере на время. Ирландия, где большинство населения оставалось католическим и где ожесточенно сопротивлялись английской колонизации (любой веры), доставляла куда больше хлопот. Следовало покончить с испанским проникновением в Ирландию и раз и навсегда устранить угрозу гэльского мятежа. Надлежало отыскать и удовлетворительное решение для укрепления своего влияния, особенно с учетом того, что враждебные государства, как предупреждал в 1560 году советник Елизаветы I Уильям Сесил, «за последнее время намного усилились и уже далеко не таковы, какими были ранее, тогда как Англия остается одинокой и не увеличила своего могущества». Поэтому Сесил рекомендовал «объединить силы», соединив «два королевства» [Англию и Шотландию], и «привязать» к ним Ирландию, что «заслуживает внима-

¹⁰¹ Alfred Kohler, 'Karl V, Ferdinand I und das Königreich Ungarn', in Martina Fuchs, Teréz Oborni and Gábor Újváry (eds.), *Kaiser Ferdinand I. Ein mitteleuropäischer Herrscher* (Münster, 2005), pp. 3–12.

¹⁰² Quoted in Hans Sturmberger, 'Türkengefahr und österreichische Staatlichkeit', *Südostdeutsches Archiv*, X (1967), pp. 132–45.

¹⁰³ Winfried Schulze, *Reich und Türkengefahr im späten 16. Jahrhundert. Studien zu den politischen und gesellschaftlichen Auswirkungen einer äusseren Bedrohung* (Munich, 1978), especially pp. 270–97.

¹⁰⁴ The declaration of 1575 is cited in Geoffrey Parker, *The Dutch Revolt* (Harmondsworth, 1990), p. 146. M. C. 't Hart, *The making of a bourgeois state. War, politics and finance during the Dutch revolt* (Manchester, 1993), pp. 216–17, makes the point that war and state formation do not necessarily lead to absolutism.

ния»». В 1603 году после кончины Елизаветы династическая преемственность возвела на английский престол шотландского короля, который под именем Яков I стал королем Англии и Шотландии. Через несколько лет он начал «заселение Ольстера», экспроприируя земли у ирландских землевладельцев-католиков и передавая во владение протестантам – шотландцам и англичанам. Тем самым Яков обезопасил западный фланг своего королевства и положил начало совместным действиям Англии, Шотландии и Ирландии на международной арене.¹⁰⁵

Подобные процессы консолидации происходили также в Северной и Восточной Европе. Упадок Тевтонского ордена и освобождение его территорий на Балтике привели к всплеску местного патриотизма, грозившему затопить регион. В 1558 году русский царь Иван Грозный захватил Нарву в Северо-Восточной Ливонии. В начале шестидесятых годов шестнадцатого столетия русские заняли часть Северной Польши. Приблизительно в то же время шведы аннексировали северную половину современной Эстонии. Окруженные со всех сторон Габсбургами и укреплявшимися на глазах шведами, русскими и турками, более слабые государства региона стремились заключить территориальные сделки и остаться конкурентоспособными во все более враждебном окружении. В 1561 году тевтонские рыцари объединились с Великим княжеством Литовским, а восемью годами позднее совместно, согласно Люблинской унии, образовали единое государство с поляками. Это новое польско-литовское государство простиралось от Балтики чуть ли не до Черного моря. Оно увеличилось еще больше, когда в 1592 году польский король Сигизмунд III Ваза унаследовал шведский престол. Польско-шведский союз позволял надеяться на сдерживание как русских, так и Османской империи.

Главным при образовании и консолидации государств являлся вопрос меньшинств, преимущественно религиозных. В шестнадцатом и в начале семнадцатого столетия правительства многих европейских стран пытались понять, каким образом ассимилировать эти меньшинства – или их стоит подавить, или попросту изгнать? Снова будет достаточно двух примеров. Испанцы поступили следующим образом. Сотрудничество местных мусульман (морисков) с турками заставило короля Филиппа II ввести в 1567 году драконовские законы, согласно которым морискам надлежало за три года выучить испанский язык; по истечении этого срока считалось преступлением разговаривать, читать и писать на арабском языке, публично или в уединении. Морискам запрещалось носить мусульманские имена и ходить в национальной одежде. Филипп даже ополчился против общественных бань, посчитав, что они являются местами тайного омовения по исламскому обычаю. Когда протестующие мориски обратили внимание короля на непомерно высокие налоги, которыми их обложили, представитель короны ответил, что Филипп «ценит религиозность больше доходов».¹⁰⁶ В 1568 году мориски подняли восстание, и Филиппу для его подавления пришлось отозвать войска из Италии.¹⁰⁷ Подавив восстание, Филипп обвинил в измене всех морисков, не делая разницы между реальными мятежниками и прочими мусульманами. Около восьмидесяти тысяч морисков, закованных в кандалы, отправили в глубь страны. Примерно десять тысяч остались в Гранаде. Однако мориски продолжали доставлять постоянное беспокойство властям. Наконец в 1609 году Филипп III решил проблему кардинально: он переселил триста

¹⁰⁵ Jane E. A. Dawson, 'William Cecil and the British dimension of early Elizabethan foreign policy', *History*, 74 (1989), pp. 196–216 (Cecil quotation p. 209). О восприятии Шотландии в «европейском» контексте: Roger A. Mason, 'Scotland, Elizabethan England and the idea of Britain', *Transactions of the Royal Historical Society, Sixth Series*, 14 (2004), pp. 279–93 (especially p. 285). И также: William Palmer, *The problem of Ireland in Tudor foreign policy 1485–1603* (Woodbridge, 1995), p. 79 and passim, and Brendan Bradshaw and John Morrill (eds.), *The British problem, c. 1534–1707. State formation in the Atlantic archipelago* (Basingstoke, 1996).

¹⁰⁶ Philip's representative's comments to the Moriscos are cited in Lynch, *Spain under the Habsburgs*, p. 227.

¹⁰⁷ Hess, 'The Moriscos: an Ottoman fifth column', pp. 1–25.

тысяч морисков (всех, живших в Испании) в Северную Африку. Многовековой мусульманской цивилизации Аль-Андалус пришел конец.¹⁰⁸

В других случаях правительства проявляли веротерпимость, поскольку они искренне верили в мирное сосуществование различных конфессий, либо считали, что веротерпимость укрепляет сплоченность страны, либо по той причине, что группировки, которые придерживались иных религиозных убеждений, были слишком сильны, чтобы с ними расправиться. Так, император Фердинанд I не притеснял протестантов, дабы мобилизовать население для борьбы с турками.¹⁰⁹ Наибольшую снисходительность к иноверцам выказывал сын Фердинанда император Максимилиан II. В 1571 году он подписал указ (*Assekuration*), закреплявший за австрийскими князьями-лютеранами право исповедовать в собственных владениях любые религиозные убеждения. Император надеялся покончить с религиозной враждой не только в Австрии, но и во всей империи и полагал, что это единственный способ привлечь германских князей к борьбе с агрессивными турками. Коротко говоря, внешние угрозы привели к совершенно разным практикам двух ветвей династии Габсбургов.

Европейцы расходились во взглядах на то, какая система, авторитарная или репрезентативная, больше подходит для завершения борьбы за Европу. Флорентийский государственный деятель и писатель Никколо Макиавелли изучал этот вопрос в своих сочинениях «Государь» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Данные книги представляли собой первую попытку систематически осмыслить сложившуюся геополитику и ее влияние на внутреннюю структуру европейских государств. В предисловии к первой книге «Рассуждений» Макиавелли описывал государства как сообщества, где люди живут вместе, потому что «так удобнее и гораздо легче защищаться». Однако этого не добиться без применения «силы». Макиавелли признавал, что «нынешним государям и современным республикам должно стыдиться, если у них нет войск для нападения и защиты». Целью идеальной республики является не установление общественной добродетели само по себе, а принятие наилучших стратегических решений и мобилизация сил государства для их выполнения.¹¹⁰ Макиавелли предостерегал: «Нет ничего ошибочнее общего мнения, утверждающего, что деньги суть пружина войны».

Великий флорентиец полагал, что основой эффективной внешней политики является сильная внутренняя структура. В шестой книге «Рассуждений» он говорил о потребности, «чтобы у государства была конституция, каковая, если к тому понуждает обстановка, позволит ему увеличить свои территории и защитить то, что им завоевано». Все важные государственные вопросы следует выносить на всенародное обсуждение, и положение это важнее, чем эффективная налоговая система. По Макиавелли, «что же до рассудительности и постоянства, то уверяю вас, что народ постояннее и много рассудительнее всякого государя»; и далее: «Кажется, будто благодаря какой-то тайной способности, народ явно предвидит, что окажется для него добром, а что – злом». У народа должен быть исполнительный орган для решения важнейших государственных дел. На международной арене республики поэтому более сильны и состоятельны. Макиавелли по этому поводу замечал: «Весь опыт показывает, что города увеличивают свои владения и умножают богатства, только будучи свободными». Таким образом, Макиавелли еще в начале шестнадцатого столетия однозначно обо-

¹⁰⁸ Már Jónsson, 'The expulsion of the Moriscos from Spain in 1609–1614: the destruction of an Islamic periphery', *Journal of Global History*, 2 (2007), pp. 195–212, stresses the security dimension, especially p. 203.

¹⁰⁹ О религиозной терпимости и мобилизации против османов: M. A. Chisholm, 'The Religionspolitik of Emperor Ferdinand I (1521–1564)', *European History Quarterly*, 38, 4 (2008), p. 566.

¹¹⁰ Niccolò Machiavelli, *The discourses*, ed. Bernard Crick (Harmondsworth, 1970), with quotations (in order of appearance) on pp. 98, 100–102, 152, 168, 300, 252, 255, 130, 124, 259 and 122–3. See also Mikael Hörnqvist, *Machiavelli and empire* (Cambridge, 2004).

значил внутренние и геополитические проблемы, с которыми сталкивались и сталкиваются европейские страны, будь они автократиями или республиками.

История Англии позволяет предположить, что Макиавелли был прав. После катастрофической потери владений во Франции англичане сочли, что все важные государственные вопросы надо решать «добрым согласием» в парламенте.¹¹¹ Тогда налоги будут платиться вовремя (и нация окажется в состоянии взять на себя ответственность за возврат потерянных во Франции территорий), а взамен король станет прислушиваться к рекомендациям парламента и мудрых советников. Благодаря тесному сотрудничеству с парламентом Генрих VIII получил возможность финансировать военные кампании в Шотландии, Ирландии, а также на континенте. Более тридцати лет палаты лордов и общин практически без возражений одобряли расходование короной огромных денежных средств; впрочем, тут нет прямой связи между военными нуждами и триумфом королевской власти.¹¹² Парламент попросту поддерживал большую стратегию Генриха, которая предусматривала отстаивание монархических прав английской короны во Франции (или, по меньшей мере, контроль побережья по другую сторону Ла-Манша), а также защиту «черного хода» в Англию из Ирландии и Шотландии.¹¹³ Сотрудничество с парламентом помогло на европейской арене и королеве Елизавете. А вот разногласия между королем и парламентом и распри в самом Вестминстере в начале правления Стюартов привели к фатальным последствиям для страны на международной сцене.

Но исторический опыт также показывает, что необходимым условием стратегического успеха является сильная королевская власть. К примеру, победа Франции в Столетней войне во многом приписывалась укреплению монархии.¹¹⁴ Реформаторы подчеркивали необходимость в сильной центральной власти и эффективной системе сбора налогов. Победу над Англией обеспечили совместно представительные собрания, которые сотрудничали с монархией, но при этом ответственность за ходом действий лежала на исполнительной власти, а не на консультациях, на короле, а не на совете баронов. В 1439 году Генеральные штаты утратили право на взимание прямого земельного налога, а в 1451 году этого права лишились и местные представительные собрания. Эти сословные учреждения не только согласились финансировать королевскую армию, но и признали, что налоги будут взиматься в порядке, установленном королем. Различные «советы», существовавшие при дворе, были всего лишь звеньями между монархом и знатью, они не контролировали королевскую власть.¹¹⁵ Помимо всего прочего, налоги собирались и войска набирались без согласия Генеральных штатов. Если в Англии парламентские структуры и национальное могущество постепенно становились синонимами, то во Франции политическая культура создала прочную связь между королевской властью и местом страны в Европе.

При этом многие государства, в которых сословно-представительные собрания обладали определенными полномочиями, не отличались внутренним единством и не достигали больших успехов во внешней политике. Даже всесильному императору Карлу V приходи-

¹¹¹ Catherine Nall, 'Perceptions of financial mismanagement and the English diagnosis of defeat'. Благодаря д-ра Нолл за возможность ознакомиться с неопубликованной рукописью.

¹¹² Steven Gunn, David Grummitt and Hans Cools, *War, state, and society in England and the Netherlands, 1477–1559* (Oxford, 2007), pp. 329–34.

¹¹³ Wallace MacCaffrey, 'Parliament and foreign policy', in D. M. Dean and N. L. Jones (eds.), *The parliaments of Elizabethan England* (Oxford, 1990), pp. 65–90, especially pp. 65–7.

¹¹⁴ О взаимосвязи сильной монархии и успехов внешней политики: Emmanuel Le Roy Ladurie, *The royal French state, 1460–1610*, trans. Judith Vale (Oxford and Cambridge, Mass., 1994). See also Steven Gunn, 'Politic history, New Monarchy and state formation: Henry VII in European perspective', *Historical Research*, 82 (2009), pp. 380–92.

¹¹⁵ John Guy, 'The French king's council, 1483–1526', in Ralph A. Griffiths and James Sherborne (eds.), *Kings and nobles in the later Middle Ages* (Gloucester and New York), pp. 274–87. See also Emmanuel Le Roy Ladurie, *Royal French state*, especially pp. 54–78.

лось считаться с противодействием представительных собраний, будь то кортесы Кастилии, Генеральные штаты Нидерландов или другие, более мелкие сословные учреждения. Кортесы охотно оплачивали военные операции в защиту испанских интересов, как то: оборону Наварры, истребление берберских пиратов, борьбу с турками в Средиземноморье, но совершенно не интересовались войнами в Центральной Европе. Просьба о финансировании военного похода в Венгрию в 1527 году была отклонена, тогда как финансирование нападения на Тунис в 1535 году кортесы одобрили. В 1538 году, вместо того чтобы далее выделять средства на военные действия, парламент даже рекомендовал императору Карлу заключить мир с французами.¹¹⁶ Одной из причин того, что бремя военных расходов лежало в основном на Кастилии, являлась скудость денежных поступлений из Арагона, Каталонии и Валенсии, чьи представительные собрания избегали сотрудничества. Единственным регионом, кроме Кастилии, способным на существенный вклад в военные расходы империи, являлись богатые Нидерланды, имевшие эффективную налоговую систему. Но тамошние представительные собрания тоже не стремились оплачивать внешнюю политику Священной Римской империи. В феврале 1524 года Маргарита Пармская, наместница Габсбургов в Нидерландах, писала императору Карлу: «Голландцы более всего жалуются на то, что они вечно оплачивают тяготы войны, но сама эта война ведется не ради них». В сороковых и пятидесятых годах шестнадцатого столетия Нидерланды весьма неохотно выделили определенную сумму денег на окончание войны с Францией.¹¹⁷ Подобные проблемы заботили Габсбургов и позже – как в Испании, так и в Австрии.

В Восточной Европе сочетание сильных представительных собраний и слабости на международной арене было особенно показательным. Когда шведская знать восстала против Сигизмунда Вазы, польского, литовского и шведского короля, польский сейм отказался снарядить войско для подавления этого восстания. В 1599 году Сигизмунд был низложен шведским парламентом, союз с Польшей распался. В России польская оккупация и народные мятежи в начале семнадцатого столетия привели к установлению автократии в более жесткой форме, чем ранее. В 1613 году на русский престол вззошел первый представитель дома Романовых, что положило конец «смутному времени» (1598–1613). Уроки, извлеченные русской знатью из событий двух последних десятилетий, были очевидными: чрезмерная «свобода» ведет к хаосу и слабости государства, слова «воля» и однокоренные ему свидетельствуют о беспорядках и мятежах. По этой причине основой образа мыслей русского общества стала служба отечеству, особенно защита суверенитета от внешней агрессии. Многие русские пришли к убеждению, что имеют право на участие в жизни страны, а не только на «хлеб с маслом», каковой соответствовал недоразвитой экономике и зачаткам социальной справедливости. В России отсутствовали полноправные представительные органы западного образца – дума, или боярский совет, не контролировала налоговую систему, в отличие от Генеральных штатов, рейхстага или сейма. Власть Романовых была более или менее абсолютной (со скидкой на огромную территорию государства). Русское государство сохраняло свою целостность, пока пришедшая к власти династия сможет обеспечивать защиту и независимость обширных владений.¹¹⁸

Похожая ситуация имела место в землях Бранденбурга и Пруссии. Представительное собрание бранденбургской общины противилось инициативам курфюрста, и, когда Иоганн Сигизмунд собрался распространить свою власть на княжество Клеве, собрание, которое

¹¹⁶ Lynch, *Spain under the Habsburgs*, pp. 50–51, 59, 63–4, 92–3 and 97.

¹¹⁷ Quoted in James D. Tracy, *The founding of the Dutch Republic. War, finance, and politics in Holland, 1572–1588* (Oxford, 2008), p. 26.

¹¹⁸ The Middle Volga peasants are cited in Valerie Kivelson, 'Muscovite "Citizenship": rights without freedom', *Journal of Modern History*, 74, 3 (2002), pp. 465–89 (citation p. 474). See also Hans-Joachim Torke, *Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich. Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung, 1613–1689* (Leiden, 1974).

контролировало налоговую систему и отвечало за внешнюю политику государства, отказало ему в поддержке. По мнению курфюрста, парламентарии тем самым совершили государственную измену. Столкнувшись в начале семнадцатого столетия с новыми историческими реалиями, бранденбургская община сосредоточилась на внутренних делах, сняв с себя ответственность за национальную оборону. Если Пруссия собиралась играть важную роль в Европе (или хотя бы в Германии), было необходимо что-то менять. Позже преемник Сигизмунда, курфюрст Бранденбургский Георг Вильгельм, был крайне обеспокоен враждебным окружением своего государства, невозможностью защитить территорию и отказом представительного собрания выделить деньги на оборону. В июле 1626 года он сокрушался: «Мои земли не защищены от внешней угрозы, и потому надо мною насмеются. Весь мир, должно быть, считает меня слабовольным и опасливым человеком».¹¹⁹

Наибольшие разногласия между представительной и исполнительной властью в вопросах внешней политики наблюдались в самой Священной Римской империи. Она не смогла мобилизовать население ни на борьбу с агрессивными турками, ни на достойный отпор захватническим планам французов. К примеру, когда в 1454 году император Фридрих III созвал во Франкфурте имперский сейм, чтобы получить одобрение на крестовый поход против турок, императору отказали. Германские князья обвинили венгерских сторонников этого похода «в желании вовлечь Германию в свои бедствия, поскольку сами они не в силах защитить свое королевство».¹²⁰ Когда летом 1480 года турки возобновили наступление и двинулись к австрийскому городу Грац, сейм саркастически упомянул о бездействии императора, который ограничивался лишь «нескончаемыми речами».¹²¹ Максимилиан, сын и наследник Фридриха, был вынужден уступить Бургундию Франции. Так или иначе, империя оказалась не в состоянии сплоченно отреагировать на угрозы своим границам.

Недовольные тем, как с их страной обращаются иноземцы, германские реформаторы не раз пытались «оживить» Священную Римскую империю за счет усиления политического участия в работе имперских структур, в особенности сейма, но эти попытки провалились. В 1489 году франкфуртский сейм возглавил Бертольд фон Хеннеберг, архиепископ Майнца.¹²² В течение нескольких лет он осуществил ряд реформ: ввел в оборот общий пфенниг (*der gemeine Pfennig*), одобрил смешанную форму собственности, а также преобразовал налоговую систему, в результате чего подоходный и подушный налоги стали направляться в императорскую казну. Взамен его ввели в состав учредителей «вечного мира» в Германии (*der allgemeine Landfriede*), а также в число тех, кому поручили реформировать высший имперский суд. Германии полагалось наслаждаться миром дома, дабы представлять грозной силой за рубежом. Император был вынужден принимать решения по военным вопросам согласно рекомендациям, которые предлагал Имперский совет, подотчетный сейму. Другими словами, германский имперский сейм (как и английский парламент с середины пятнадцатого столетия) начал активно участвовать в решении вопросов большой стратегии. Далее следовало привести в порядок национальную оборону. В 1500 году на сессии в Аугсбурге сейм разделил империю на десять региональных «округов» и обязал каждый округ поддерживать порядок на своей территории и проводить мобилизацию в случае внешней угрозы. Это был

¹¹⁹ George William is cited in Christopher Clark, *Iron kingdom. The rise and downfall of Prussia, 1600–1947* (London, 2006), p. 26.

¹²⁰ A. S. Piccolomini, *Secret memoirs of a Renaissance pope. The Commentaries of Aeneas Sylvius Piccolomini, Pius II. An abridgement*, trans. Florence A. Gragg and ed. Leona C. Gabel (London, 1988), p. 62. I thank Anastasia Knox for this reference.

¹²¹ Quoted in Karl Nehring, *Matthias Corvinus, Kaiser Friedrich III und das Reich. Zum hunyadisch-habsburgischen Gegensatz im Donauerraum* (Munich, 1975), p. 130.

¹²² Gerhard Benecke, *Maximilian I 1459–1519. An analytical biography* (London, Boston, Melbourne and Henley, 1982), pp. 141–6.

не только «зародыш» немецкой системы коллективной безопасности, но и потенциальный инструмент обеспечения национального единства на фоне угрозы извне.¹²³

В начале шестнадцатого столетия казалось, что Имперский совет, который не одобрял военной политики Максимилиана в Италии, сумеет утвердиться в качестве особого имперского органа. Участники совета сформировали «Союз курфюрстов», возложивший на себя обязанности сейма в отсутствие императора (при необходимости) и собиравшийся осуществлять программу реформ. Германия явно была готова обрести максимально возможное национальное единство – то ли вокруг императора, то ли вокруг сейма. На практике обе стороны стремились противодействовать друг другу. Представительные собрания демонстрировали умение ловко «подрезать крылья» императору, однако сами не сумели (или не могли) создать подлинную национальную альтернативу: эксперимент с Имперским советом быстро завершился. Угрозы, исходившие от французов, турок и венгров, даже в совокупности были не настолько сильны, чтобы вынудить германские представительные собрания отказаться от своих прав и свобод в пользу сильной исполнительной власти. И все же в начале шестнадцатого столетия Германия приобрела достаточно признаков государственности для того, чтобы преодолевать возникавшие трудности более эффективно, чем ранее.¹²⁴

Империи пришлось испытать немало тягот от возобновившегося наступления османов при султане Сулеймане Великолепном. Имперский сейм упорно игнорировал поступающие призывы о помощи – от короля Венгрии Людовика (Лайоша) на заседании в Вормсе в 1521 году, от хорватской знати на заседании в Нюрнберге на следующий год. Напрасно Фердинанд Австрийский убеждал немцев поддержать «доблестных хорватских христиан, заслонявших собою, как крепким щитом, наши внутренние австрийские земли».¹²⁵ Для князей, представителей городов и клириков турецкая угроза не выглядела насущной, ведь продолжавшиеся «вольные набеги» на хорватов и венгров происходили на окраинах. В обильно распространявшихся в ту пору памфлетах утверждалось, что турки не угрожают германским свободам непосредственно, что Габсбурги используют эту угрозу, дабы навязать Германии тиранию. Разгром венгерских войск турками при Мохаче в 1529 году лишь на время привлек внимание немецкого общества. В 1530-х и 1540-х годах империя направила в Венгрию несколько войск (с переменным успехом). Германский сейм никогда особенно не заботила борьба с турецким нашествием, и сам он был не настолько организован, чтобы дать отпор врагу своими силами. Возможность объединить Германию перед лицом внешней угрозы снова не была использована.

В конце шестнадцатого столетия немецкий военачальник Лазарус фон Швенди решил покончить с военной немощью страны. Он опасался, что религиозные и политические противоречия «раздуют пламя разногласий и взаимного недоверия» в «многострадальном фатерлянде», где католики и протестанты обращаются за помощью к иноземцам. В 1569 году Швенди предупредил, что испанское вмешательство приведет к «внутренним войнам» и, в конечном счете, к «полному разделу и разрушению рейха и упадку германского благоденствия». Поэтому он потребовал, чтобы Германия мобилизовала все силы для защиты целостности империи. Если удастся помешать «посторонним силам» беспрепятственно вербовать германских наемников, тогда, рано или поздно, и наступит время, когда рейх обяжет «всех чужеземных властелинов» жить по германским законам, а в Европе наступит германский мир (*Pax Germanica*). В противном случае, предупреждал он, Германия распадется, как

¹²³ Peter Schmid, *Der gemeine Pfennig von 1495. Vorgeschichte und Entstehung, verfassungsgeschichtliche, politische und nanzielle Bedeutung* (Göttingen, 1989).

¹²⁴ Whaley, *Germany and the Holy Roman Empire*, pp. 67–80 and passim.

¹²⁵ Cited in Branka Magaš, *Croatia through history* (London, 2008), p. 90. On the initial response of the German Diet to the Ottoman threat see Stephen A. Fischer-Galati, *Ottoman imperialism and German Protestantism, 1521–1555* (New York, 1972 repr.), pp. 10–17. I am very grateful to Miss Andrea Fröhlich for sharing her expertise on early sixteenth-century Hungary with me.

Византия. В 1570 году Швенди выступил на сейме в Шпейере, предложил создать германскую имперскую армию под командованием монарха, призванную обеспечивать безопасность страны. Он также рассчитывал, что терпимость к протестантам позволит сплотить страну перед лицом турецкой угрозы. Однако враждебное отношение германских князей, которые не доверяли императору сильнее, чем туркам, уничтожило эту попытку объединить католиков и протестантов в борьбе с общим врагом. Германия осталась военным карликом.¹²⁶

Борьба за господство на международной арене также способствовала европейской экспансии. В конце пятнадцатого и начале шестнадцатого столетия Фердинанд II и Изабелла, правители Кастилии и Арагона, равно как и португальские монархи, перенесли войну с маврами в Северную Африку,¹²⁷ где захватили несколько анклавов, чтобы лишить османов плацдарма для нападений на юг Пиренейского полуострова. Одновременно начались поиски новых морских путей и неисследованных земель. В середине восьмидесятых годов пятнадцатого столетия Христофор Колумб заинтересовал монархов Португалии и Испании идеей найти путь в Индию через Атлантический океан. Правда, отправляясь в опасное путешествие, Колумб жаждал не только славы, но и намеревался обогатиться, как и другие исследователи, и те, кто их финансировал. Однако конечной целью опасного предприятия являлись поиски «базы» для атак на незащищенный фланг Османской империи и освобождение Иерусалима от турок, причем Колумб описывал эту задачу во все более возвышенных тонах. Обнаружение новых земель за морем открывало не только очередной фронт в противостоянии с турками, но и предоставляло ресурсы для подготовки к возвращению Святой земли.¹²⁸

Колумб отплыл в 1492 году, имея на руках грамоты, подписанные Фердинандом и Изабеллой. Он взял на борт переводчика с арабского (еврея, обращенного в христианство) и пообещал, что «вся прибыль от предприятия пойдет на освобождение Иерусалима».¹²⁹ Однако вместо того, чтобы достичь Индии и отыскать союзников против мусульман, Колумб приплыл в Карибское море, где вскоре основал колонию. Аборигенов Америки стали называть «индейцами». Словом, открытие Америки стало следствием борьбы европейцев с Османской империей, а колонизация Нового Света стимулировалась соперничеством между западными державами. Тем временем португальцы осваивали западное побережье Африки. Чтобы две иберийские державы не «манкировали» крестовыми походами и не враждовали между собой, папа римский в июне 1494 года предложил заключить Тордесильянский договор, испано-португальское соглашение о разделе сфер колониальных завоеваний. Линией разграничения стали острова Зеленого Мыса. К западу от них новые земли отдавались Испании, к востоку – Португалии. В 1497 году португальский мореплаватель Васко да Гама отправился в Индию вокруг Африки. Обогнув мыс Доброй Надежды, он в следующем году прибыл в Индию, открыв новый, более удобный путь в эту страну.¹³⁰ Когда Колумб в 1502 году отправился в свое четвертое путешествие на поиски Индии, он рассчитывал сойтись в море с Васко да Гама, который шел встречным курсом. Через несколько лет португальцы уже пиратствовали на торговых путях мусульман в Персидском заливе и Красном море, при-

¹²⁶ Thomas Nicklas, *Um Macht und Einheit des Reiches. Konzeption und Wirklichkeit der Politik bei Lazarus von Schwendi (1522–1583)* (Husum, 1995), with quotations on pp. 113–14, 116 and 121.

¹²⁷ Quoted in Weston F. Cook, *The hundred years war for Morocco. Gunpowder and the military revolution in the Early Modern Muslim world* (Boulder, San Francisco and Oxford, 1994), p. 83.

¹²⁸ Felipe Fernández-Armesto, *Columbus* (Oxford, 1991), pp. 46 and 153–5.

¹²⁹ Abbas Hamdani, 'Columbus and the recovery of Jerusalem', *Journal of the American Oriental Society*, 99, 1 (Jan. – Mar. 1979), pp. 39–48 (p. 43). Реакция тупок: Andrew Hess, 'The evolution of the Ottoman seaborne empire in the age of the oceanic discoveries, 1453–1525', *American Historical Review*, 75, 7 (1970), pp. 1892–1919, especially pp. 1894 and 1899 (encirclement), 1905 and 1908 (Indian Ocean).

¹³⁰ Robert Finlay, 'Crisis and crusade in the Mediterranean: Venice, Portugal, and the Cape Route to India (1498–1509)', in Robert Finlay, *Venice besieged. Politics and diplomacy in the Italian wars 1494–1534* (Aldershot, 2008), pp. 45–90.

чиняя ущерб их экономике. Запланированное окружение Османской империи стало вдруг реальностью.

Создание испанской заморской империи велось в соответствии с европейскими императивами, прежде всего ради того, чтобы использовать ресурсы Нового Света для смещения баланса сил в Старом Свете. В 1519 году Эрнан Кортес завоевал Мексику и ее запасы серебра для испанской короны.¹³¹ Это завоевание превратило владения Габсбургов в мировую империю, над которой, как выразился поэт Лудовико Ариосто, «никогда не заходит солнце».¹³² Новый Свет приобретал все большую значимость в балансе сил, но оставался при этом полностью подчиненным европейским потребностям. Испанская колониальная империя в Новом Свете при Карле почти не развивалась; ее главной задачей считалось поставлять ресурсы для удовлетворения амбициозных планов императора в Европе. Поток драгоценных металлов из Америки (обычно около четверти годового дохода империи) расходовался либо на военные кампании против французов, турок и германских князей, либо на покрытие займов в банкирском доме Фуггера из Аугсбурга (в последнем случае «индийское» золото служило гарантией обязательств императора). К примеру, вывезенные из Перу ценности стоимостью примерно два миллиона эскудо пошли на укрепление императорской власти в Германии и Нидерландах. Путешествия Карла в годы правления отчетливо характеризуют его приоритеты: он семь раз ездил в Италию, четыре раза – во Францию, по два раза был в Англии и Африке и сделал не менее шести длительных остановок в Испании, зато не менее девятнадцати раз посещал Фландрию и Германию (и никогда не бывал в Новом Свете). Карл считал себя наследником *Imperium Romana* (Римской империи), а не всего обширного пространства, ему принадлежавшего.¹³³ Коротко говоря, именно Священная Римская империя, а не разраставшаяся испано-американская, определяла императорский статус Карла и его амбициозные устремления.¹³⁴

Борьба королевы Елизаветы на море с Испанией также обосновывалась стремлением англичан играть главную роль на европейской арене. Колониальное равновесие (как и его отсутствие) рассматривалось как часть общего равновесия сил. Английский мореплаватель и авантюрист сэр Уолтер Рэли заметил: «Кто владычествует на море, тот повелевает торговлей; кто повелевает торговлей, тот управляет мировым капиталом и, соответственно, миром в целом». Финансовые возможности Филиппа Испанского как короля Нового Света позволили испанцам упрочить положение страны в Европе. Английский писатель Ричард Хаклюйт в своей работе «Рассуждения о заселении Запада», написанной в 1584 году, отмечал, что, «благодаря своим несметным богатствам», Карл V «отобрал у французского короля Неаполитанское королевство, Миланское герцогство, а также владения в Италии, Пьемонте, Ломбардии и Савойе». Елизавета во второй половине шестнадцатого столетия финансировала экспедиции Фрэнсиса Дрейка не столько для того, чтобы прибавить к своей империи заморские территории, сколько с целью уменьшить финансовые потоки, поступающие во Фландрию для содержания войск Филиппа. С началом Тридцатилетней войны англичане уверились в том, что на американские золото и серебро Испания финансирует не только собственные кампании в Европе, но и войну императора с германскими князьями-протестантами. Сэр Бенджамин Редьярд в палате общин в 1624 году заявил: «Сама Испания слаба

¹³¹ Hugh Thomas, *Rivers of gold. The rise of the Spanish Empire* (London and New York, 2003), pp. 540–54.

¹³² Patrick Karl O'Brien and Leandro Prados de la Escosura, 'Balance sheets for the acquisition, retention and loss of European empires overseas', *Itinerario*, XXIII (1999), p. 28 and passim. The quotation is in Lynch, *Spain under the Habsburgs*, p. 38.

¹³³ Hans-Joachim König, 'Plus ultra – Ein Weltreichs – und Eroberungsprogramm? Amerika und Europa in politischen Vorstellungen im Spanien Karls V', in Alfred Kohler, Barbara Haider and Christine Ottner (eds.), *Karl V 1500–1558. Neue Perspektiven seiner Herrschaft in Europa und Übersee* (Vienna, 2002), pp. 197–222, especially pp. 203–4.

¹³⁴ Вопреки мнению: Hugh Thomas, *The golden empire. Spain, Charles V and the creation of America* (New York, 2011), pp. 362–3, 370–72 and passim (figures for distribution of gold p. 511).

людьми и лишена природных ресурсов», но ее «рудники в Вест-Индии» служат топливом «для чрезмерных амбиций и стремления к универсальной монархии». Другой парламентарий сказал, что наилучшей помощью осажденному Пфальцу будет «нарушить испанское судоходство у их берегов и лишить испанского короля его столовой посуды». Колониальная политика, обеспечение безопасности английских континентальных форпостов и непреклонная безопасность самого королевства стали основными аспектами стратегии англичан в последующие примерно полтора века.¹³⁵

Колонизация Нового Света сопровождалась религиозными и политическими неурядицами, «унаследованными» от Европы.¹³⁶ Пуритане, покинувшие Англию в двадцатых годах семнадцатого столетия и благополучно достигшие Массачусетса, не окончательно повернулись спинами к Старому Свету – совсем наоборот. Отчаявшись обрести благоденствие в Англии, а затем все сильнее разочаровываясь в Голландии, они сочли Америку местом, где можно подготовиться и взять верх над «антихристом» в лице европейских Габсбургов. Пуритане молились за реформы в Англии, за улучшение «жалкого состояния германских церквей» и за победу протестантизма. Английский колониальный деятель Джон Уинтроп в 1621 году (до отплытия в Новый Свет) с прискорбием отзывался «о дурных вестях из Богемии». Колонисты внимательно следили за новостями из Женевы, Лейдена, Гейдельберга и Страсбура, равно как и из Англии. Они переживали за судьбу Пфальца и радовались успехам шведского короля Густава Адольфа. Некоторые из них – к примеру, сын губернатора Уинтропа Стивен – вернулись в Англию, чтобы принять участие в гражданской войне на стороне парламента. Но на практике их поддержка мало что значила.¹³⁷ Джон Уинтроп говорил пуританам, что их убеждения должны казаться «сияющим городом, стоящим на верху горы, на который устремлены глаза всех людей». Здесь прославлялась не обособленность колонистов, а их причастность христианскому миру и обязательства, проистекающие из этой причастности. Пуритане старались спасти Европу от скверны своим примером и своими усилиями. Американские колонисты, сторонники парламента в Англии и европейские протестанты были связаны вместе «общностью судьбы».¹³⁸

Центральное положение Германии нашло отражение в том факте, что два наиболее важных европейских соглашения касались будущего Священной Римской империи. В 1555 году Карл V, согласно Аугсбургскому религиозному миру, пошел на уступки протестантам. Ему пришлось разделить гигантскую империю Габсбургов на две части – испанскую и австрийскую. В том же 1555 году Карл V отрекся от испанского престола, а затем сложил с себя императорский титул. Испания, Италия и американские колонии отошли вместе с испанской короной его сыну Филиппу II, а австрийские и другие германские земли – к брату Фердинанду I, который два года спустя был избран императором. Испанских Габсбургов отделили от империи, и до Наполеона больше никому не доводилось править столь обширными владениями в Европе. Стоит добавить, что в Аугсбурге было принято положение «*cuius regio, eius religio*» – «чья страна, того и религия»: территории признают веру сво-

¹³⁵ The English parliamentarians are cited in Thomas Cogswell, *The Blessed revolution. English politics and the coming of war, 1621–1624* (Cambridge, 1989), pp. 72–3. Rudyerd is cited in J. H. Elliott, *The Old World and the New 1492–1650* (Cambridge, 1992) pp. 90–91.

¹³⁶ О важности соперничества за торговлю табаком: Thomas Cogswell, “‘In the power of the state’: Mr Anys’s project and the tobacco colonies, 1626–1628”, *The English Historical Review*, CXX–III, 500 (2008), pp. 35–64.

¹³⁷ Susan Hardman Moore, *Pilgrims. New World settlers and the call of home* (New Haven and London, 2007).

¹³⁸ О важности Пфальца, протестантизме и христианской Европе: Francis J. Bremer, *Puritan crisis. New England and the English Civil Wars, 1630–1670* (New York and London, 1989), pp. 27–32, 36–42, 45–50, 55–60, 63–4, 84–7 and 237–9 (quotations pp. 63 and 137). Perry Miller, *The New England mind. From colony to province* (Harvard, 1953), p. 25, подчеркивает, что холм Уинтропа должны были видеть в Европе. Winthrop on Bohemia is cited in Francis J. Bremer, *John Winthrop. America’s forgotten founding father* (New York and Oxford, 2003), p. 137.

его государя. Кроме того, по Аугсбургскому миру была узаконена секуляризация церковных земель, произведенная протестантами до 1552 года, а также установлено равноправие католицизма и лютеранства (но не кальвинизма). Таким образом, в Германии и на большей части Центральной Европы наступил мир – по крайней мере, на какое-то время.

Аналогично, Вестфальский мир (1648), который ознаменовал завершение соперничества в Европе, в которое были вовлечены Франция, Испания, Швеция, германская часть Священной Римской империи и другие европейские страны, во многом касался Германии. Заключение мира постоянно откладывалось, поскольку причастные к нему страны старались добиться честного и справедливого соглашения для себя.¹³⁹ Испания стремилась достичь единства с Австрийским домом и стратегической кооперации с Веной, а потому обе страны скептически относились к отдельному договору по Германии, в особенности такому, который зафиксирует аннексию Францией западных территорий империи.¹⁴⁰ Император надеялся заключить мир со Швецией и Францией и тем самым исключить дальнейшее вмешательство этих стран в дела Германии, а также сохранить столько полномочий, сколько сумеет.¹⁴¹ Франция намеревалась покончить с испанским влиянием в Германии и таким образом избавиться от давнего враждебного окружения, а заодно умалить власть императора, закрепив право князей вступать в союзы с иноземцами, и лишить наконец Габсбургов «монополии» на императорский титул через запрет его прямого наследования. В самой Германии переговоры затягивались вследствие отказа императора допустить князей и других представителей сейма – кого он считал своими вассалами – к обсуждениям с французами. Однако пусть германские князья в середине семнадцатого столетия были разобщены ничуть не меньше, чем в начале века, они оказались едины во мнении, что необходимо восстановить единство империи перед лицом внешней угрозы. К примеру, католик-курфюрст Баварии сокрушался, что «зрелище», на котором унижают Германию, «может закончиться лишь одним: иноземные государи договорятся между собой о разделе империи».¹⁴²

В конце концов ухудшение военного положения вынудило Габсбургов пойти на уступки в ключевых вопросах мирного соглашения, особенно в предоставлении германским князьям права вступать в переговоры с иноземными государствами.¹⁴³ Французы также согласились на компромисс, отказавшись настаивать на конституционном запрете Габсбургам наследовать императорскую корону. В результате в 1648 году были подписаны мирные договоры в Мюнстере и Оснабрюке, однако испано-французский конфликт на этом не завершился. В дальнейшем эти соглашения были совокупно названы «Вестфальским миром»; поколения специалистов по международным делам воспринимали и воспринимают этот договор как источник современных концепций суверенитета и невмешательства одних государств во внутренние дела других.¹⁴⁴ На самом деле целью подписанных соглашений было обуздать германских князей, активно добивавшихся суверенности, которая могла подвергнуть опасности конфессиональный мир в германской части Священной Римской империи

¹³⁹ Christoph Kampmann, 'Peace impossible? The Holy Roman Empire and the European state system in the seventeenth century', in Olaf Asbach and Peter Schröder (eds.), *War, the state and international law in seventeenth-century Europe* (Farnham, 2010), pp. 197–210.

¹⁴⁰ Michael Rohrschneider, *Der gescheiterte Frieden von Münster. Spaniens Ringen mit Frankreich auf dem Westfälischen Friedenskongress (1643–1649)* (Münster, 2007), pp. 90 and 307–11.

¹⁴¹ Karsten Ruppert, *Die kaiserliche Politik auf dem westfälischen Friedenskongress (1643–1648)* (Münster, 1979), pp. 39–42 and 115–16.

¹⁴² Quoted in Andreas Osiander, *The state system of Europe, 1640–1990. Peacemaking and the conditions of international stability* (Oxford, 1994), p. 74.

¹⁴³ Lothar Höbelt, *Ferdinand III. Friedenskaiser wider Willen* (Graz, 2008), pp. 224–9.

¹⁴⁴ K. J. Holsti's hugely influential *International politics. A framework for analysis*, 4th edn (Englewood Cliffs, 1983), pp. 4 and 83–4. For a more recent enunciation of this view see Thomas G. Weiss, *Humanitarian intervention. Ideas in action* (Cambridge, 2007), p. 14.

и нарушить европейское равновесие сил. Соглашения также были рассчитаны на то, чтобы Германия не сумела объединиться под императорской властью, которая стала бы тяготеть к созданию единой монархии в христианском мире. Коротко говоря, предполагалось, что Священная Римская империя окажется достаточно сильной, чтобы не допустить междоусобицы в Германии, но недостаточно мощной для того, чтобы угрожать новому порядку в Европе.

Этот порядок предполагалось установить посредством дополнявших друг друга геополитических, конституционных, идеологических и конфессиональных реформ. Прежде всего, произошли территориальные изменения, которые трансформировали европейскую государственную систему. Испания наконец признала независимость Соединенных провинций, оставив себе Фландрию и Валлонию (Испанские Нидерланды). Швеция получила Западную Померанию (защитив тем самым свои южные морские границы), а также Бременское и Верденское епископства и с ними три голоса в германском сейме. Пфальц разделили на две части: Верхний Пфальц остался в католической Баварии (которой предоставили избирательный голос), а Нижний Пфальц возвратили протестанту Карлу Людвигу (вместе с имевшимся избирательным голосом). Всего в Священной Римской империи стало восемь курфюрстов. Главной уступкой князьям со стороны императора стало согласие на их право вступать в союзы с иностранными государствами. Правда, оговаривалось, что «такого рода союзы не должны заключаться против императора, империи и мира в Европе».¹⁴⁵ Надежды Франции на отстранение Габсбургов от власти в империи не оправдались. С другой стороны, потерпели фиаско и австро-испанские посягательства на установление единой монархии. Священная Римская империя, какой она грезилась Карлу V, перестала существовать.

Вестфальский мир признал сосуществование трех основных конфессий: римско-католической, лютеранской и кальвинистской. Было установлено, что в обновленной Священной Римской империи религиозные отношения – то есть все значимые отношения вообще – регулируются на основании компромиссов между представленными в сейме католиками и протестантами, а не большинством голосов. На местах правителям вменили в обязанность уважать права верующих, включая право обращения в другую веру; при этом было решено, что, если сам правитель принимает другую веру, он не может принудить своих подданных последовать этому примеру. Религиозным меньшинствам, которым в 1624 году пообещали веротерпимость, теперь гарантировали свободу исповедания, и было записано, что никто не может быть лишен государственной должности из-за своих религиозных воззрений.¹⁴⁶ Геополитические и идеологические положения Вестфальского мира были тесно связаны между собой. Швеция и Франция вступили в войну для защиты «германских свобод», и достижение этой цели, как они полагали, окажется достаточным для того, чтобы лишить Габсбургов возможности угрожать их собственной свободе и безопасности. Это мнение после заключения Вестфальского мира выразил шведский дипломат Юхан Адлер Сальвиус: «Теперь Балтийское море станет рвом, заполненным водой, Померания и Мекленбург – контрэскарпами, а другие германские земли – внешними укреплениями нашей безопасности». В тон этому заявлению высказался и канцлер Швеции: «Целью войны являлось восстановление германских свобод... и сохранение европейского равновесия».¹⁴⁷ Налицо была связь между свободами в государстве, балансом сил и правом на интервенцию для достижения этих целей. Франция и Швеция настаивали на том, чтобы их признали «гарантами» стабильности в Священной Римской империи и «свобод» ее отдельных земель. Коротко говоря, Вестфальские

¹⁴⁵ Article 8. The text of the treaty can be found in Clive Parry (ed.), *The consolidated treaty series* (New York, 1969), pp. 198–356.

¹⁴⁶ Joachim Whaley, 'A tolerant society? Religious toleration in the Holy Roman Empire, 1648–1806', in Ole Grell and Roy Porter (eds.), *Toleration in Enlightenment Europe* (Cambridge, 2000), pp. 175–95, especially pp. 176–7.

¹⁴⁷ Derek Croxton, 'The Peace of Westphalia of 1648 and the origins of sovereignty', *International History Review*, 21, 3 (1999) pp. 569–91 (quotations pp. 589–90).

соглашения оказались этакой «хартией на интервенции»: фиксируя внутреннее конфессиональное равноправие в германских княжествах и международные гарантии их стабильности, договор предлагал политический рычаг для вмешательства во внутренние дела Священной Римской империи на протяжении конца семнадцатого и всего восемнадцатого столетия.¹⁴⁸

Германия серьезно пострадала в ходе гражданской войны, а затем была унижена вторжением на свою территорию иностранных армий – если называть наиболее заметные, испанской, датской, французской и шведской.¹⁴⁹ Другие страны тоже понесли урон, но в значительно меньшей степени, чем Германия, ибо боевые действия велись главным образом в Центральной Европе.¹⁵⁰ Правда, не все части Германии потерпели ущерб, некоторых земель война почти не коснулась.¹⁵¹ Все же население Священной Римской империи значительно сократилось – с двадцати одного миллиона жителей до тринадцати миллионов человек. Таких больших потерь населения в процентном отношении в мировой истории не случилось ни до, ни после Тридцатилетней войны. Это был своего рода смертный приговор, о котором постоянно вспоминали. В конце сороковых годов семнадцатого столетия князья, бюргеры и крестьяне ужасались последствиям многолетних военных действий: опустошенные поля, обезлюдившие деревни, отравленные колодцы. При этом немцы испытывали двойственные чувства относительно уроков войны. Все соглашались, что империю следует держать в порядке, чтобы защитить Германию от господства иноземных властей (и от себя самой), но на этом единодушие завершалось. Возникали вопросы: следует ли княжествам обращаться за помощью к более могущественным соседям и тем самым избежать в дальнейшем военных конфликтов или лучше добиваться внутреннего согласия и укреплять свои вооруженные силы, чтобы устроить неприятеля? Кто больше угрожает германским свободам – сами немцы или иноземные армии, которые вторгаются в германские земли, чтобы защитить эти свободы?

К 1648 году двухсотлетняя борьба за господство в Европе зашла в тупик. Ни одной державе так и не удалось добиться доминирования в Священной Римской империи и в целом на континенте. Карл V, Франциск I, Генрих VIII, Сулейман Великолепный, Филипп I, Филипп II, Ришелье и Мазарини не сумели обеспечить себе господство в Европе. Голландцы и англичане возлагали надежды на увеличение своего политического веса в Европе на императора-протестанта и смещением с трона Габсбургов, но эти надежды не оправдались. Но все же были «чистые» победители и проигравшие. Англия после унижающего поражения в Столетней войне, обуреваемая жадной реванша, вернулась на европейскую политическую арену при Генрихе VIII и королеве Елизавете; однако при Якове I, Карле I и, пожалуй, при Кромвеле она стала снова терять политические позиции. Зато Франция после изнурительной религиозной войны превратилась в основную силу на континенте. Испания же полностью лишилась влияния в Центральной Европе и Нидерландах. Австрийские Габсбурги, противостоявшие турецкому нашествию, пытались использовать эту «германскую миссию» для укрепления своих позиций в Центральной Европе. На севере континента, на европейской

¹⁴⁸ Andreas Osiander, 'Sovereignty, international relations, and the Westphalian myth', *International Organization*, 55 (2001), pp. 251–87; Stéphane Beaulac, 'The Westphalian legal orthodoxy – myth or reality?', *Journal of the History of International Law*, 2 (2000), pp. 148–77; and Stephen D. Krasner, 'Westphalia and all that', in Judith Goldstein and Robert O. Keohane (eds.), *Ideas and foreign policy. Beliefs, institutions and political change* (Ithaca and London, 1993), p. 235. Социологический взгляд: Benno Teschke, *The myth of 1648. Class, geopolitics, and the making of modern international relations* (London and New York, 2003).

¹⁴⁹ Peter Englund, *Die Verwüstung Deutschlands. Eine Geschichte des dreissigjährigen Krieges* (Stuttgart, 1998), especially pp. 343–63, and Thomas Robisheaux, *Rural society and the search for order in Early Modern Germany* (Cambridge, 1989), pp. 201–26.

¹⁵⁰ Ian Roy, 'England turned Germany? The aftermath of the Civil War in its European context', *Transactions of the Royal Historical Society, Fifth Series*, 28 (1978), pp. 127–44 (especially pp. 127–30).

¹⁵¹ Иное мнение: David Lederer, 'The myth of the all-destructive war: afterthoughts on German suffering, 1618–1648', *German History*, 29, 3 (2011), pp. 380–403.

периферии, после Вестфальского мира Швеция неожиданно превратилась в могущественную державу, с которой теперь следовало считаться и Германии. Тем временем наступление турок на Центральную Европу застопорилось, но могло в любое время возобновиться. Соперничество между основными европейскими странами распространилось и за пределы континента, начиная с попыток Колумба отыскать путь, который позволил бы выйти во фланг Османской империи, и заканчивая открытием Нового Света и Азии, способных внести новое равновесие в мировую политику или обеспечить доминирование в мире.

Все это стимулировало существенные внутренние трансформации в Европе, поскольку европейские страны стремились усилить свою военную мощь. В Англии и Соединенных провинциях этот процесс привел к росту политического участия, во Франции, Испании и во многих других европейских странах обернулся подавлением политической активности. Священная Римская империя, государство в центре Европы, предпринимала спорадические попытки укрепить свою военную мощь, но в итоге была эффективно нейтрализована – отчасти потому, что сами немцы не доверяли друг другу, а отчасти потому, что соседние страны делали все возможное, чтобы Германия не сумела воспользоваться против них своим потенциалом. Внутренние и внешние факторы здесь невозможно разделить. По Вестфальскому миру Священная Римская империя обрела конституционную структуру, которая могла бы примирить политические устремления немцев с требованиями международной системы государственного устройства. «Германские свободы», озвученные сеймом и территориальными представительными собраниями, были сохранены. Однако еще предстояло увидеть, превратит ли новый виток борьбы за европейское господство Германию в парламентскую систему по англо-голландскому образцу или в монархическое государство, как во Франции и Испании, – либо он принесет возрождение раздробленности, провоцирующей внешнюю агрессию, которую страна переживала последние двести лет.

Часть вторая

Наследники, 1649–1755 годы

Империя есть главное звено, а Германия – центр Европы. Монархии перебрасывают Германию друг другу, словно мяч. Германия – это поле борьбы, на котором разыгрывается первенство Европы.
Готфрид Вильгельм Лейбниц, 1670 г.¹⁵²

Есть опасение, что вмешательство императора в политику князей до такой степени угрожает управлению империей, что она превратится в монархию, император станет абсолютным правителем Германии, а это приведет к нарушению баланса сил в Европе.

Первый уполномоченный министерства иностранных дел Франции, 1729 г.¹⁵³

Вестфальское соглашение принесло европейской государственной системе мир, правда, ненадолго. Священная Римская империя – вместе со своей короной – по-прежнему оставалась главной ареной международного соперничества. Конфессиональные различия то и дело приводили к конфликтам¹⁵⁴ как в самой империи, так и по всей Европе. Подоплекой конфликтов были сложные правила престолонаследия, усугубленные властно-политическими противоречиями, и большинство этих конфликтов непосредственно затрагивало Германию. В последующие сто лет Европа из всех сил старалась заполнить вакуум власти, возникший в империи вследствие «отступления» испанцев; европейцы обдумывали порядок престолонаследия в самой Испании, прикидывали, как поделить шведские владения в Германии и на Балтике, и так далее. Войны за престолонаследие шли повсюду, даже в маленьких, но стратегически важных германских княжествах. Оспаривалась имперская корона, оспаривались троны Англии, Шотландии, Ирландии, Испании, Польши и Габсбургской империи. И каждое столкновение на территории Священной Римской империи приводило к длительным и ожесточенным войнам.

В 1648 году был заключен Вестфальский мир, и центром европейского баланса сил официально, но не фактически стала конституция германской нации – *Reichsverfassung*.¹⁵⁵ Рейхстаг проводил имперскую политику, в его задачи входило недопущение столкновений германских княжеств: эти мелкие государства не могли прибегать к сторонней помощи и тем самым создавать нестабильность. Рейхстаг имел право осудить князей, преступивших положения Вестфальского договора, он мог покарать и любое другое лицо, нарушившее мир в Германии, а, стало быть, и в Европе в целом. Германские князья фактически утратили суверенитет, и пространство для маневра у них (кроме самых крупных княжеств) значительно сузилось. В следующие сто лет империя не только угрожала совершить, но часто совершала «имперские интервенции» (*Reichsexekutionen*) против князей, угрожавших конфессиональной гармонии. Империя выступала в роли арбитра, если считала, что князья нарушают ста-

¹⁵² Quoted in Klaus Malettke, 'Europabewusstsein und europäische Friedenspläne im 17. und 18. Jahrhundert', Francia, 21 (1994), pp. 63–94 (p. 69).

¹⁵³ Quoted in Sven Externbrink, Friedrich der Grosse, Maria Theresia und das alte Reich. Deutschlandbild und diplomatie Frankreichs im Siebenjährigen Krieg (Berlin, 2006), pp. 89–90.

¹⁵⁴ David Onnekink (ed.), War and religion after Westphalia, 1648–1713 (Farnham, 2009), pp. 1–15.

¹⁵⁵ Букв. «имперское установление» (нем.). Примеч. ред.

бильность порядка. В некоторых случаях рейхстаг вводил ограничения или даже отстранял от власти виновных.¹⁵⁶ Имперская конституция находилась под покровительством двух «гарантов» – Швеции и Франции; эти страны отстаивали, соответственно, интересы протестантов и католиков и гарантировали защиту от императоров-Габсбургов. Отныне Европа могла быть уверена в том, что в империи, а, стало быть, и во всей государственной системе, не доминирует ни одно государство.¹⁵⁷

Жителям Германии надоело, что на протяжении тридцати лет их страну воспринимали как этакий «проходной двор», и они были полны решимости более не допускать стороннего вмешательства. Они соглашались в том, что стране нужна интегрированная форма имперского правления через князей, представленных в рейхстаге. Теоретически последний являлся органом, посредством которого император осуществлял свою суверенную власть империи. Княжества, представленные в рейхстаге, стремились теперь создать имперскую армию, поддерживающую мир на «своей» территории и препятствующую иноземному вмешательству. Организацию этой системы, как и прочие вопросы, не решенные при заключении Вестфальского договора, предполагалось обсудить на следующем заседании сейма, которое должно было состояться в Регенсбурге в середине 1650-х годов. В 1654 году скончался «король римлян» Фердинанд (избранный императором), и после некоторых колебаний германские курфюрсты согласились назначить его преемником Леопольда Габсбургского; при этом они отклонили кандидатуру молодого Людовика XIV, неофициально предложенную французскими дипломатами и некоторыми немецкими князьями, которые симпатизировали Бурбонам. Тем не менее, желая обезопасить себя от имперского давления, около пятидесяти германских княжеств под покровительством Франции в 1658 году объединились в Рейнскую лигу. В том же году Леопольд стал императором. Подстрекаемые французами, князья ограничили власть Леопольда, и тот был вынужден согласиться на эти ограничения, поскольку иначе его бы не избрали.

Германии срочно требовалось умиротворение, поскольку на ее западных и северо-западных границах продолжались конфликты. После заключения Вестфальского мира франко-испанская война длилась еще десять лет, нарушая покой огромной территории от Нидерландов и до имперского фьефа Франш-Конте (Вольного графства Бургундия). Все завершилось интервенцией Английской республики (лорд-протектор Оливер Кромвель быстро подавил мятежи в Ирландии и Шотландии и сделал своим приоритетом распространение протестантизма, чего так долго требовали парламентарии). Вопреки ожиданиям Англии, голландцы не забыли о колониальных и коммерческих противоречиях ради общего дела. Они даже отвергли предложение Англии в обмен на антигабсбургский альянс отменить Навигационный акт 1651 года, согласно которому вся торговля с островом должна была осуществляться английскими судами. Кромвель оскорбился, объявил Голландии войну и победоносно завершил ее в 1654 году. За этим триумфом от имени вальденсов, изнемогавших под игом католика герцога Савойского, последовала успешная дипломатическая и морская «гуманитарная» интервенция, после чего Кромвель начал массированное наступление на Испанию – «антихристианскую» всеобщую монархию.¹⁵⁸

¹⁵⁶ Bernd Marquardt, 'Zur reichsgerichtlichen Aberkennung der Herrschergewalt wegen Missbrauchs: Tyrannenprozesse vor dem Reichshofrat am Beispiel des südöstlichen schwäbischen Reichskreises', in Anette Baumann, Peter Oestmann, Stephan Wendehorst and Siegrid Westphal (eds.), *Prozesspraxis im alten Reich. Annäherungen – Fallstudien – Statistiken* (Cologne, Weimar and Vienna, 2005).

¹⁵⁷ Karl Härter, 'Sicherheit und Frieden im frühneuzeitlichen Alten Reich: zur Funktion der Reichsverfassung als Sicherheits- und Friedensordnung 1648–1806', *Zeitschrift für historische Forschung*, 30 (2003), pp. 413–31.

¹⁵⁸ D. J. B. Trim, 'If a prince use tyrannie towards his people': interventions on behalf of foreign populations in Early Modern Europe', in Brendan Simms and D. J. B. Trim (eds.), *Humanitarian intervention. A history* (Cambridge, 2011), pp. 54–64.

Поход Кромвеля на Испанию в 1655 году начался с отправки экспедиции в Карибское море и захвата Ямайки. Стратегической целью этого «западного проекта» было не расширение английской заморской империи, а лишение испанцев колониальных ресурсов. Как заметил бывший плантатор из Вест-Индии Томас Гейдж, «своему благополучию и силе Австрийский дом (главная опора Рима) обязан американским серебряным рудникам, а вот если их у Австрии (то есть у Габсбургов) отнять, тройная римская корона упадет и разрушится». Главный удар, однако, пришелся по самой Европе. Кромвель заключил союз с Францией в 1657 году. По настоянию Кромвеля Мазарини согласился прекратить преследования гугенотов. Год спустя в битве при Дюнkerке объединенная англо-французская армия нанесла поражение испанцам. Мадриду пришлось договариваться с Лондоном и Парижем, и в 1659 году был заключен Пиренейский мир. Одна из статей договора гласила: «Пусть горы Пиренеи, которые в древности разделяли галлов и народы Испании, снова станут рубежом двух королевств». Англия аннексировала Дюнкерк как материковый плацдарм, посредством которого она могла реализовывать свои интересы в Европе. В 1658 году Кромвель скончался, и после короткого перерыва англичане, уставшие от внутренних раздоров и иностранных войн, восстановили монархию Стюартов и возвели на трон Карла II.¹⁵⁹ Кратковременное, но решительное вторжение англичан в Европу закончилось, а в Нидерланды вернулся мир.

Борьба за господство в Скандинавии и Балтике грозила перекинуться на Священную Римскую империю. Бранденбург-Пруссия находилась на линии фронта. Согласно Вестфальскому договору, Бранденбург получил восточную часть Померании, а в виде компенсации за ее западную половину, отошедшую Швеции, – Гальберштадт, Минден и Магдебург. Теперь территория Бранденбурга стала больше, чем у Саксонии, до того момента крупнейшего германского протестантского княжества. Но и сам Бранденбург получил в ходе конфликта глубокую геополитическую травму, поскольку был не в состоянии помешать чужеземным армиям грабить свою территорию. Более того, согласно Вестфальскому договору, главному сопернику Бранденбурга – Швеции – досталась западная Померания, на самой границе с княжеством. Еще неприятнее было то, что шведы успешно воевали против Польши, и такое положение угрожало границам Бранденбурга, причем с обеих сторон.¹⁶⁰ Только в мае 1660-го, по окончании войны, был подписан Оливский мирный договор, и великий курфюрст смог облегченно вздохнуть. Было ясно, однако, что противоборства со шведами не избежать. В своем «Политическом завещании» курфюрст Фридрих Вильгельм предупреждал, что мир желателен, но лучше все-таки готовиться к войне: «Одно можно сказать наверняка – если думать, что пожар бушует далеко от наших границ, то наши земли окажутся ареной, на которой развернется трагедия».¹⁶¹

Завершение войны в Германии и продолжительные конфликты в Европе сильно отразились на внутренней политике континента. В 1630-х французы прекратили междоусобицы главным образом потому, что, претендуя на главную роль в Европе, страна вступила в войну с Испанией. Тем не менее конфликт в Германии вызвал новую вспышку волнений во Франции. В 1642 году после смерти Ришелье кардинал Мазарини продолжил активную внешнюю политику своего предшественника, что вызвало недовольство французской элиты. Обоих кардиналов обвиняли в самоуправстве, они жертвовали традиционными привилегиями знати ради финансирования войн. По мнению элиты, политика кардиналов бук-

¹⁵⁹ Thomas Gage's remarks of about 1654 are cited in Charles P. Korr, *Cromwell and the New Model foreign policy. England's policy toward France, 1649–1658* (Berkeley, Los Angeles and London, 1975) p. 89. Article 42 of the Treaty of the Pyrenees is cited in Peter Sahlins, 'Natural frontiers revisited. France's boundaries since the seventeenth century', *American Historical Review*, 95, 5 (1990), pp. 1423–51 (p. 1430).

¹⁶⁰ Robert I. Frost, *The northern wars. War, state and society in north-eastern Europe, 1558–1721* (Harlow, 2000), pp. 198–200.

¹⁶¹ The Great Elector is cited in Richard Dietrich (ed.), *Die politischen Testamente der Hohenzollern* (Cologne and Vienna, 1986), p. 188.

важно порождала конфликты в Европе. Когда Мазарини предложил продолжить войну против Испании и захватить Нидерланды, хрупкое внутреннее согласие рухнуло, даже несмотря на то, что в Германии сложилось равновесие сил. Вскоре после подписания Вестфальского мира 1648 года французский парламент и большинство аристократов подняли мятеж, известный как «фронда». Фрондеры выступали против внешней политики страны и против новых налогов, которые требовались для покрытия расходов на войну с Испанией.¹⁶² Мазарини обвиняли в том, что он не в состоянии защитить границы Франции, а войной желает «замаскировать» свою тиранию и казнокрадство, при этом губит прежние альянсы, что ведет к потере территорий, которые иначе сохранились бы за Францией.¹⁶³ Лишь к 1653 году королевские силы взяли под контроль ситуацию в стране. Французская монархия была вынуждена признать, что для достижения внутреннего единства необходима иностранная угроза, а для сдерживания внешней угрозы – внутреннее единство.

На востоке влияние войны ощущалось своеобразно. В Польше слабость короны, уступавшей внешнему давлению, обернулась в 1652 году согласием признать *liberum veto*, конституционное соглашение, в соответствии с которым голос одного несогласного польского аристократа мог парализовать работу сейма, национального парламента. Аристократов в Польше было очень много, около 10 процентов от населения, имевшего право голоса; такой пропорцией не могла похвалиться ни одна другая европейская страна, включая Англию. Многочисленность аристократии могла бы способствовать развитию представительства, как и произошло в Голландии и Англии. Но в Польше, которая представляла собой федерацию пятидесяти полусуверенных княжеств, аристократы постоянно ссорились между собой – при том что многие из них располагали значительными военными силами. Поскольку отныне один-единственный голос мог заблокировать любое решение парламента, сейм фактически перестал работать, и ни один важный вопрос не получал разрешения. В результате воцарилась анархия. Если бы сейм стал форумом для озвучивания национальных интересов и мобилизации необходимых ресурсов, колоссальный потенциал многолюдной республики, раскинувшейся от Балтийского до Черного моря, наверняка удалось бы реализовать. С другой стороны, конституционный «затор» мог устранить по-настоящему сильный князь, и тогда в стране установился бы абсолютизм, как во Франции или Пруссии. В любом случае, усиление польской власти угрожало безопасности соседних государств, таких как Швеция и Пруссия.

Русские цари, как и великий курфюрст, в семнадцатом столетии вышли из внутренних междоусобиц с твердым намерением создать государственную структуру, которая обеспечивала бы стабильность дома и помогала защищать и расширять пределы страны. В 1649 году вышел новый закон – Соборное уложение, – установивший социально-экономический порядок, согласно которому крестьян привязали к земле, а дворянство – к государственной службе. Под руководством первого русского канцлера Афанасия Ордин-Нащокина был составлен систематический план внутреннего развития, предусматривавший упрощение и отмену пошлин, а также воссоздание торгового флота. Целью Ордин-Нащокина было создание современного бюрократического государства по образцу Германии. Государству надлежало противостоять внешней агрессии и поддерживать экспансионистские амбиции Романовых. Московитским представительным структурам отводилась в этом важная роль. Разумеется, боярская дума, совет представителей знати, назначалась самим царем; ее члены давали царю советы по внутренним и внешним вопросам, служили в армии, в суде, дипломатическом корпусе и администрации. Земский собор, с другой стороны, был по-настоя-

¹⁶² Paul Sonnino, *Mazarin's quest. The Congress of Westphalia and the coming of the Fronde* (Cambridge, Mass., and London, 2008), pp. 168–71.

¹⁶³ Richard Bonney, *Society and government in France under Richelieu and Mazarin 1624–61* (Basingstoke, 1988), pp. 21–5.

Щему репрезентативным органом, состоял не только из дворян, но из чиновников, торговцев, городских жителей и даже крестьян. Земский собор на протяжении столетия играл решающую роль во внутренней и внешней политике России; в 1613 году он избрал нового царя, повысил налоги и сформировал армию против Польши. На Земском соборе было принято Соборное уложение, а в 1650-х собор собирался дважды, чтобы решить, стоит ли принимать украинских казаков, пожелавших царского покровительства. Когда царская власть стабилизировалась, впрочем, Земский собор охотно уступил ей бразды правления. В отличие от Англии и Франции семнадцатого века, российская монархия и ее сословно-представительные собрания не были антагонистами, они совместно занимались самоутверждением страны.

Самая глубокая трансформация, однако, произошла в Бранденбурге-Пруссии. Великий курфюрст утверждал, что чрезвычайно уязвимому прусскому государству, находящемуся под угрозой со стороны поляков, шведов и императора, требуется исключительно крепкая защита: «Хотя союзы достаточно хороши для обеспечения безопасности, однако собственная армия — лучше, на нее и в самом деле можно рассчитывать». Это заявление имело важные последствия для взаимоотношений курфюрста с представительными собраниями. Из скупости, местничества и страха перед княжеской тиранией юнкеры пошли на поводу у Габсбургов, строивших универсальную монархию, и отвергли предложение курфюрста финансировать нападение на шведов в 1649 году. Отдельные собрания до сих пор имели дипломатических представителей в столицах соседних стран, а на востоке Пруссии открыто симпатизировали Речи Посполитой. Никто из парламентариев, по мнению курфюрста, не отвечал за свои действия. По словам одного из чиновников, они были «безразличны к обороне собственной страны».¹⁶⁴ Безопасность Пруссии подразумевала ограничение независимости собраний.

В мае 1653 года парламент Бранденбурга обсуждал усиление шведской угрозы и поток финансовых требований из имперского сейма, озабоченного обороной империи. Великий курфюрст настаивал на внедрении системы государственного финансирования, которая позволила бы проводить политику «вооруженной обороны». Под жестким давлением парламент наконец признал «насущность действий» и согласился одобрить новые налоги. При этом сохранялось большинство феодальных прав на крепостных, дворян «вознаградили» особыми привилегиями в армии и в системе управления, однако их «совещательную» роль сильно урезали. Тем самым курфюрст исполнил свое обещание отстранить собрания от «решения вопросов жизни и смерти» (то есть внешней политики и войны). Через два года курфюрст учредил генеральный военный комиссариат в целях эффективной мобилизации ресурсов для войны. За двадцать лет он в десять раз увеличил численность армии.¹⁶⁵ Ряд отдаленных территорий на западе, однако, продолжал демонстрировать неповиновение; прусский абсолютизм еще не утвердился.¹⁶⁶ В Швеции, как и в Пруссии, «военное давление» в конце концов вынудило политическую элиту восстановить власть монарха, сократить влияние риксдага и согласиться на реформы, призванные увеличить запас финансовых и прочих ресурсов для укрепления обороноспособности страны.

После смерти Мазарини в 1661 году французский король Людовик XIV взял бразды правления в свои руки. Он намеревался добиться славы (*gloire*), как личной, так и государственной, отчасти ради удовлетворения самолюбия, а отчасти вследствие желания укрепить

¹⁶⁴ Cited in Christopher Clark, *Iron kingdom. The rise and downfall of Prussia, 1600–1947* (London, 2006), p. 55.

¹⁶⁵ Christoph Fürbringer, *Necessitas und libertas. Staatsbildung und Landstände im 17. Jahrhundert in Brandenburg* (Frankfurt, 1985), passim (quotations pp. 56, 67 and 162–3).

¹⁶⁶ F. L. Carsten, 'The resistance of Cleves and Mark to the despotic policy of the Great Elector', *The English Historical Review*, LXVI, 259 (1951), pp. 219–41, especially pp. 223–4 and 232 on the foreign policy link.

статус монархии во Франции – фронда отнюдь не была забыта. Современники и последующие поколения не сознавали, до какой степени политикой Людовика руководило, кроме того, желание обеспечить безопасность страны. Базовая стратегическая ситуация для монархии не изменилась: Габсбурги по-прежнему окружали Францию с севера, востока и юга. Огромная испанская армия стояла на юге Нидерландов, во Франш-Конте, Ломбардии и у подножия Пиренеев. Людовик в попытке отодвинуть испанцев от своей северной границы и принялся расширять страну на востоке, в Бургундии, Эльзасе и Лотарингии; он воевал за Северную Италию и вел «хитрую дипломатию» с протестантскими германскими князьями, равно как и со Швецией и Османской империей. Король желал возвести на польский престол своего ставленника и тем самым ответно окружить австрийских Габсбургов и предлагал себя в качестве посредника между Австрией и Россией.¹⁶⁷ «Исторические» притязания монархии возобновились, причем не только на земли с франкоязычным населением, но и на территории, некогда принадлежавшие французской короне.

У Людовика, помимо того, имелись имперские амбиции. Его «августейшая» иконография восходила к римским временам,¹⁶⁸ а большая стратегия Людовика сосредотачивалась на Священной Римской империи, как по идеологическим, так и по стратегическим причинам. Он проявлял большой интерес к германскому императорскому титулу даже после провала на выборах в конце 1650-х годов, желая титула пусть не для себя, но хотя бы для своего сына и наследника – дофина.¹⁶⁹ Вдобавок Людовик был готов оборонять северные и восточные границы от нападений испанцев и их союзников. В 1664 году он поклялся «проявлять больше приверженности, чем когда-либо», немецким делам.¹⁷⁰

Амбиции Людовика требовали долгосрочной программы внутренних преобразований. В 1666 году энергичный маркиз де Лувуа стал министром обороны и через три года приступил к военным реформам – создал корпус офицеров, назначил квартирмейстеров, стандартизировал вооружение. Под контролем де Лувуа французских аристократов призвали на военную службу – кого-то упростили, кого-то заставили.¹⁷¹ Королевская армия была преобразована в мощную военную машину, обладавшую монополией на применение силы в королевстве и наводившую страх на Европу. Аристократия уже не смогла вернуться к тем вольностям, какими пользовалась в годы фронды, поскольку ей приходилось постоянно доказывать свою преданность королю, чья власть становилась все более авторитарной. В 1666 году в стране началась политика поощрения рождаемости, чтобы увеличить численность населения, а следовательно, военную мощь и финансовые ресурсы монархии.¹⁷² Тем временем Жан-Батист Кольбер привел в порядок королевские финансы, увеличил сбор налогов, стимулировал производство товаров и торговлю. За пределами страны он создавал «Новую Францию», особенно в Канаде, укреплял престиж страны, копил ресурсы для продолжения схватки за Европу и боролся с внешними врагами монархии. Экономическая активность для Кольбера была продолжением конфликта другими средствами. Все это, однако, не делало власть Людовика во Франции «абсолютной». В стране по-прежнему существовало много

¹⁶⁷ Ferdinand Grönebaum, *Frankreich in Ost – und Nordeuropa. Die französisch-russischen Beziehungen von 1648–1689* (Wiesbaden, 1968), especially pp. 32–3.

¹⁶⁸ Peter Burke, *The fabrication of Louis XIV* (New Haven, 1992).

¹⁶⁹ Georges Livet, 'Louis XIV and the Germanies', in Ragnhild Hatton (ed.), *Louis XIV and Europe* (London and Basingstoke, 1976), pp. 60–81, especially pp. 62–3.

¹⁷⁰ Quoted in Andrew Lossky, *Louis XIV and the French monarchy* (New Brunswick, NJ, 1994), p. 129.

¹⁷¹ Guy Rowlands, *The dynastic state and the army under Louis XIV. Royal service and private interest, 1661–1701* (Cambridge, 2002).

¹⁷² Стратегическая мотивация: Leslie Tuttle, *Conceiving the old regime. Pronatalism and the politics of reproduction in Early Modern France* (Oxford, 2010), p. 7.

региональных, корпоративных и прочих ограничений власти короны. Франции пока не удалось полностью реализовать свой демографический и финансовый потенциал.¹⁷³

Не только французское общество формировалось реализацией абсолютистских амбиций Людовика. Монарх понимал, что европейский статус королевства в Европе является важнейшим фактором обеспечения внутренней стабильности. Даже в отдаленном Лангедоке, к примеру, притязания династии на защиту Франции от протестантизма и «разрушительных замыслов» Габсбургов, как дома, так и за рубежом, воспринимались как основа ее легитимности. Местные элиты славили «короля-солнце» и готовились «справедливо покарать всякого», кто осмеливался отказывать ему в славословии. «Стоит королю победить в сражении, взять город или подавить мятеж в провинции, – сокрушался один из критиков Людовика, – и французы тотчас устраивают фейерверки, самый ничтожный подданный чувствует себя причастным к славе короля, это чувство примиряет его с собственными неудачами и утешает в горе».¹⁷⁴ Все это потенциально могло «аукнуться», так сказать, поскольку поражения на европейской арене неминуемо отразились бы на королевской власти внутри Франции.

Все было готово для согласованной дипломатической и военной атаки Франции на империю. В феврале 1665 года скончался испанский король Филипп IV. Вскоре после этого Людовик, женатый на дочери Филиппа, заявил о притязаниях Франции на часть испанских Нидерландов: он опирался на брабантское «право деволуции», старый обычай Брабанта, согласно которому дочери от первого брака являлись единственными наследницами своих родителей в ущерб детям, рожденным от второго брака; этот закон никогда не применялся в международной политике. Когда притязания Людовика были отвергнуты, в мае 1667 года король начал «деволюционную войну», одержал убедительную победу над испанской армией и аннексировал стратегически важные территории возле своих северных границ. Англия помогала Франции, охраняя ее северные и южные рубежи. Нуждавшийся в средствах Карл II за пять лет до войны продал Людовику Дюнкерк. Более того, поскольку Карл был женат на Екатерине Браганской, английский король поддерживал своими войсками притязания Португалии на независимость, что ослабляло Испанию и оттягивало испанские войска к югу от Пиренеев. Голландцы не вмешивались, частично потому, что их отвлекала война с Англией, но главным образом потому, что великий пенсионарий¹⁷⁵ Ян де Витт старался умиротворить Людовика, а не вступать с ним в войну. Вскоре стало ясно, однако, что выступление Людовика против Нидерландов являлось лишь увертюрой к более серьезному предпринятию – вторжению в Германию. В целях собственной безопасности французы требовали не больше и не меньше, как, по выражению посла Людовика в Майнце, «границы по Рейну до Кельна».¹⁷⁶ Все это сопровождалось заявлениями, свидетельствовавшими о вновь возникшем интересе к императорской короне: король заключил союзные договоры с Баварией и Бранденбургом, а в тексты договоров отныне включались пункты о поддержании кандидатуры Людовика на титул императора.

Австрийские Габсбурги на тот момент ничего не могли с этим поделать. С самого начала десятилетия было ясно, что османы готовы возобновить откладывавшееся до тех пор вторжение в Венгрию. В апреле 1663 года, с тайного поощрения французов, османы объ-

¹⁷³ John A. Lynn, *Giant of the Grand Siècle. The French army, 1610–1715* (Cambridge, 1997), especially pp. 595–609.

¹⁷⁴ William Beik, *Absolutism and society in seventeenth-century France. State power and provincial aristocracy in Languedoc* (Cambridge, 1985), pp. 150–51 and 156–7, and Bailey Stone, *The genesis of the French Revolution. A global-historical interpretation* (Cambridge, 1994), p. 58. The quotations range from the 1630s to the 1690s.

¹⁷⁵ Название одной из высших должностей в Соединенных провинциях, дававшей право, в частности, от имени Генеральных штатов вести переговоры с иноземными послами и министрами. *Примеч. ред.*

¹⁷⁶ Writing in 1673, quoted in Klaus Malettke, *Frankreich, Deutschland und Europa im 17 und 18. Jahrhundert. Beiträge zum Ein uss französischer politischer Theorie, Verfassung und Aussenpolitik in der Frühen Neuzeit* (Marburg, 1994), p. 311.

явили войну австрийским Габсбургам. Эта кампания завершилась сокрушительным поражением в битве при Сен-Готарде. Французское дипломатическое вмешательство от лица османов помешало австрийцам воспользоваться победой. Австрия снова боролась на два фронта – дипломатический и военный.

Совокупное влияние франко-турецкой угрозы целостности империи стимулировало развитие конституционных структур в Германии. В феврале 1662 года было создано новое заседание сейма, посвященное османскому нашествию. В январе следующего года император заявил сейму, что не может сражаться в одиночку, и призвал депутатов «обеспечить безопасность империи, возлюбленного отечества германской нации». Он предложил организовать «всеобщее обсуждение и добиться могучего единства». Вскоре имперский сейм стал обсуждать опасность, исходящую от Людовика, особенно после вторжения французов в испанские Нидерланды. Примерно тогда все заседания рейхстага стали проходить в Регенсбурге, который сделался конституционной столицей империи. Город превратился в «коммуникационный центр», где обсуждались планы действий (пусть эти планы далеко не всегда выполнялись), где распространялись памфлеты, газеты и другие средства политической информации (в популярности медиа Регенсбург уступал только Лондону). В последующие два десятилетия сейм утвердил за собой право объявлять «имперскую войну» против внешнего врага, на заседаниях выясняли, как мобилизовать огромные ресурсы империи и как лучше ими распорядиться. Усилению власти парламента,¹⁷⁷ как и в Англии, способствовала международная обстановка. Оставалось, правда, неясным, сможет ли рейхстаг воспользоваться обретенной властью для обеспечения обороны империи и не помешают ли противоречия между фракциями выработке единого решения.

Тем временем остальная Европа с возрастающим беспокойством следила за действиями Людовика. В 1668 году Англия заключила Тройственный союз с Голландией и Швецией, как бы закрепляя роли «гарантов» безопасности империи. Вскоре, однако, этот союз развалился. В том же году, благодаря французским финансам и английским войскам, Португалия добилась независимости от Мадрида и тем самым еще больше ослабила Испанию. К концу десятилетия английский король Карл оказался в полной зависимости от Людовика; в июне 1670 года монархи заключили секретный Дуврский договор. В обмен на военную помощь в возвращении католицизма и укреплении королевской власти в Англии Карл соглашался поддержать французского короля против голландцев. Целью Людовика были Нидерланды, которые он воспринимал как помеху своим амбициям на северо-западе Европы. В апреле 1670 года он аннексировал Лотарингию, разорвав тем самым связь Вольного государства Бургундия (Франш-Конте) с испанскими Нидерландами. Испанское могущество рушилось на глазах, испано-голландский союз, заключенный в феврале 1672 года, подчеркнул глубину изменений на европейской сцене. Через два месяца Людовик нанес удар: французские войска прошли маршем испанские Нидерланды и ворвались в Соединенные провинции, безжалостно сокрушая их защитников. Чтобы напасть на голландцев с востока, французы без разрешения прошли через княжество Клеве, принадлежавшее их союзнику, Пруссии. Казалось, что остановить Людовика невозможно.

Вскоре стало ясно, однако, что французский король зашел слишком далеко. Генеральные штаты Голландии и Зеландии назначили штатгальтером Вильгельма Оранского, талантливого военачальника и ярого франкофоба. Главной его целью стала защита европейских «свобод», которые он понимал так же, как понимали «германские свободы» князь Священной Римской империи перед лицом самонадеянных притязаний императора. Только Вильгельм противостоял не императору, а попыткам Людовика нарушить европейский баланс

¹⁷⁷ О влиянии внешнего давления на работу сейма: Anton Schindling, *Die Anfänge des immerwährenden Reichstags zu Regensburg. Ständevertretung und Staatskunst nach dem Westfälischen Frieden* (Mainz, 1991), pp. 53–5, 68–90 and 229–30.

сил.¹⁷⁸ Братьев де Витт, призывавших к примирению с Францией, растерзала толпа оранжистов. Неминуемое падение Голландской республики заставило встрепетаться дворы Вены, Берлина и всей империи. В мае 1674 года рейхстаг объявил Франции «имперскую войну», причем Францию впервые открыто назвали «врагом империи»; к июню пруссаки тоже вступили в боевые действия против французов. Людовик в ответ поддержал шведов и усилил давление на северный фланг владений великого курфюрста. Он также поддержал восстание против испанского правления на Сицилии, которое вспыхнуло в 1674 году и длилось четыре года. В том же году Англия присоединилась к врагам Голландии. Молодой Джон Черчилль, впоследствии герцог Мальборо, был среди тех, кого отправили в Германию для содействия Людовику в противостоянии имперской армии. В августе 1674 года голландцы заключили сепаратный мир, гарантировавший им независимость. Через год шведские союзники Людовика потерпели сокрушительное поражение при Фербеллине от войска великого курфюрста и были вынуждены заключить перемирие. К концу 1670-х годов, однако, испанские позиции в Нидерландах изрядно ослабели. Неймегенский договор 1678 года положил конец войне. Мадриду пришлось уступить Людовику Камбреси, Франш-Конте, Сент-Омер и Шарлеруа. Людовик, в свою очередь, оставался неудовлетворенным и считал, что его страна уязвима перед нападениями со стороны Нидерландов и особенно Германии.¹⁷⁹

Все это нанесло серьезный удар по внутренней политике большинства западных и центральных европейских государств. В 1660-х и 1670-х годах разгорелись жаркие международные дебаты относительно того, что следует предпринять в связи с возрастанием французского могущества. Теперь уже не только в Англии и Голландии, где и прежде кипела публичная жизнь, но и в империи¹⁸⁰ тысячами распространялись памфлеты и сыпались упреки. Ежемесячный журнал «Меркюр», новое слово в журналистике, регулярный обзор событий, посвящал значительное количество материалов иностранной и имперской политике. Далеко не все полагали, что Людовика нужно остановить. Многие английские консерваторы чувствовали, что голландцы представляют более значительную коммерческую и идеологическую угрозу. В Голландии многие соглашались с братьями де Витт в том, что с французами следует примириться – если не из симпатии, то хотя бы из осторожности. Не было недостатка в немцах, которые, по той или иной причине, видели в Людовике полезный инструмент против всевластия императора. В общем и целом, однако, европейцы, будь они католиками или протестантами, князьями или парламентариями, соглашались с тем, что французский король намерен построить универсальную монархию по образцу Карла V. Протестанты более всего опасались католицизма Людовика и его желания завершить начинания европейской контрреформации.¹⁸¹

Ключевым звеном являлась Германия. Людовик хотел подчинить себе империю ради ее ресурсов и статуса. В Германии все боялись, что Людовик предъявит претензии на императорскую корону и, возможно, попытается убить императора.¹⁸² Английские виги не сомне-

¹⁷⁸ Wout Troost, “‘To restore and preserve the liberty of Europe’. William III’s ideas on foreign policy”, in David Onnekink and Gijs Rommelse (eds.), *Ideology and foreign policy in Early Modern Europe (1650–1750)* (Farnham, 2011), pp. 283–304 (German context pp. 288–9).

¹⁷⁹ О важности Нидерландов и Германии для испанской стратегии: Christopher Storrs, *The resilience of the Spanish monarchy, 1665–1700* (Oxford, 2006), pp. 14 and 113–14. Аннексия Франш-Конте: Darryl Dee, *Expansion and crisis in Louis XIV’s France. Franche-Comté and absolute monarchy, 1674–1715* (Rochester, NY, and Woodbridge, 2009).

¹⁸⁰ Sonja Schultheiss-Heinz, ‘Contemporaneity in 1672–1679: the Paris Gazette, the London Gazette, and the Teutsche Kriegs-Kurier (1672–1679)’, in Brendan Dooley (ed.), *The dissemination of news and the emergence of contemporaneity in Early Modern Europe* (Farnham, 2010), pp. 115–36.

¹⁸¹ Об английских политических памфлетах: Tony Claydon, *Europe and the making of England, 1660–1760* (Cambridge, 2007), pp. 220–25. Германия: Erich Everth, *Die Öffentlichkeit in der Aussenpolitik von Karl V. bis Napoleon* (Jena, 1931), pp. 155–7.

¹⁸² Alexander Schmidt, ‘Ein französischer Kaiser? Die Diskussion um die Nationalität des Reichsoberhauptes im 17. 50

вались, подобно европейским парламентариям в 1620-х годах, что европейский баланс сил и английские свободы предстоит защищать в Нидерландах¹⁸³ и в империи. Так, сэр Томас Литтлтон в апреле 1675 года предупредил парламент о смертельной опасности «расширения» французской империи Людовика за счет Фландрии, Германии и Франш-Конте.¹⁸⁴ Виги безжалостно обличали внешнюю политику Карла II, особого накала обстановка на парламентских слушаниях достигла в 1677–1678 годах, когда парламентарии попытались урезать королевские полномочия, ссылаясь на допущенные монархом промахи.¹⁸⁵

Все это чрезвычайно обострило ситуацию в Европе. В ходе «деволюционной войны» имперский сейм не одобрил интервенцию в поддержку испанских Нидерландов.¹⁸⁶ Он также оставил без внимания просьбу герцога Лотарингского о помощи в 1670 году. Нападение на Соединенные провинции, однако, тотчас пробудило Германию. Хаос, устроенный Людовиком в Пфальце, и отношение французского короля к Германии в целом возбудили в немцах ненависть и заставили вспомнить о национальном унижении. Они называли Людовика «христианским турком», «первенцем Сатаны» и антихристом. В их глазах все французы были сексуальными вырожденками и продажными тварями, которые подчиняются тираническим капризам своего монарха. Антагонизм Германии по отношению к Людовику при этом опирался вовсе не на примитивный национализм или ксенофобию. Абсолютистские притязания и религиозная нетерпимость Людовика прямо противоречили традиционным понятиям «германских свобод» (*deutsche Freiheit*) и необходимости защищать имперские княжества с их двойной функцией (исполнительной власти Дома и представительной в сейме).¹⁸⁷ Войны против Франции, кроме того, носили идеологический характер. Для многих немцев, как и для голландцев и английских вигов, Людовик олицетворял смертельную угрозу модели политического и конфессионального сосуществования, которую они на протяжении многих столетий реализовывали с таким трудом путем проб и ошибок. Они защищали не просто германскую «территорию», но германские «свободы».

Стратегические вызовы конца семнадцатого века стимулировали потребность в реформировании имперской военной конституции (*Reichskriegsverfassung*). Мало кто спорил с Самуэлем фон Пуфендорфом, когда тот в выпущенном под псевдонимом знаменитом памфлете 1667 года призывал к единению империи и осуждал Вестфальский договор, позволивший «иноземцам лепить из Германии нечто по собственному усмотрению».¹⁸⁸ Более противоречивым выглядело предложение создать Имперский совет, который будет консультировать императора в вопросах внешней политики, как уже было в конце пятнадцатого века. Некоторые предлагали увязать представительство в рейхстаге с количеством людей, которых конкретное княжество направило на службу империи. Большинство, однако, с осторожностью относилось к идее имперской регулярной армии. Пуфендорф предупреждал, что

Jahrhundert», *Historisches Jahrbuch*, 123 (2003), pp. 149–77, especially pp. 150, 156–8 and 174.

¹⁸³ Gabriel Glickman, 'Conflicting visions: foreign affairs in domestic debate, 1660–1689', in William Mulligan and Brendan Simms (eds.), *The primacy of foreign policy in British history, 1660–2000. How strategic concerns shaped modern Britain* (Basingstoke, 2010), pp. 15–31.

¹⁸⁴ Quoted in Brendan Simms, *Three victories and a defeat. The rise and fall of the first British Empire, 1714–1783* (London, 2007), p. 32.

¹⁸⁵ Annabel Patterson, *The Long Parliament of Charles II* (New Haven and London, 2008), pp. 178–208, especially pp. 179–80.

¹⁸⁶ О важности «деволюционной войны» для отношения немцев к Людовику: Martin Wrede, *Das Reich und seine Feinde: politische Feindbilder in der reichspatriotischen Publizistik zwischen Westfälischem Frieden und Siebenjährigem Krieg* (Mainz, 2004), pp. 330–407.

¹⁸⁷ Leonard Krieger, *The German idea of freedom. History of a political tradition* (Chicago and London, 1957), pp. 6, 19 and passim.

¹⁸⁸ Quoted in Peter Schröder, 'The constitution of the Holy Roman Empire after 1648: Samuel Pufendorf's assessment in his *Monzambano*', *Historical Journal*, 42 (1999), pp. 961–83 (quotation p. 970).

появление такой армии приведет к «военному деспотизму». Коротко говоря, немцы хотели результата, но не были готовы к средствам, которые требовались для достижения цели.¹⁸⁹

Мало-помалу борьба за Европу стала вестись не только на самом континенте, но и в коммерческой сфере и в колониях. В соответствии с доминировавшей экономической доктриной меркантилизма торговля представляла собой игру с нулевой суммой. Кольбер утверждал, что государство может улучшить свою торговлю, торговый флот и производство, только отняв долю торговли, флота и промышленности других держав. Опоздавшим придется «подражать» более удачливым соперникам.¹⁹⁰ Захват как можно большего числа заморских колоний и наивозможно большей доли мировой торговли (а также препятствование в этом другим) стал главной составляющей большой стратегии. Однако все это было только способом достижения более важной цели в Европе. К примеру, после Тридцатилетней войны Мадрид утратил влияние в Центральной и Северо-Западной Европе, что заставило уделять больше внимания заморским делам, чтобы обеспечить ресурсы для укрепления испанских позиций в Нидерландах и империи.¹⁹¹

Походы Людовика значительно обезопасили французские границы. После подписания мирного договора в Неймегене главный инженер короля, Себастьян де Вобан, существенно укрепил новые рубежи на севере и востоке страны. Тем не менее французский король вознамерился сделать страну неуязвимой перед нападениями извне и, следуя политике Ришелье, создать «порталы» в соседние государства, чтобы постоянно грозить беспокойным соседям. Он уже владел важной североитальянской крепостью Пинероло, а в 1681 году аннексировал Касаль и окружил Савойю. Но главной заботой Людовика оставалась империя. Благодаря слабости Испании можно было не опасаться Фландрии; Англия при короле Карле II и его преемнике с 1685 года Якове II была настроена дружелюбно, однако внутреннее положение на острове было далеким от стабильного. Главная угроза для Франции исходила от австрийцев на востоке, которых поддерживали голландцы и, возможно, пруссаки. Лишь интервенция Австрии и Пруссии спасла в 1670-х годах Соединенные провинции. В 1680 году Людовик учредил «Палаты воссоединения» для разысканий исторических прав французской короны на те или иные земли; это обоснование позволило аннексировать германские территории вблизи восточных границ. В октябре 1681 года французские войска оккупировали Страсбург на Рейне. Однако этого было мало, поскольку каждый поход Людовика обнажал новую уязвимость страны на севере и востоке. «Палаты воссоединения» ускорили свою работу. В декабре 1683 года Испания собралась было нанести превентивный удар, но Людовик не останавливался. К середине следующего года он взял Люксембург. Все это вело Францию к неминуемому столкновению с империей. В июне 1684 года Людовик объявил, что «отныне германцы должны считаться нашими врагами».¹⁹²

На западе Людовик действовал относительно свободно, поскольку австрийцев снова отвлекла французская «хитрая дипломатия». В начале 1683 года турки возобновили наступление на север, за их армией следовал крупный контингент христиан-венгров. К июлю они подошли к Вене. Леопольд позорно бежал из столицы. Спас императора папа римский, для которого война была столкновением цивилизаций. У папы Иннокентия XI было мало собственных сил, но он готов был употребить значительные дипломатические и финансовые ресурсы церкви в поддержку крестового похода. Папа тоже пустил в ход «хитрую дипломатию»: с целью нападения на османов с тыла он в 1683 году отправил посла к персид-

¹⁸⁹ Wolfgang Burgdorf, *Reichskonstitution und Nation. Verfassungsreformprojekte für das Heilige Römische Reich deutscher Nation im politischen Schrifttum von 1648 bis 1806* (Mainz, 1998), W. H. Pufendorf quotations pp. 70–73.

¹⁹⁰ Sophus Reinert, *Translating Empire. Emulation and the origins of political economy* (Cambridge, Mass., 2011).

¹⁹¹ О Вестфальском мире, пиренейском мире и имперской политике Испании: Stanley H. Stein and Barbara H. Stein, *Silver, trade and war. Spain and America in the making of Early Modern Europe* (Baltimore and London, 2000), pp. 57–105.

¹⁹² Louvois's remark of June 1684 is cited in Livet, 'Louis XIV and the Germanies'.

скому шаху. Имелся и другой план – убедить христиан-абиссинцев напасть на Египет и тем самым отвлечь султана, однако из этого ничего не вышло. Легенда о пресвитере Иоанне умирала в муках. Тем не менее папе удалось добиться понимания у поляков и русских, которые выступили против османов. Польского короля Яна Собеского не пришлось долго уговаривать ударить по османам с юга, поскольку те представляли большую опасность для черноморских провинций Речи Посполитой. Иннокентий также обеспечил взаимодействие поляков с австрийцами. 11 сентября 1683 года Собеский подошел к Вене, где объединился с имперской армией и напал на османов. «Турецкий колокол» (*Türkernglocke*) в итоге так и не прозвонил над германскими землями. К концу семнадцатого века стало ясно, что призывы к христианскому единству против иноверцев, сплотивавшие европейцев со времен первых крестовых походов и примирявшие немцев с прихотями императоров, утратили силу. В этом отношении новое появление турок оказалось как нельзя кстати.

После этого «восточники» заняли господствующее положение в Вене и убедили императора воспользоваться плодами победы над османами. В августе 1684 года, подписав перемирие с Людовиком, Леопольд получил свободу действий в Венгрии и на Балканах. Папа, страстно желавший избежать распрей между германскими христианами, одобрил действия императора и предоставил значительные суммы на «возвратные» кампании 1680-х и 1690-х годов. Венгерская и хорватская знать получила право на «автоматический» доступ к трону Габсбургов. Кампании, направленные на окончательное изгнание османов из Венгрии, переросли в национальный германский крестовый поход. В 1685 году Ганновер, Бавария, Швабия, Рейн и Кёльн выставили общей численностью почти 30 тысяч человек. Столь внушительных объединенных сил Германия еще не знала. Турки пытались сопротивляться, но в последующие пятнадцать лет все их усилия были напрасными. В Славонии мусульман без жалости истребили. Была отвоевана Буда, потом Трансильвания. Затем австрийские войска дошли до Белграда. В 1684 году Леопольд даже направил посольство к русскому царю, приглашая Россию принять участие в схватке. Русские присоединились к Священной лиге против турок и в 1687 году вторглись в Крым. Уже недалеко было время, когда австрийцам предстояло пожалеть о вмешательстве Леопольда.

В самой империи тем временем снова возникла угроза французской агрессии. Ситуацию обострил, как часто бывало и прежде, конфликт из-за Пфальца и Рейнской долины. Людовик в 1685 году предъявил претензии на часть Пфальца, ссылаясь на права своей невестки Елизаветы Шарлотты, чей покойный брат Карл обладал наследственным правом на Пфальц. Это требование являлось смертельной угрозой безопасности империи. Леопольд наконец был вынужден обратить внимание на происходящее на западе и рискнул пойти войной на два фронта. В августе 1685 года великий курфюрст Бранденбурга заключил с голландцами антифранцузский альянс.¹⁹³ Пруссия получила горький урок на востоке: победа над шведами обернулась тем, что противник, благодаря немалой финансовой помощи французов, тотчас оправился и сел за стол переговоров. В случае обретения Передней Померании Пруссия становилась одним из главных игроков на европейской сцене – по крайней мере, могла принимать участие в сдерживании Франции. Людовик больше прочих способствовал объединению элементов европейской государственной системы, а в итоге сильнее остальных пострадал от этого. В июле 1686 года император, Швеция, Испания, Голландия, Бранденбург-Пруссия и многие другие германские княжества объединились и, во имя противостояния Франции, сформировали Аугсбургскую лигу, позже названную Великим альянсом.

Людовик попытался упредить возвращение австрийских войск из Венгрии, вторгнувшись глубже в империю. Лувуа сказал Вобану: «Король только что услышал о поражении

¹⁹³ Wouter Troost, 'William III, Brandenburg, and the construction of the anti-French coalition, 1672–88', in Jonathan Israel (ed.), *The Anglo-Dutch moment. Essays on the Glorious Revolution and its world impact* (Cambridge, 1991), pp. 299–333.

турецкой армии и счел необходимым изменить позиции войск в Германии».¹⁹⁴ В июне 1688 года скончался курфюрст Кельна, давний союзник Франции, и Людовик, несмотря на протесты Германии, настоял на удобном для себя преемнике. В конце сентября 1688 года он отправил войска в Пфальц, снова опустошил это княжество – и разрушил собственную репутацию в Германии и в Европе в целом. Маршал Франции герцог Дюра сетовал: «Боль, которую я испытываю после разрушения столь крупных городов, как Вормс и Шпейер, побудила меня изложить Его Величеству все дурные последствия этого для его славы в мире».¹⁹⁵ В том же месяце Бранденбург-Пруссия, Брауншвейг, Гессен и Вюртемберг отправили воинские контингенты на подмогу Вильгельму Оранскому. Вскоре империя объявила войну французскому королю. В мае следующего года голландцы согласились на предложение Леопольда оттеснить французов к их границам. Они пообещали императору поддержку в борьбе за испанское наследство и гарантировали, что его сын Йозеф (Иосиф) наследует императорскую корону. В январе 1690 года Йозефа избрали «королем римлян» с наказом мобилизовать Германию на борьбу с Францией. В июле 1690 года Испания начала войну против Людовика, в октябре к войне присоединилась Савойя. Начался новый виток схватки за контроль над Германией и Европой.

Неиссякаемые амбиции Людовика породили новые внутренние преобразования. В Голландии Вильгельм из всех сил старался убедить в 1680-х годах Генеральные штаты во французской угрозе. Когда, к примеру, Людовик уничтожал в Нидерландах испанские гарнизоны, Гронинген и Фрисландия, находившиеся дальше всех от опасности, отзывали войска, срывая попытки штатгальтера организовать оборону. К концу десятилетия, однако, даже самый скептически настроенный олигарх уже видел, что Людовика необходимо остановить. В Соединенных провинциях стратегическая ситуация разрешила давнюю дилемму выбора между государем и парламентом в пользу штатгальтера. В Англии все было наоборот. Антимонархическая критика английской внешней политики с 1660-х годов достигла новых высот после падения «немецких бастионов», особенно Страсбура, который виги в своих памфлетах называли «оплотом» германского протестантизма и, следовательно, оплотом английской свободы. Потерю «ключей от Германии» оплакивали даже некоторые консервативные памфлетисты, хотя к голландцам они были настроены враждебнее, нежели к французам, и предпочитали морские и колониальные операции дорогостоящим континентальным сухопутным войнам.¹⁹⁶

Англичан не устраивала не только внешняя политика, они спорили из-за форм внутренней организации для защиты национальных интересов. Многие консерваторы хотели оказать сопротивление Людовику, однако чувствовали, что необходимо поддержать монарха, чтобы тот ощутил свою силу. Карл II делал все, что от него зависело. Например, в октябре 1680 года, на открытии особенно буйного заседания парламента, король предупредил: «Домашние разногласия могут значительно навредить нашим взаимоотношениям с другими странами».¹⁹⁷ С другой стороны, критически настроенные виги постепенно принимали позицию пуритан времен гражданской войны. По словам одного обозревателя, они старались «не просто убедить Карла разорвать союз с Францией, но и обязать короля впредь уведомлять их о своих намерениях относительно войны, хотя прежде подобные вопросы зависели сугубо от воли Его Величества и являлись прерогативой короны». В 1685 году Карлу наследовал Яков II; открытый католицизм короля поставил страну в подчиненное положение по отно-

¹⁹⁴ Quoted in G. Symcox, 'Louis XIV and the outbreak of the Nine Years War', in Ragnhild Hatton (ed.), *Louis XIV in Europe* (London, 1976), p. 187.

¹⁹⁵ Quoted in John A. Lynn, *The wars of Louis XIV, 1667–1714* (London and New York, 1999), p. 197.

¹⁹⁶ Quotations in Claydon, *Europe and the making of England*, pp. 56 and 239.

¹⁹⁷ Charles II is quoted in *ibid.*, p. 237.

шению к Людовику; в ноябре 1685 года Яков распустил парламент и «прогнал критиков» из Вестминстера. Король и его критики были согласны в том, что главной задачей является восстановление авторитета Англии в Европе; Яков считал, что наилучшим способом добиться этого будет монархическая и бюрократическая форма правления, «мишенью» которой станут прежде всего Соединенные провинции, а виги отстаивали парламентское правление и видели своего главного врага во французской «универсальной монархии». К концу восьмидесятых годов ситуация стала критической. В июне 1688 года у Якова родился сын, которому предстояло стать королем-католиком, опередив Марию и Анну, двух дочерей-протестанток, рожденных в первом браке.

На тот момент Англии угрожала насущная опасность, вызванная интервенцией Людовика в Пфальц. Это обстоятельство заставило Вильгельма Оранского в ноябре 1688 года вторгнуться в Англию. Голландец полагал, что лишь восстановление конституционного правления в Англии поможет защитить европейские ценности от амбиций Людовика. Новый английский король видел себя во главе международного Божьего войска, а его сторонники в Англии, например, епископ Бернет, призывали соотечественников не прятаться на острове, а действовать как богоизбранный народ, протестантский «новый Израиль», в защиту свобод и истинной религии.¹⁹⁸ Не отдаленная перспектива прихода к власти католического наследника, а скорее ухудшающаяся ситуация в Европе убедила даже вигов в том, что у них нет другого выбора, как признать после бегства Якова своим «освободителем» Вильгельма и отдать ему корону. Людовику не удалось воспрепятствовать возвышению штатгальтера, поскольку он до последнего момента был убежден, что интересы Вильгельма связаны с Германией. Английская «славная революция» 1688 года стала плодом государственной системы, и ее предприняли для того, чтобы восстановить позиции Англии на европейской арене.

Девятилетняя война Людовика против стран Центральной и Западной Европы, с 1688-го по 1697 год, была общеевропейской войной и велась главным образом во Фландрии, Пфальце и Северной Италии. Именно сюда англичане, голландцы и империя направляли основную часть своих ресурсов. Особенно жарко было в Нидерландах, где к другим европейским народам присоединились в боевых действиях испанцы.¹⁹⁹ Противостояние включало в себя также ряд региональных конфликтов, таких как война за английское наследие, шедшая в Шотландии и Ирландии с 1689-го по 1691 год, и, разумеется, турецкая война. Все фронты были взаимосвязаны. Людовик защищал Якова II, несмотря на сопротивление парламента. Вильгельм преследовал Якова до Ирландии, нанес ему поражения при Бойне и при Охрине. Вильгельм извинился перед союзной Германией за то, что «вынужден был отправиться в Ирландию», где «оказался отрезан от цивилизованного мира», но после разгрома якобитам обещал «с новыми силами бороться против общего врага в Нидерландах и в империи».²⁰⁰ Людовик подстрекал турок воспользоваться хаосом на западе. В отличие от него, голландские и английские посланники старались утихомирить османов, чтобы предоставить Леопольду большую свободу действий. В 1692 году Георга Людвига Ганноверского избрали курфюрстом в качестве первого «вознаграждения» за его будущую войну с французами и турками, что еще раз показало связь ситуации в империи с более широким европейским контекстом.

Все это далее стимулировало развитие европейской публичной сферы. Наиболее оживленной она становилась там, где требовалось убедить народ голосовать за военные кампа-

¹⁹⁸ Tony Claydon, *William III and the godly revolution* (Cambridge, 1996), pp. 138–40 and passim.

¹⁹⁹ Christopher Storrs, 'The army of Lombardy and the resilience of Spanish power in Italy in the reign of Carlos II (1665–1700)', in *War in History*, Part I, 4 (1997), pp. 371–97, and Part II, 5 (1998), pp. 1–22.

²⁰⁰ Quoted in Wout Troost, 'Ireland's role in the foreign policy of William III', in Esther Mijers and David Onnekink (eds.), *Rede ning William III. The impact of the King-Stadholder in international context* (Aldershot, 2007), pp. 53–68 (quotation p. 53).

нии, – то есть в Англии, Нидерландах и североамериканских колониях. Именно в эту пору в Лондоне возникла независимая пресса, стремившаяся удовлетворить ненасытное желание публики узнавать новости с континента. И даже в империи, где связь между общественным мнением и политическими или военными действиями была менее очевидной, образованные люди хотели знать о событиях, определяющих их жизни. «Они несутся на почту и к продавцам газет, – с иронией замечал немецкий писатель Каспар Шпиллер в 1695 году. – Им не терпится узнать, что поделяются французский король, император, папа или султан в Константинополе, а на самом деле все это имеет к ним такое же отношение, как знание того, населена ли Луна простыми смертными или богами».²⁰¹

Великое европейское противостояние вызвало новый раунд мобилизации и бюрократической консолидации во многих государствах. Впереди всех были две «морские державы» – Англия и Соединенные провинции. Путь в конце шестнадцатого века указала Голландия, превосходная военная организация которой помогла взять верх над обладавшим более значительными ресурсами Филиппом II. В 1690-х годах англичане, частично заимствовав идеи голландцев, создали наиболее могущественное и «современное» государство в Европе.²⁰² В 1694 году был основан национальный банк Англии и создан денежный и кредитный рынок;²⁰³ учреждена Британская Ост-Индская компания, получившая обширные привилегии от правительства.²⁰⁴ В основе преобразований лежало широкое политическое согласие в отношении парламентского правления, ограничившего тиранию дома и за рубежом. Согласно Трехлетнему акту 1694 года, выборы в парламент должны были проходить каждые три года; отказ от цензуры позволил свободно обсуждать политические и экономические вопросы как на заседаниях парламента, так и вне его стен. На протяжении всех девяностых годов английская политика характеризовалась спорами о ведении войны; виги поддерживали Вильгельма, призывавшего к прямой военной интервенции на континенте, а тори предпочитали «опосредованную» морскую и колониальную стратегию. С тем, что Людовика нужно остановить, никто не спорил, как не вызывало сильных возражений и мнение, что свободному народу необходимо сильное и богатое государство.²⁰⁵ «Делайте то, что нужно, для продолжения войны, – говорилось в заявлении палаты общин в 1690-х, – но не делайте того, что может нарушить конституцию».²⁰⁶ В результате Вильгельм III и его парламент смогли найти колоссальные суммы для войны с Людовиком и профинансировать боевые действия (по меньшей мере на треть) за счет долгосрочных займов, а не доходов казны. Таким образом, англичане жили не только в самом свободном европейском государстве, но и в самом могущественном, если исходить из размеров и численности населения.

Большинство европейских государств, однако, выбрало путь абсолютной монархии. Шведский король Карл XI проводил политику «*Reduktion*» – «возвращения» короне земель, присвоенных аристократами – и тем самым значительно увеличил финансовую состоятельность монархии. Он также ввел *индельту* – военно-фискальную систему землевладения, по которой владение собственностью увязывалось с налогообложением и рекрутским набором; на осуществление реформы потребовалось несколько десятилетий, зато к концу столетия Швеция обрела военную мощь, невиданную для страны таких размеров и численности насе-

²⁰¹ Quoted in Everth, *Öffentlichkeit in der Aussenpolitik*, p. 147.

²⁰² Steve Pincus, 1688. *The first modern revolution* (New Haven and London, 2009), pp. 475–7 and *passim*.

²⁰³ David Stasavage, *Public debt and the birth of the democratic state. France and Great Britain, 1688–1789* (Cambridge, 2003).

²⁰⁴ Philip J. Stern, *The company-state. Corporate sovereignty and the Early Modern foundations of the British Empire in India* (Oxford, 2011).

²⁰⁵ Robert D. McJimsey, 'A country divided? English politics and the Nine Years' War', *Albion*, 23, 1 (1991), pp. 61–74.

²⁰⁶ Quoted in Miles Ogborn, 'The capacities of the state: Charles Davenant and the management of the excise, 1683–1698', *Journal of Historical Geography*, 24 (1998), pp. 289–312.

ления.²⁰⁷ Император Леопольд усиленно старался реформировать государственный аппарат империи, частично потому, что этого требовали войны с Францией и Турцией, а частично потому, что захват новых земель в Венгрии предоставил ему такую возможность. В отличие от Англии, кредиторы Леопольда в 1680 году отказались далее кредитовать императора, пока он не разберется со своей коррумпированной финансовой администрацией. Император не стал обсуждать сложившееся положение с парламентом, в одностороннем порядке он с 1681 года пытался внедрить в империю новую финансовую систему. Спустя восемь лет советники рекомендовали Леопольду создать в Венгрии регулярную армию, повысить налоги и отправить «колонистов» на обработку земли. Подобным же образом, вопреки (или, скорее, вследствие) своим размерам, мелкие территориально и политически немецкие княжества пытались усилить свои позиции.²⁰⁸ При этом внутренние реформы никоим образом не были «столбовыми». Между надеждами и реальностью часто разверзалась широкая пропасть; многие европейцы – даже в Германии – продолжали уклоняться от внимания государства, то есть от налогов, рекрутского набора и прочих обязанностей гражданина.²⁰⁹ Леопольд не сумел лишить венгерских дворян их традиционного права (*ius resistendi* – право на восстание); со Средних веков они игнорировали распоряжения короны, если считали те несправедливыми. Леопольду пришлось смириться и с тем, что венгры самостоятельно управляют, пусть не слишком благоразумно, собственной казной. Отношения Карла XI с дворянством Финляндии и Прибалтики тоже не складывались, и дошло до мятежа, который возглавил граф Иоганн фон Паткуль; последний установил тесные взаимоотношения с другими странами, например, с Польшей, и пригласил их «поделить Швецию» в обмен на возвращение традиционных свобод.

Английская Северная Америка сделалась этакой ареной раздора между «централистами» и представительными собраниями. Королевские губернаторы и колонисты-тори воспринимали французскую угрозу преимущественно с мирской точки зрения и полагали, что должны «переабсолютировать» Людовика. Военную эффективность французской Канады, где большинство малочисленного мужского населения служило в ополчении, они сравнивали с хаосом в доминионе Новая Англия. Положение было таково, что, по словам одного комментатора, англичане «делились на множество мелких колоний, которые думали исключительно о себе, а не об интересах населения». Лишь централизованное управление могло мобилизовать все локальные ресурсы, укрепить позиции метрополии в Европе и позволить отразить франко-индейские нападения. С другой стороны, многие поселенцы-ви́ги были религиозными и политическими радикалами. Для них Людовик был «антихристом», поработившим церковь в Германии, «тираническим и продажным владыкой Франции, заковавшим Европу в кандалы». Как сказал в своей проповеди в 1686 году священник из Новой Англии Коттон Мэзер, «чаша движется по миру, и теперь она прибыла в Америку». Колонисты не поддерживали губернаторских планов по милитаризации Новой Англии, наоборот, осуждали эти планы как скрытое наступление на «свободы». Они отвергали все попытки централизации власти, особенно воинскую повинность, и отстаивали идею федерации протестантских колоний.²¹⁰

После почти десятилетия боев, маневрирования и мобилизации ни Франция, ни «Великий альянс» не смогли взять верх. Поначалу Людовик добился немалых успехов в Италии, Германии и на море. К 1691 году, однако, Яков потерпел разгромное поражение в Ирландии.

²⁰⁷ A. F. Upton, Charles XI and Swedish absolutism (Cambridge, 1998), pp. 71–89.

²⁰⁸ Peter H. Wilson, War, state and society in Württemberg, 1677–1793 (Cambridge, 1995), especially pp. 247–8.

²⁰⁹ Andre Wakefield, The disordered police state. German cameralism as science and practice (Chicago and London, 2009).

²¹⁰ Owen Stanwood, 'The Protestant moment: anti-papery, the Revolution of 1688–1689, and the making of an Anglo-American empire', Journal of British Studies, 46 (2007), pp. 481–508 (quotations pp. 488, 491, 501 and 491).

Вся английская сила теперь обратилась против Франции – в империи, на Атлантике и в Средиземноморье. Но все же Вильгельм Оранский так и не сумел нанести окончательный удар. Австрийцы вели войну на два фронта. В 1690-м турки отвоевали Белград, и, хотя наступление Габсбургов вскоре возобновилось, война на Балканах отвлекла от схватки с Францией. Обе стороны попали в цугцванг. В 1694 году французы вторглись в Каталонию, через три года взяли Барселону, но коммуникации Людовика опасно растянулись. Известный «флюгер» и сомнительный союзник Виктор Амадей Савойский в 1696 году переметнулся на сторону Людовика. У англичан и голландцев средства тоже заканчивались, поэтому обе стороны конфликта начали искать способы примирения.

В сентябре 1697 года был подписан Рейсвейкский мирный договор, война закончилась. К большому неудовольствию германского общества и многих германских князей, Людовик сохранил за собой Страсбур. Маркграф Баденский жаловался, что «Германия не может считать себя полностью свободной, пока Страсбур со всеми его фортификациями не возвращен империи».²¹¹ Во всех других отношениях, однако, французский король оказался в тяжелом положении. На пути к стратегически важным Соединенным провинциям вырос «барьер» – крепость в испанских Нидерландах с голландским гарнизоном и англо-шотландскими гарантиями безопасности. В самой Германии, центре европейской системы, продолжали доминировать австрийские Габсбурги, которые опирались на поддержку крупных княжеств и на ресурсы Священной Римской империи. Георг Людвиг Ганноверский стал курфюрстом в знак признания его действий против французов и турок. Что касалось интересов Англии, Людвиг обещал признать Вильгельма и Марию правителями королевства. За морем Франция по договору получила Санто-Доминго и подтвердила свое владение Новой Францией (Канадой), включая Акадию,²¹² однако в остальном договор почти не затрагивал «внешний мир», что отражало всеобщую озабоченность европейским балансом сил. Рейсвейкский договор фактически узаконил новую геополитическую систему, что сложилась в Европе за последние тридцать лет: угроза Габсбургов практически исчезла, зато на первый план выдвинулись притязания Людовика XIV на универсальную монархию.

На севере и востоке Европы тоже складывался новый порядок. В июне 1696 года скончался Ян Собеский, и в Польше завершился период «возрождения». Многое зависело от выбора преемника Собеского. В том же году царь Петр Первый инкогнито отправился изучать передовые страны Западной Европы, чтобы по возвращении модернизировать Россию. Царская империя только что порвала со своей традиционной самоизоляцией, открыв дипломатические представительства в Австрии, Дании и Нидерландах; вскоре появились посольства в Британии и Пруссии. Через месяц умер шведский король Карл XI, на трон взошел подросток Карл XII. В 1699 году австрийцы триумфально завершили войну с турками подписанием мирного договора в Карловице. Османы вынуждены были уступить Австрии большую часть своих владений в Венгрии, Славонии и Трансильвании и часть Хорватии; Польше достались Подолия, Каменица и часть Украины; русские получили Азов.

Обе системы почти одновременно оказались в глубоком кризисе из-за того, что на заре нового столетия из «карточной колоды» истории были извлечены два джокера. Великие державы гадали, кто сменит на престоле бездетного тугодума, испанского короля Карла II. Представление о том, что ему может наследовать наиболее вероятный претендент – Филипп Анжуйский, внук Людовика XIV, – вызывало в воображении жуткую картину обширного

²¹¹ Quoted in Christian Greiner, 'Das "Schild des Reiches". Markgraf Ludwig Wilhelm von Baden-Baden (1655–1707) und die "Reichsbarriere" am Oberrhein', in Johannes Kunisch (ed.), *Expansion und Gleichgewicht. Studien zur europäischen Mächtepolitik des ancien régime* (Berlin, 1986), pp. 31–68 (quotation p. 47).

²¹² Французская колония в Северной Америке, занимала полуостров Новая Шотландия, территорию современной провинции Нью-Брансуик и ряд островов в океане. *Примеч. ред.*

«конгломерата» Бурбонов, включающего саму Францию, Испанию, Сицилию и Неаполь, испанские заморские владения и, разумеется, испанские Нидерланды. Эта империя казалась страшнее и грознее империи Карла V. Следующим по значимости кандидатом был Карл Австрийский, едва ли менее опасный, поскольку он объединял в себе две главные ветви Габсбургов. Единственным решением виделся раздел, но в 1699–1700 годах по разным причинам все поиски компромисса закончились неудачей. Соглашения так и не достигли, а в ноябре 1700 года Карл II скончался. Из его завещания следовало, что земли испанской короны должны целиком перейти второму сыну дофина, Филиппу Анжуйскому, а в случае его отказа – Карлу Австрийскому.

Это ставило Людовика и австрийских Габсбургов в очень сложное положение, поскольку победитель получал все. В феврале 1701 года Филипп Анжуйский в сопровождении французских войск и советников вошел в Мадрид и завладел короной. Людовик намеренно отказался лишать его наследственных прав на французскую корону. «Нет больше Пиренеев», – одобрительно заметил он. В том же месяце Людовик вторгся в испанские Нидерланды и изгнал голландский гарнизон из крепости-«барьера». Ставкой были не столько испанские колонии или даже сама Испания, сколько жизненно важный стратегический «перекресток» в Нидерландах и Северной Италии. Если его захватит враждебная сила, особенно принц из династии Габсбургов к югу от Пиренеев, Франция вновь окажется в кольце вражеского окружения. Но если эти территории будет контролировать Людовик, ни Англия, ни Голландия, ни австрийские Габсбурги не будут чувствовать себя в безопасности. Когда французские войска утвердились в испанских Нидерландах, ни голландцев, ни англичан больше не требовалось убеждать в том, что Людовику нужно сопротивляться. В начале сентября 1701 года Англия, Соединенные провинции и император заключили новый «Великий альянс» против Людовика. Когда вскоре после этого в изгнании умер Яков II, Людовик признал его сына Якова III королем Англии. В мае 1702 года последовало официальное объявление войны.

Война за испанское наследство, как этот эпохальный конфликт стал известен впоследствии, на самом деле велась за контроль над Нидерландами, Германией и Северной Италией. В Вене «партия войны», во главе со старшим сыном Леопольда Йозефом, выражала желание избавить Священную Римскую империю от французского влияния. Также высказывалось твердое намерение прогнать французов из Милана, который для Леопольда являлся «бесспорной частью» Священной Римской империи и который мог бы послужить Людовику базой для нападения на Австрию. Вдобавок Габсбурги стремились и подкрепить свои права на испанскую корону.²¹³ Война против Людовика на западе, таким образом, стала чем-то вроде патриотического крестового похода германских князей, ведомых австрийцами. В конце 1700-х пруссаки добились от Вены признания курфюрста Фридриха Бранденбургского «королем Пруссии» в обмен на поддержку в борьбе против Франции; через год Фридриха короновали.²¹⁴ В октябре 1702 года империя объявила Франции войну, и значительный воинский контингент поступил под командование прославленного полководца Людвига Вильгельма Баденского. Против Людовика также выступили многие другие германские князья, включая герцога Баденского и курфюрста Ганноверского. Заметными исключениями оказались курфюрсты Иосиф Клеменс Кельнский и его брат Макс Эммануил Баварский.

Главным фронтом этой войны стала Священная Римская империя, по сравнению с которой другие театры военных действий – Италия, Испания и заморские территории – были второстепенными. Корабли Королевского флота нападали на французские конвои, дабы –

²¹³ Linda and Marsha Frey, *A question of empire. Leopold I and the War of Spanish Succession, 1701–1705* (Boulder, 1983), pp. 15–17, 47 (quotation) and passim.

²¹⁴ Peter Baumgart, 'Die preussische Königskrönung von 1701, das Reich und die europäische Politik', in Oswald Hauser (ed.), *Preussen, Europa und das Reich* (Cologne and Vienna, 1987), pp. 65–86, especially pp. 72–4.

как гласила инструкция Адмиралтейства – «лишить их денег и серебра, на коковые они полагаются для ведения войны». В 1703 году нападение на испанскую Гавану оправдали необходимостью «нанести урон семье Бурбонов и отстоять интересы Австрийского дома».²¹⁵ В 1704 году Людовик вознамерился нанести нокаутирующий удар в Германии, отправив туда свои основные части и большой баварский контингент для нападения на Вену. «Бедная империя, – писал английский посол в Берлине, – она выглядит готовой к гибели».²¹⁶ Однако в августе того же года франко-баварская армия была разгромлена при Бленхейме объединенной англо-голландско-имперской армией под командованием герцога Мальборо.²¹⁷ В том же году английский флот захватил Гибралтар, тем самым «запечатав» Средиземноморье. После кончины императора Леопольда в 1705 году ему наследовал Йозеф, страстный сторонник «Германии к северу и югу от Альп». В 1706 году объединенные силы Австрии и Савойи изгнали французов из Северной Италии. Карл продолжал удерживать свои владения в Испании, ему помогали восстания против Филиппа – в Каталонии и в других регионах. Важнее всего было то, что англо-голландско-имперская армия наступала в Германии и Фландрии. В 1706 году французский король потерпел решающее поражение в битве при Рамильи, а два его главных германских союзника, курфюрсты Баварии и Кельна, были подвергнуты примерному наказанию.²¹⁸ Надежды Людовика на главенствующую роль в Священной Римской империи никогда прежде не казались столь призрачными.

Пока в Центральной, Западной и Южной Европе шла битва за испанское наследство, на севере и востоке Европы – в Швеции и Польше – тоже сменились правители. Соседние государства опасались их потенциальной силы не меньше, чем нынешней слабости. Внутренние раздоры в Польше буквально приглашали в страну интервентов и захватчиков, однако, как показало правление Яна Собеского, потенциал Польши был велик: к концу семнадцатого столетия ее территория существенно выросла за счет Османской империи. Если бы Речи Посполитой удалось провести реформы, Пруссия и Россия получили бы куда менее сговорчивого соседа; даже в нынешнем хаотическом состоянии нельзя было допустить, чтобы Польша попала во враждебные руки. По этой причине в 1697 году Петр Первый пригрозил польским дворянам войной, если они проголосуют за принца Конти, французского претендента на трон. В конце концов королем избрали Августа, курфюрста Саксонии, частично потому, что он раздавал щедрые взятки, но также потому, что его считали наиболее способным отвоевать у османов стратегически важную Каменец-Подольскую крепость, что и случилось впоследствии. Целью совместной русско-прусской стратегии, как сказал прусский король Фридрих I, было помешать саксонцам «установить произвол в республике». Для Берлина в особенности союз Польши и Саксонии выглядел таким призраком окружения, поскольку Пруссия находилась в «клине» между двумя этими странами. Другими словами, польские «свободы» воспринимались как важнейшие условия российской и прусской безопасности.²¹⁹

Катаклизмы в этом регионе спровоцировал, тем не менее, шведский джокер. Соседи считали молодого и неопытного Карла XII легкой добычей. Датчане намеревались восстановить за его счет свою западнобалтийскую империю, русские стремились вернуть Новгород, а недавно коронованный правитель Польши намеревался присоединить Ливонию. В сентябре 1699 года датчане и поляки заключили против шведов союз, к которому через два

²¹⁵ The Admiralty instructions are quoted in Simms, *Three victories*, p. 50.

²¹⁶ Quoted in Frey and Frey, *Question of empire*, p. 77.

²¹⁷ Charles Spencer, *Blenheim. Battle for Europe. How two men stopped the conquest of Europe* (London, 2004).

²¹⁸ Австрия установила в обоих княжествах суровые оккупационные порядки. *Примеч. ред.*

²¹⁹ Martin Schulze-Wessel, *Russlands Blick auf Preussen. Die polnische Frage in der Diplomatie und der politischen Öffentlichkeit des Zarenreiches und des Sowjetstaates, 1697–1947* (Stuttgart, 1995), pp. 35 and 37.

месяца присоединилась и Россия. «Архитектором» этого альянса был ренегат, ливонский дворянин граф Йохан фон Паткуль, желавший избавить себя и своих соотечественников от владычества шведской короны. В августе следующего года три страны напали на Карла. К своему удивлению, они выяснили, что молодой шведский король – военный гений. В ноябре 1700 года он лично возглавил армию, которая одержала победу над русскими при Нарве. Это был сильный удар по амбициям Петра. Спустя год посол России в Вене все еще переживал понесенное унижение; он докладывал, что австрийцы «смеются над нами. Непременно нужна нашему государю хотя бы малая виктория, каковая прославит его имя по всей Европе». В следующие четыре года Карл уверенно вел кампанию в Польше и Балтике, одержав ряд громких побед над своими врагами.²²⁰

Поначалу война за испанское наследство и Северная война, как ее стали называть, шли по отдельности. К 1706 году, однако, положение стало меняться. Первые победы Карла вызвали оживленные стратегические дебаты в Швеции. Некоторые, например, королевский советник Нильс Лиллиерот, утверждали, что главным врагом страны является Россия, а потому первоочередная задача монархии – укрепить линию обороны в балтийских провинциях. Если этого не сделать, Петр получит возможность угрожать шведской провинции Финляндия, островам и в итоге самой Швеции. Поэтому необходимы превентивные меры, вплоть до захвата русских земель вокруг Пскова и создания там буферной зоны. В отличие от советника, Карл своими главными врагами видел Польшу и Саксонию. Он хотел возвести на трон Речи Посполитой своего ставленника Станислава Лещинского. Но прежде требовалось нанести решающий удар по Августу. Альтернативы прямому нападению на саксонского курфюрста не было, и в сентябре 1706 года Карл взялся за дело; чтобы провести армию по имперской территории, он воспользовался в качестве предлога вестфальским правом Швеции на вмешательство от имени силезских протестантов. Приоритет Германии, характерный для политики Швеции времен Густава Адольфа, подтвердился вновь.

Когда осенью 1706 года Карл очутился в поле зрения Центральной Европы, его появление вызвало озабоченность «Великого альянса». Герцог Мальборо писал голландскому министру в августе 1706 года: «Надеюсь, что новости о наступлении шведского короля в направлении Венгрии не соответствуют истине. Иначе это весьма досадно». Все опасались, что Карл дестабилизирует Священную Римскую империю и тем самым подорвет ее способность продолжать войну с Францией. Северогерманские князья, чьи войска сражались на западе, например, правители Пруссии и Ганновера, начали настороженно оглядываться. Карл быстро заставил Саксонию подписать Альтранштедтский договор в октябре 1706 года и полностью капитулировать: Август отказался от польской короны. Мальборо предупредил, что шведский король теперь может «найти повод двинуться глубже в Германию», что «заведет его далее в империю, а этого мы никак не должны допустить». Поэтому в 1707 году Мальборо встретился с Карлом в Альтранштедте и убедил шведского короля повернуть на восток, против русских. Император взамен согласился пойти на уступки силезским протестантам. Коллективный вздох облегчения пронесся по Германии и столицам стран коалиции.²²¹

Северная война и война за испанское наследство были не просто таким военно-дипломатическим менюэтом; нет, это было отчаянное противоборство, исход которого виделся вопросом жизни и смерти не только для солдат, сражавшихся на поле боя, и для мирных жителей, оказавшихся под перекрестным огнем. По всей Европе правительства, мятежники и население вели борьбу за выживание. Франция боялась оказаться в возродившихся габсбургских «клещах» на севере, юге, востоке и юго-востоке. Людовик, хорошо помнивший

²²⁰ Andrew Rothstein, *Peter the Great and Marlborough. Politics and diplomacy in converging wars* (Basingstoke, 1986), p. 37.

²²¹ Rothstein, *Peter the Great and Marlborough*, pp. 63 and 65–6.

1650-е годы, не хотел, чтобы его королевство вернулось во времена фронды или – хуже того – в хаос религиозных войн конца шестнадцатого века. Немецкие патриоты бились за возвращение Эльзаса – или, по крайней мере, за предотвращение дальнейшего «отчуждения» имперских территорий на западе. Мелкие страны наподобие Савойи воевали отчасти за право встать в один ряд с великими державами, а также за то, чтобы избежать полного поглощения другими. Для голландцев и англичан вопрос испанского наследства был центральным звеном европейского равновесия, от которого зависели их свободы, достояние и жизнь. Захват испанского наследства делал Людовика непререкаемым властителем Европы, и само его присутствие в испанских Нидерландах представляло прямую угрозу Англии и Голландской республике. В июне 1701 года английский политический философ Джон Локк подвел итог сложившейся геополитической и идеологической обстановке: «Каким бы ни был я приверженцем мира, думаю, что истина (под этим он имел в виду протестантизм и парламентское правительство) непременно должна сопровождать мир, а этого невозможно добиться без свободы, как нельзя и сохранить баланс сил в Европе».²²²

Для того чтобы оставаться конкурентоспособными в этой опасной обстановке, европейские страны старались добиться большей внутренней сплоченности за счет административных, военных и даже конституционных реформ. Габсбурги, к примеру, хотели упростить традиционную систему раздельного управления австрийскими, богемскими и венгерскими землями. Император Йозеф временно заменил свой склеротический «тайный совет» рядом государственных органов, большинство которых действовало в конкретных географических областях. Он также сильно сократил количество тайных советников, чтобы избавиться от разногласий при принятии решений, и навел порядок в финансовой сфере. Без этих перемен не случилось бы столь успешных, беспрецедентных, по сути, действий австрийцев, отправлявших многочисленные контингенты сразу на несколько фронтов. Людовик, в свою очередь, старался выжать максимум из своей и без того обремененной налогами монархии, чтобы достойно ответить на вызов «Великого альянса». В ходе Девятилетней войны, а потом снова в 1701 году, когда боевые действия возобновились, он ввел капитацию – подушный налог, который, в отличие от традиционной *тали*, распространялся на всех подданных, независимо от сословной принадлежности. Спустя несколько лет был введен еще один всеобщий прямой налог – десятина (*diexieme*). Вместе эти нововведения обеспечили около четверти налогового дохода. Вопреки мифу, французские дворяне платили налоги. Проблема заключалась в том, что они платили далеко не те суммы, какие были обязаны вносить, иначе Франция сформировала бы куда более могучую армию и создала бы более дееспособный дипломатический корпус. Тем не менее Людовик, как и Габсбурги, вынужден был действовать осторожно, чтобы не оттолкнуть от себя налоговых откупщиков, держателей должностей, освобожденных от налога дворян и другие социальные группы, от которых зависела монархия. Власть короля на самом деле была далеко не абсолютной и отражала компромисс между короной и дворянством относительно распределения ресурсов во имя внутренней стабильности и славы королевства за рубежом.²²³ В Центральной и Северной Европе Северная война также оказала сильное влияние на внутреннюю политику. В России Петр Первый в 1699 году расформировал стрелецкое войско, чрезмерно требовательное, устаревшее по вооружению и «преторианское» по сути ополчение, и создал регулярную постоянную армию. Появилось централизованное командование, а в 1718 году²²⁴ была учреждена Военная коллегия.²²⁵

²²² Quoted in J. M. Dunn, “‘Bright enough for all our purposes’. John Locke’s conception of a civilized society”, *Notes and Records of the Royal Society London*, 43 (1989), p. 134.

²²³ Michael Kwass, ‘A kingdom of taxpayers: state formation, privilege and political culture in eighteenth-century France’, *Journal of Modern History*, 70, 2 (1998), pp. 295–339, especially pp. 301 and 303.

²²⁴ Согласно документам, Военная коллегия основана в 1719 г. *Примеч. ред.*

В некоторых европейских странах стратегические факторы привели к существенным конституционным изменениям. В 1701 году английский парламент принял «Билль о престолонаследии», согласно которому наследовать королеве Анне должна была внучка Якова I София Ганноверская и ее наследники при условии, что они будут протестантами. Этот закон лишил власти Стюартов – равно католиков или протестантов, – и его целью было защитить от «якобитов» и от их французских сторонников завоеваний 1688 года. С другой стороны, парламент Эдинбурга, возмущенный тем, что с ним не посоветовались, вскоре принял собственный аналогичный закон, в котором оговаривалось только протестантское вероисповедание правителя. Отсюда следовало, что Стюарты могут вернуться, если отринут католичество; возник призрак «разделения корон» и нового окружения Англии. В целом же война против Франции требовала дальнейшего укрепления взаимодействия севера и юга. К примеру, не было ни малейшего смысла проводить независимую торговую или колониальную политику. Элита вигов по обе стороны границы соглашалась с тем, что, несмотря на взаимные противоречия, первоочередной задачей является проблема с Людовиком XIV. Поэтому в 1707 году Англия и Шотландия приняли Закон об унии, согласно которому Шотландия получала достойное представительство в Вестминстере, сохраняла свою юридическую и образовательную систему, однако отказывалась от самостоятельной внешней политики и политики в сфере безопасности. Уния принималась с целью доведения войны до победного конца, так что можно сказать, что именно война породила унию. Общая цель – борьба против папства и универсальной монархии – объединила две половины острова крепче, чем подкуп, запугивание или коммерческая выгода.²²⁶

В Испании тяготы войны также привели к серьезным конституционным изменениям. Поначалу казалось, что конфликт усилит политическое участие масс. Когда в октябре 1705 года союзники захватили Барселону, высшее дворянство в Королевском совете фактически восстало. В ноябре того же года знать потребовала, чтобы с дворянами советовались в вопросах ведения войны. Филипп возразил, что, по его мнению, дело было не в отсутствии консультаций, а в продолжавшихся региональных междоусобицах. В 1707 году он добился династического союза корон Кастилии и Арагона, куда вошли сам Арагон, Валенсия и Каталония. Автономию сохранили только Наварра и провинция басков. Остальная Испания превратилась в унитарное государство. Филипп достиг того, в чем не преуспели ни Карл V, ни Филипп II, ни граф Оливарес. Современную Испанию породила война за испанское наследство. Но если в Британском Содружестве это было реализовано благодаря парламенту, то в Испании ради единства пожертвовали представительными собраниями.²²⁷ Во Франции тяготы войны не позволили уничтожить давние препятствия, мешавшие осуществлению конституционной реформы. Потрясенный победами союзников в предыдущие два года, французский маршал Вандом предложил Людовику в 1706-м созвать первые с 1614 года Генеральные штаты и обрести тем самым народную поддержку. Король отказался, возможно, из страха, что тем самым откроет ящик Пандоры. На тот момент политическое участие по-прежнему ограничивалось законодательскими функциями парламента, который обладал правом вводить или отвергать новые налоги.²²⁸

Последствия стратегической катастрофы 1680-х годов для Османской империи были воистину драматическими. Когда в 1686 году Буда сдалась имперцам, «ударная волна», вызванная этим событием, вскоре докатилась до Константинополя. В результате бунта яны-

²²⁵ Simon M. Dixon, *The modernisation of Russia, 1676–1825* (Cambridge, 1999), pp. 42–9 and 61–7.

²²⁶ Christopher Storrs, 'The Union of 1707 and the War of the Spanish Succession', in Stewart J. Brown and Christopher A. Whatley (eds.), *The Union of 1707. New dimensions* (Edinburgh, 2008), pp. 31–44, and Allan I. Macinnes, *Union and empire. The making of the United Kingdom in 1707* (Cambridge, 2007), pp. 243–76.

²²⁷ The Council of State's protest to Philip is in Henry Kamen, *The war of succession in Spain, 1700–1715* (London, 1969), p. 91.

²²⁸ Albert N. Hamscher, *The Parlement of Paris after the Fronde, 1653–1673* (Pittsburgh, 1976), pp. 89–90, 122–3 and 198.

чар был низложен Мехмед IV, и на трон взошел его брат Сулейман II. Великого визиря казнили. В этом отношении у Мехмеда и Якова II была одинаковая судьба: оба они пострадали из-за ошибок во внешней политике. В ходе войны за испанское наследство Османская империя придерживалась нейтралитета. Воспоминания о поражениях при Вене и Зенте были еще слишком свежими. При этом турки восприняли договор в Карловице не как залог мирного сосуществования с христианской Европой, а как перемирие, во время которого Османская империя получила возможность перевести дух и подготовиться к новому наступлению. Теологическое обоснование они нашли в худаيبии, договоре, который пророк Мухаммед некогда заключил с мекканцами.²²⁹ Это была чрезвычайно рискованная внутренняя политика, и не удивительно, что султан Мустафа II, который вскоре наследовал Сулейману II, перенес столицу в Эдирне, чтобы скрыть от населения условия Карловицкого договора. В 1703 году янычары подняли новое восстание в Константинополе, частично из-за местных злоупотреблений, наподобие задержек жалования, но в основном из-за недовольства «пораженческой» внешней политикой. Султана Мустафу обвиняли не только в праздности и коррупции (эти явления были «исконно» присущи двору султана), но и в том, что он отдал врагам земли, принадлежавшие «дому ислама». Султана в итоге свергли, и его сменил на троне Ахмед III.

В 1707 году Карл XII наконец ушел из Саксонии, и две войны, казалось, готовые «слиться» в общеевропейскую, снова пошли каждой своим курсом. «Великий альянс» старался продлить долгую череду побед, которыми он наслаждался с 1704 года, и наконец покончить с французами. Победы над Людовиком в Германии, Фландрии и на Паданской равнине, впрочем, вовсе не гарантировали, что противник не окажет упорного сопротивления у себя дома. Император не смог уговорить большинство германских князей продолжить войну и вернуть в империю Эльзас и Лотарингию, чтобы создать «имперский барьер» для сдерживания экспансионистских амбиций Франции. Князья не верили заверениям Йозефа, что в Италии он ведет имперскую, а не собственную войну; повторялась ситуация с Максимилианом в 1500-х годах и с его преемниками. Не удалось даже достичь согласия с воинственными британцами и голландцами, среди которых звучали голоса, призывавшие заключить компромиссный мир с Людовиком. Война как бы застыла. В 1707 году войско эрцгерцога Карла в Испании потерпело сокрушительное поражение при Альмансе, что спровоцировало жаркие споры в британском парламенте. Через год союзники одержали победу при Ауденарде во Фландрии, но она обошлась дорогой ценой, и обе стороны всерьез задумались о компромиссном мире.

Габсбургов беспокоила и новая угроза, «созревавшая» в Германии. Чтобы сдержать Францию, Габсбурги возвысили Пруссию до статуса королевства, однако через несколько лет у Вены возникли сомнения в правильности этого шага. Амбиции нового короля вскоре стали очевидными: в 1702 году Фридрих I предпринял попытку (неудачную) сменить Вильгельма на посту губернатора Соединенных провинций. Год спустя Пруссия захотела присоединить соседние южные территории Германии – Ансбах и Байройт, однако им воспрепятствовал гофгерихт²³⁰ – суд, которым заправляли австрийцы. Пруссия пока еще действовала осторожно: в своем первом политическом завещании от мая 1705 года король заклинал преемников соблюдать крайнюю осмотрительность в развязывании войн, поскольку новое королевство окружено «гораздо более сильными и враждебными государствами, завидующими нашим успехам».²³¹ Вену, однако, было не обмануть. В 1706 году министр Австрий-

²²⁹ Имеется в виду Худаيبийский мирный договор (март 628 г.), по которому сторонники Мухаммеда заключили мир с курайшитами, владевшими Меккой, и получили возможность совершать священное паломничество (хадж). *Примеч. ред.*

²³⁰ Высший надворный суд с функциями апелляционного суда. *Примеч. ред.*

²³¹ 'Erste Ermahnung Kurfürst Friedrichs III an seinen Nachfolger', in Richard Dietrich (ed.), *Die politischen Testamente der Hohenzollern* (Cologne and Vienna, 1986), p. 218.

ского дома князь Зальм заметил, что «опасается короля Пруссии больше, чем французского короля... Король Франции обгрызает приграничные страны с боков, а... прусский король движется прямо к сердцу».²³² Поэтому имело смысл договориться с Людовиком.

Переговоры начались в мае 1709 года и продолжились зимой 1710-го в голландских городах Гертруйденберг и Гаага. Камнем преткновения оказалась не Испания, а Германия. Чтобы продемонстрировать свою податливость, Людовик вывел основную часть французской армии с Иберийского полуострова; хотя он, конечно, не мог пойти навстречу требованиям и «бросить» Филиппа, но сумел убедить своего внука отказаться от испанского трона в пользу эрцгерцога Карла. Тем не менее Людовик не уступил требованиям коалиции, которая в доказательство «примерного поведения» французов настаивала на снятии блокады с Монса и Намюра, а также уничтожения всех французских фортов на западном берегу Рейна, возвращения империи Брейзаха и изгнания ближайших германских союзников Людовика – курфюрстов Кельна и Баварии. В целом исполнение всех условий означало фактически полное уничтожение французского международного статуса, столь тщательно выстраивавшегося Людовиком и его предшественниками. Вдобавок монархия становилась бы уязвимой для нападений с севера и востока, и у Франции не оставалось бы «порталов», через которые она могла оказывать влияние за пределами своих границ, чего Людовик не мог допустить. Поэтому война продолжилась – с большими потерями.

Территориальные требования и строительство фортификаций были одним способом воздействия на Людовика, а другой способ предполагал изменение природы французского правящего режима. Некоторые союзники начали задумываться: возможно, британские и голландские ценности будут лучше защищены, если дать Европе больше свобод, особенно Франции. Так, стараясь переманить на свою сторону население Брабанта, герцог Мальборо в 1706 году заявил, что Вена будет уважать традиционные конституционные права. В том же году накануне запланированного британского похода на Гиень союзники объявили себя поборниками французских свобод, пообещали восстановить Нантский эдикт и «полноценные» Генеральные штаты. В июне 1709 года Мальборо сообщил: страны «Великого альянса» требуют, чтобы Франция снова «управлялась тремя сословиями, и тогда христианский мир успокоится и не придется отбирать провинцию за провинцией». На деле союзники рассчитывали не навязать Франции парламент британского образца, а восстановить традиционные корпоративные свободы, которые притесняла французская монархия. Они ожидали, что тем самым обуздают экспансионизм Бурбонов путем конституционных и фискальных ограничений.²³³

Мальборо точно указал на один из величайших парадоксов европейской истории. Он, как и многие другие, верил, что конституционные свободы являются «фундаментом» британского национального величия, а потому содействие установлению подобных (пусть не аналогичных) свобод за рубежом одарит Британию союзниками, а не просто более успешными конкурентами. На практике предположение, что активное политическое участие будет способствовать умиротворению Франции, оказалось, мягко говоря, сомнительным. В июне 1709 года, возмущившись жесткими требованиями «Великого альянса», Людовик напрямую обратился к народу через своих интендантов²³⁴ и епископов, разъяснил, зачем продолжает

²³² Quoted in Charles Ingrao, *In quest and crisis. Emperor Joseph I and the Habsburg monarchy* (West Lafayette, 1979), p. 58. On the increasing divisions between Habsburg and Hohenzollern see Christiane Kauer, *Brandenburg-Preussen und Österreich, 1705–1711* (Bonn, 1999), pp. 85–6, 159 and *passim*.

²³³ Rothstein, *Peter the Great and Marlborough*, p. 112.

²³⁴ Во Франции должностное лицо, которое ведало какой-либо отраслью государственного управления (финансы, торговля и т. д.). Помимо придворных интендантов существовали также должности интендантов провинций; «провинциальные» интенданты являлись фактически наместниками короны (при этом военная власть оставалась за губернаторами, но вскоре за последними оставили лишь представительские функции). *Примеч. ред.*

войну: «Хотя я разделяю горе, какое война причинила моим подданным, проявившим истинную верность, и хотя я показал всей Европе, что искренне желал бы принести мир моим подданным, я убежден, что они сами воспротивились бы этому миру на тех условиях, каковые в равной мере противоречат справедливости и чести французского народа». Текст этого обращения читали священнослужители во время служб по всей монархии. Оно вызвало волну народной симпатии к Людовику и вдохнуло во французов желание воевать.²³⁵

Мирные переговоры затянулись, война продолжилась. В августе 1709 года французы отразили нападение имперцев на Базель. Спустя месяц обе стороны сошлись в битве при Мальплаке. Ввиду больших расходов и нескончаемого кровопролития британская общественность начала выражать сомнения в целесообразности войны, а заседания парламента становились все более жаркими. В ноябре 1709 года консерватор Генри Сэчеверел произнес в соборе Святого Павла страстную проповедь, в которой обрушился на правительство. Его мишенью стало терпимое отношение к «диссидентам», но действительно воодушевила толпу, которая затем отправилась крушить город, внешняя политика. «Сэчеверел и мир!» – кричали погромщики, нападая на Банк Англии и на дома, где собирались «диссиденты». С фронта затем стали поступать печальные вести. В 1710 году британские силы в Испании потерпели поражение в битве при Бриуэге, а другие части, которых поддерживали австрийцы, – при Вильявиосе. Через год французские войска продвинулись далеко в глубь полуострова. Вигская политика континентальной вовлеченности была дискредитирована. Королева Анна распустила кабинет и заменила вигов администрацией тори во главе с Робертом Хэнли и Генри Сент-Джоном, позднее лордом Болингброком; это правительство придерживалось традиционной политики «флота и колоний». Вскоре виги потерпели также поражение на выборах, главным образом потому, что публика разуверилась в их большой стратегии.

В середине апреля 1711 года неожиданно скончался император Йозеф. Поскольку он не оставил сына, через полгода ему наследовал младший брат Карл, кандидат «Великого альянса» на испанский трон. Карл поспешно покинул полуостров, желая закрепить за собой новый титул и территории. Перед европейцами вновь замаячил призрак империи Карла V. Как заметил Сент-Джон, «если империя и испанские доминионы объединятся под властью этого князя [Карла], ход войны сильно изменится». Виги до тех пор утверждали: сила французов настолько велика, что справиться с ней может только объединенный блок Габсбургов. Впрочем, к этим словам не прислушивались. Сухопутная война в Европе стремительно утрачивала популярность. Палата лордов открыто контролировала британских полководцев. В декабре 1711 года в казнокрадстве обвинили самого герцога Мальборо. Фландрия отчаянно нуждалась в солдатах и деньгах, а ресурсы направлялись за рубеж, на плачевно закончившуюся экспедицию 1711 года против Квебека. К началу 1712 года британские войска в Европе фактически завершили кампанию; другие воюющие стороны тоже перестали сражаться, поскольку тоже были истощены.²³⁶ Голландцы полагали, что Францию удалось сдерживать, насколько это вообще возможно. Воевать хотелось лишь Карлу, поскольку испанское наследство еще не присвоено. Мирные переговоры поэтому прерывались столкновениями, но в апреле 1713 года британцы и голландцы в Утрехте пришли к соглашению с французами, а в марте следующего года император заключил Раштаттский мир с Францией.

Целью Утрехтского мира было сдерживание Франции. Империя вернула себе крепость Кель, отрезав французам доступ в эту часть Рейнской области. Критически важные испанские Нидерланды отошли к Австрии, благодаря чему последнюю удалось полнее вовлечь в

²³⁵ Louis's appeal is quoted in James B. Collins, *The state in Early Modern France* (Cambridge, 1995), p. 162.

²³⁶ St John is quoted in Simms, *Three victories*, p. 65.

сдерживание Франции. Британия и Голландия обязались «ревностно блюсти» пограничные крепости. Немало помогло то обстоятельство, что новый английский король Георг Людвиг Ганноверский, в 1714 году сменивший королеву Анну как Георг I, был яростным франкофобом и выказывал стойкое стремление выполнять союзнические обязательства.²³⁷ Его собственное, несколько неустойчивое положение на троне, в свою очередь, гарантировалось голландцами. Благодаря приходу к власти Ганноверов, Британия не на словах, а на деле сделалась континентальной державой, заботам которой поручили безопасность Северной Германии. Британские конституционные свободы тем самым увязали с поддержанием баланса сил в Европе. В Италии Людовик уступил Габсбургам Ломбардию. Ее в качестве буфера прикрывала Савойя, которая прежде питала собственные надежды на Ломбардию; в «утешение» Савойе отдали Сицилию (позднее заменили Сардинией). Положение французов в Западном Средиземноморье серьезно ухудшилось после того, как Британия захватила Гибралтар и стала контролировать вход и выход из Средиземного моря. Захваченная Менорка была даже важнее, поскольку оттуда британцы могли отслеживать французский флот в Тулоне. Филиппа признали королем Испании («Великий альянс» отрекся от его каталонских союзников), но взамен ему пришлось отказаться от притязаний на французский престол.

Коммерческие и колониальные аспекты мира имели немалое значение, причем скорее по стратегическим, нежели сугубо экономическим причинам. Британия аннексировала целиком Ньюфаундленд, Новую Шотландию и весь рыбный промысел, что было важно для подготовки своих рыбаков. Также она приобрела желанное *асиенто* – монопольное право на торговлю с Южной Америкой, особенно на работорговлю. Это право досталось Британской компании Южных морей, основанной консерваторами в 1711 году в качестве противовеса учрежденным вигами банку Англии и Ост-Индской компании. Компания Южных морей собиралась не только извлекать выгоду для акционеров, но и использовать правительственные займы для проведения активной внешней политики. Между работорговлей и равновесием сил в Европе установилась прямая связь. Голландцев вознаградили особыми торговыми привилегиями за счет бывших испанских Нидерландов и их новых хозяев в Вене. Ради сохранения выгодного положения Амстердама река Шельда осталась закрытой для судоходства. Голландский экономический успех опирался помимо конкуренции и на дипломатию принуждения. Экономическая выгода была призвана помочь голландцам разместить гарнизоны в «барьерных» крепостях. Болингброк также стремился заключить торговый договор с Францией – не ради денежного дохода или «вовлечения» Бурбонов, но потому, что верил, что Британия способна выиграть в открытом экономическом соперничестве. В этом отношении для голландцев и британцев европейские коммерческие и стратегические балансы были тесно взаимосвязаны.

Надежды, которые Людовик XIV питал в 1700–1701 годах, обернулись горьким поражением. Он сохранил Квебек, однако оказался исключен из прибыльной испанской колониальной торговли. Людовику пришлось попросить британского Претендента²³⁸ покинуть дворец Сен-Жермен в пригороде Парижа и перебраться в Лотарингию, а затем еще дальше. Фортификации Дюнкерка, откуда французские приватиры устраивали рейды на английские и голландские торговые пути и которые служили базой для предполагавшегося вторжения в Англию, были снесены. Людовик полагал, что курфюрсту Баварскому позволят обменять свою вотчину на более богатые испанские Нидерланды, но и этого не произошло. Правда, французский король сумел наконец избавить Францию от двухсотлетнего ощущения того, что страна находится во вражеском окружении. Впредь – так считал Людовик – по другую

²³⁷ Ragnhild Hatton, George I. Elector and king (London, 1978).

²³⁸ Имеется в виду так называемый Старый (или Старший) претендент на английский трон Джеймс Ф. Стюарт, сын Якова II и непризнанный Яков III. Его сына Чарльза Эдуарда Стюарта (он же – Красавчик принц Чарли) называли Молодым претендентом. *Примеч. ред.*

сторону Пиренеев будет находиться дружественная французам монархия. Так или иначе, теперь, когда Нидерланды отошли австрийцам, на северных и южных границах Франции уже не было одного и того же потенциального врага. Германия, кроме того, осталась разделенной, и вакуум власти на восточной границе Франции по-прежнему существовал. Карл тоже был сильно разочарован. Он стремился обменять отдаленные испанские Нидерланды на соседнюю Баварию и возмущался экономическими ограничениями, которыми морские державы обложили его новые приобретения. К тому же он все еще считал себя подлинным королем Испании. С другой стороны, империя Габсбургов стала велика как никогда, ибо завладела львиной долей испанских владений в Европе – не только Нидерландами, но также Неаполем, Сицилией и многими северными итальянскими землями.

Вскоре стало ясно, что Утрехтское соглашение регулировало вызовы прошлого, а никак не будущего. Главная цель этого документа – сдерживание Франции – изжила себя после кончины Людовика XIV в сентябре 1715 года. После нескольких слабохарактерных регентов престол занял повзрослевший правнук покойного – Людовик XV. В следующие двадцать лет Франция проводила преимущественно мирную политику и в основном реагировала на события в Европе, а не пыталась навязать свою повестку. Молодого претендента отправили в Авиньон, а потом за Альпы, в Рим. Реальную динамику европейской системы обеспечивали другие страны: продолжалась Северная война, решалось будущее Балтики, Восточной Европы и Северной Германии. В 1709 году Петр Великий одержал неожиданную, но убедительную победу над Карлом XII в Полтавской битве, ознаменовав тем самым возвышение новой восточной державы, которой предстояло оказать фундаментальное влияние на равновесие сил на континенте. В том же году немецкий философ Лейбниц писал: «Отныне царь заслуживает внимания Европы и будет играть важнейшую роль в делах континента. Говорят, что царь опасен для всей Европы, что его уподобляют северному турку».²³⁹

Главной целью русского царя являлось вытеснение шведов из Северной Германии, дабы укрепиться там самому и получить голос в рейхстаге.²⁴⁰ Это был бы последний гвоздь в «шведский гроб», полная ликвидация наследия Густава Адольфа. В 1711 году Петр осадил в померанском порту Штральзунд шведский гарнизон и женил своего сына на дочери герцога Брауншвейг-Вольфенбюттеля. Год спустя конфликт распространился на побережье Северной Германии, когда шведы вторглись в Мекленбург и вызвали тем самым ответный удар русских. Северная война угрожала полностью изменить европейский баланс сил. В мае 1715 года в Вене состоялось тайное совещание, на котором было сказано, что «вскоре запыхает вся германская империя».²⁴¹

В апреле 1716 года Петр заключил союз с Карлом-Леопольдом Мекленбургским и выдал за него свою племянницу. Русские династические связи опоясали Балтику. Год спустя Петр согласовал с китайцами границу в Сибири, обезопасив свой восточный фланг. Крупные российские силы встали лагерем возле Копенгагена, готовясь к наступлению на шведов; другие части разместились в Померании и Мекленбурге. Если ничего не предпринять, «русский прилив» грозил затопить Балтику, достичь Швеции и нарушить германское равновесие, на котором держался европейский баланс сил. Эта ситуация сильно беспокоила Францию, традиционного шведского «спонсора», а также голландцев, что доминировали в торговле на Балтике, и британцев, которые спешно выводили свои морские склады; не будем забывать и об императоре, и о множестве германских князей, включая курфюрста Ганноверского, ставшего с 1714 года королем Англии.

²³⁹ Leibniz is quoted in Rothstein, *Peter the Great and Marlborough*, p. 124.

²⁴⁰ David Kirby, 'Peter the Great and the Baltic', in Lindsey Hughes (ed.), *Peter the Great and the West. New perspectives* (Basingstoke, 2001), pp. 177–88.

²⁴¹ Quoted in Karl A. Roider, *Austria's Eastern Question, 1700–1790* (Princeton, 1982), p. 40.

Русские амбиции угрожали не только безопасности многих германских княжеств, но и их «свободам». Герцог Карл-Леопольд обратился к царю за помощью в суровой кампании против привилегий мекленбургской знати, которая возмущалась его «тиранией». В 1719 году имперский сейм одобрил интервенцию против Карла-Леопольда под началом Ганновера (Reichsexekution). В указе императора говорилось о попытках герцога лишить германские княжества их «вековых привилегий, свобод и прав и силой заставить их подчиниться». Войско Карла-Леопольда и его русских союзников быстро потерпело поражение в битве при Вальдмюлене. Девять лет спустя имперская машина вновь пришла в действие. Карла-Леопольда обвинили в препятствовании деятельности местных судов и установлении «кровавых податей». Далее императорский указ перечислял длинный список физических оскорблений, нанесенных подданным герцога, в том числе красочное описание пытки непокорного мирового судьи. Снова прозвучало обвинение в произволе. Немцы опасались того, что агрессивное поведение герцога вызовет беспорядки в империи. Императорский указ предостерегал, что все вышеизложенное «может довести Римскую империю как таковую и в отдельных ее частях до опасных волнений». В частности, этот конфликт позволял русскому царю, что называется, ловить рыбку в мутной воде. Идеологическая мотивация здесь не только прикрывала глубинные стратегические цели, но и была от нее неотделима. Геополитика сочеталась с достойным правлением. Хорошими соседями могут быть только страны, которыми правильно управляют.²⁴²

Столкнувшись с объединенным фронтом многих европейских стран, Петр отступил в северную Германию и попросил мира. Тем не менее Ништадтский договор 1721 года, завершивший Северную войну, стал катастрофой для Швеции. Она утратила восточную оборонительную линию на Балтике – в Лифляндии, Эстландии и финской провинции Ингерманландия, а также значительную часть владений в Германии (передала Бремен и Верден Ганноверу), но сохранила за собой западную Померанию. Стокгольм, другими словами, остался относительно надежно укрепленным против атаки с юга и теоретически все еще мог оказывать влияние на положение дел в Германии. Но на практике Швеция во всех отношениях перестала быть сверхдержавой и утратила большую часть своего влияния в империи.

В то время это было не так очевидно, но Северная война фатальным образом подорвала положение Польши. Польское дворянство – шляхта – сочетало воинствующий католицизм и приверженность республиканским ценностям с желанием едва ли не любой ценой избегать войн с другими странами. В отличие от британского и шведского парламентов, польский сейм не был форумом для озвучивания жизненно важных национальных интересов. Тем не менее там ограничивались амбиции саксонских королей и отвергались всякие попытки провести милитаристскую мобилизацию.²⁴³ С учетом того, что сейм отказывался всерьез рассматривать вопросы национальной безопасности, лучшая надежда Польши на сохранение независимости заключалась в планах Августа об установлении наследственного права династии Веттинов на корону. Такое решение одновременно принижало роль дворянства, традиционно избиравшего короля, и роль других государств, использовавших польскую конституцию для вмешательства в избирательный процесс. По этой причине Россия и Пруссия намеревались не допустить подобного исхода. В феврале 1720 года Петр заключил союз с Пруссией, по которому обе стороны обязались блюсти польскую конституцию

²⁴² Эти два абзаца тесно связаны с моей статьей: "A false principle in the law of nations". Burke, state sovereignty, [German] liberty, and intervention in the age of Westphalia, in Brendan Simms and D. J. B. Trim (eds.), *Humanitarian intervention. A history* (Cambridge, 2011), pp. 89–110 (quotations p. 95), а также с неопубликованной работой Патрика Милтона об интервенциях в Центральной Европе начала восемнадцатого столетия.

²⁴³ Benedict Wagner-Rundell, 'Holy war and republican pacifism in the early-eighteenth-century Commonwealth of Poland—Lithuania', in David Onnekink and Gijs Rommelse (eds.), *Ideology and foreign policy in Early Modern Europe (1650–1750)* (Farnham, 2011), pp. 163–80, especially pp. 172–3.

и противодействовать всяким попыткам утвердить переход королевской власти по наследству. Через месяц Август смирился с неизбежным и сообщил Вене, Лондону и Стокгольму, что отказывается от своей программы реформ и подчиняется русской «опеке». Это позволило Санкт-Петербургу дестабилизировать Речь Посполитую посредством поддержки религиозных диссидентов или кого-либо из множества «конфедератов», то есть те фракции или группировки, которые время от времени оказывались в оппозиции по любому вопросу. В результате защита прав меньшинств в Польше неразрывно слилась в народном сознании с ощущением национальной неполноценности.

Утрехтский мирный договор также не смог подвести итог борьбе за господство в Средиземноморье, прежде всего в Италии. Испания вышла из войны, значительно укрепившись вследствие союза Кастилии с Арагоном, а также правительственных реформ, которые Филипп Анжуйский вместе со своими французскими сподвижниками осуществил в период с 1707-го по 1715 год. Теперь он управлял королевством, которое лишилось непригодных для обороны провинций в Нидерландах, и командовал самым большим флотом и крупнейшей в истории Испании армией. Этот потенциал поставили на службу второй жене Филиппа, Елизавете Фарнезе, которую подстрекал министр кардинал Альберони. Елизавета намеревалась отвоевать как можно больше итальянских территорий, чтобы обеспечить наследство своим сыновьям. Кроме того, Филипп сохранял притязания на французский престол. Столкнувшись с очевидным желанием испанцев нарушить мирное соглашение, Британия и Франция (они уже сотрудничали на Балтике и в Германии) сплотились теснее. В 1716 году между этими странами был заключен официальный союз. Однако это не помешало Филиппу и в июле 1717 года оккупировать бывшую испанскую территорию Сардиния, а через год вторгнуться на Сицилию и изгнать оттуда австрийский гарнизон. Следующей мишенью очевидно являлся Неаполь. Агрессия Филиппа не только угрожала позициям Габсбургов на Апеннинском полуострове, но и заставляла опасаться установления в Средиземноморье новой испанской гегемонии. В октябре 1718 года, еще до формального объявления войны, Королевский флот внезапно атаковал испанцев у сицилийского мыса Пассаро и потопил вражеские корабли. Это был не просто превентивный удар для защиты Неаполя, но целенаправленный шаг, призванный покончить с потенциальной испанской морской угрозой.

Вскоре после этого британцы, голландцы, французы и австрийцы сформировали Четверной союз для сдерживания Филиппа. К январю 1719 года Британия и Франция уже воевали с Испанией, а через несколько месяцев французы вторглись в Северную Испанию. Королевский флот атаковал Галицию и очистил Западное Средиземноморье от испанского судоходства. В ответ Филипп в апреле 1719 года поддержал в Шотландии неудачное восстание якобитов, во главе которого стоял граф Мар. Но затем королю пришлось избавиться от Альберони, приструнить жену и пойти на соглашение. В результате мирного договора Испания признала потерю своих средиземноморских владений. Единственными бенефициарами конфликта оказались Савойя и Австрия, которые обменялись Сардинией и Сицилией, благодаря чему каждая получила более управляемую территорию. В некотором смысле Утрехтский мир принес пользу.

Проблема состояла в том, что австрийские Габсбурги теперь представляли собой большую угрозу европейскому балансу сил, чем Франция. В 1699 году они захватили Трансильванию и остальную территорию Венгрии, в 1714-м – австрийские Нидерланды, Милан и Неаполь, а подписание в Пожареваце мирного договора, закончившего войну с Турцией, принесло Австрии Белград, Банат и часть Валахии. Австрийцы даже сумели, так сказать, сгладить остроту своего присутствия в Средиземноморье: они освободились от неудобной для обороны Сардинии и получили Сицилию, служившую в качестве «бастиона» Неаполя. Как оказалось впоследствии, год 1720-й ознаменовал пик экспансионизма империи Габсбур-

гов, но в то время многие думали, что притязания на универсальную монархию перешли от Версаля к Вене. Эти страхи подогревались агрессивностью императора Карла VI, который не скрывал своих претензий на испанский трон и хотел возродить империю своего знаменитого тезки, то есть совершить именно то, против чего велась война за испанское наследство. Карл также начал «показывать силу» в Германии, поддерживая католиков в яростных конфессиональных диспутах.

В глазах Георга I и британского правительства австрийские амбиции угрожали не только владениям короля в Ганновере и немецкому протестантизму, но и безопасности империи в целом, следовательно, и основам европейского равновесия сил. Британский государственный секретарь Чарльз Таунсенд опасался того, что австрийцы, возомнив себя «наивысшими среди прочих человеков», надеются «управлять делами всего мира в соответствии с собственными желаниями и без помощи любой другой державы».²⁴⁴ Регентский совет в Версале, в свою очередь, озаботился сдерживанием австрийской угрозы со стороны Нидерландов и был намерен ликвидировать многочисленные анклав, чье наличие «осложняло» границу с империей. В первую очередь французы намеревались лишить Габсбургов ресурсов Германии. В начале восемнадцатого века французские дипломаты без устали напоминали об изобилии в немецких землях «прирожденных солдат». Французский министр иностранных дел Маршалль Юксель так беспокоился, что «с каждым днем власть императора становится все более авторитарной», что в марте 1718 года заявил: «Защита прав и свобод германских княжеств – вот единственный способ предотвратить установление деспотизма в империи».²⁴⁵ По этой причине в 1719 году Версаль поддержал англо-ганноверскую дипломатическую интервенцию в поддержку протестантов Пфальца, которых притесняли князь-католик и сам император.

Франко-британские страхи перед возможным появлением очередной универсальной габсбургской империи достигли кульминации в 1725 году. Кризис стал прямым следствием внезапных династических перемен. Стремясь укрепить монархию за счет рождения наследника, Людовик XV отказался от давно озвученного намерения жениться на юной испанской инфанте. Вместо этого он обратил взор на восток и взял в жены Марию Лещинскую, дочь бывшего польского короля Станислава. Филипп и Елизавета восприняли эту свадьбу как оскорбление и стали искать сближения с ненавистными прежде австрийскими Габсбургами. В мае был заключен австро-испанский договор. Условия этого договора являлись прямой угрозой сложившемуся в Европе равновесию сил. Карл VI обещал не препятствовать испанским требованиям по возврату Гибралтара и Менорки. Он также согласился отдать несколько итальянских провинций старшему сыну Филиппа и Елизаветы Фарнезе дону Карлосу. В свою очередь Испания предоставила императору торговые привилегии и признала Остендскую компанию,²⁴⁶ основанную несколькими годами ранее в попытке «протиснуться» на прибыльный колониальный рынок. В довершение всего заговорили о браке старшей дочери Карла Марии Терезии с одним из испанских инфантов.

Если бы предполагаемое «слияние» династий состоялось, Британия и Франция рисковали обнаружить перед собой австро-испанский блок, протянувшийся от Фландрии на Английском канале до «каблучка» итальянского «сапога» и от Силезии до Пиренеев и скал Гибралтара. Таунсенд предупредил, что «в случае присоединения австрийского доминиона к обширным территориям Испании» может возникнуть новое государство, «более опасное

²⁴⁴ Speaking in 1721, quoted in Simms, *Three victories*, p. 169.

²⁴⁵ Huxelles is quoted in Jörg Ulbert, 'Die Angst vor einer habsburgischen Hegemonie im Reich als Leitmotiv der französischen Deutschlandpolitik unter der Regentschaft Philipps von Orleans (1715–1723)', in Thomas Höpel (ed.), *Deutschlandbilder – Frankreichbilder. 1700–1850. Rezeption und Abgrenzung zweier Kulturen* (Leipzig, 2001), pp. 57–74 (p. 67).

²⁴⁶ Австрийская частная торговая компания, основанная для торговли с Индией. *Примеч. ред.*

для всей Европы, чем даже государство Карла V».²⁴⁷ Хуже того, германские амбиции императора (беспокоившие Францию и Британию намного больше, чем колониальная угроза) будут оплачены золотом испанского Нового Света, а доходами его собственной Остендской компании. Британская и французская столицы опасались имперского «доминирования», «запугивания» и «абсолютной власти» в Германии. Ситуация, как жаловался один французский дипломат, стала хуже, чем накануне 1648 года. По этой причине Британия и Франция в сентябре 1725 года заключили оборонительный Ганноверский союз против Вены и Мадрида.

Воспользовавшись тем, что у Франции и Британии возникли другие заботы, Россия возобновила усилия по занятию господствующего положения на Балтике. Ключом к реализации этих планов стал Венский союзный договор с Австрией, в чем признавался русский вице-канцлер граф Остерман в череде своих меморандумов 1725–1726 годов. «Священная Римская империя может помочь России не только в ее борьбе со шведами, турками и поляками, – писал он, – но и помешать другим странам напасть на Россию». В начале августа 1726 года Екатерина Первая наконец отбросила маску и вступила в союз с Веной. Русские войска оккупировали Курляндию, чтобы предупредить ее аннексию Польшей. Для Лондона и Версаля осуществление русских планов выглядело не просто ударом по стратегически важной балтийской территории, основному источнику морских ресурсов – нет, оно сулило реализацию замыслов Петра Великого по установлению господства в Северной Германии, а затем и во всей империи. Контрмерам мешал тот факт, что у британцев и французов не было способа остановить Россию угрозой ее западным границам. Вместо этого на Балтику направили эскадру Королевского флота, а Швецию убедили присоединиться к Ганноверскому союзу. Одновременно британские и французские дипломаты в Константинополе пытались настроить Порту (так называли правительство Османской империи²⁴⁸) на вылазку против русских с юга. Этот план, цитируя Таунсенда, был призван «отвлечь царицу в Азии настолько сильно, чтобы она ослабила внимание и перестала досаждать и причинять неприятности королю здесь». Нельзя лучше проиллюстрировать взаимосвязь между разными частями европейского баланса сил.²⁴⁹

Великий европейский «тупик» 1725–1727 годов охватил континент от Балтики до Черного моря и от Английского канала до Пиренейского полуострова, где Испания не слишком активно осаждала Гибралтар. Однако главным фокусом интересов оставалась империя, включая Фландрию, где Карл угрожал Ганноверам и где, что важнее, он мог мобилизовать необходимые ресурсы и напрямую угрожать Франции и Британии. Вот почему Британия уделяла столь пристальное внимание испанскому «серебряному» флоту; нападения на него совершались не только ради грабежа, но являлись просчитанной стратегией, нацеленной на то, чтобы лишить императора средств для нарушения равновесия сил в Центральной Европе. Поэтому франко-британские военные приготовления сосредоточились на формировании значительных сухопутных сил в Германии, где предполагалось сдерживать Карла.

Все вышеперечисленное было не просто спором великих держав, но и глубоким идеологическим конфликтом. Многие современники рассматривали его как противостояние представительных правительств различного толка и столь же разнородных абсолютистских государств. Британский парламент и Генеральные штаты Нидерландов считали, что им угрожает испано-австрийская «ось», чье могущество, по меньшей мере, частично, опиралось на подавление представительных правительств у себя дома. Если использовать современные

²⁴⁷ Quoted in Simms, *Three victories*, p. 183.

²⁴⁸ Название происходит от кальки с турецкого названия канцелярии великого визиря – «высокие ворота» (*um. Porta*). *Примеч. ред.*

²⁴⁹ Townshend is quoted in Simms, *Three victories*, p. 197.

выражения, Европа была расколота на два лагеря – лагерь «свободы» и лагерь «деспотизма». Оба термина были в ходу у британских и голландских памфлетистов, и с конца семнадцатого века они все чаще возникали в публичной сфере Центральной Европы. К середине столетия количество читателей в империи выросло с 250 тысяч до полумиллиона человек. Неотъемлемой составляющей этой критики было нарастающее нежелание принимать стремление правителей «засекретить» обсуждение политических вопросов.²⁵⁰ В сатирах, проповедях, периодической печати и «политических беседах» от германских правителей, особенно от императора, все чаще требовали ответа по вопросам внешней политики, поскольку та привлекала основное внимание имперских патриотов. Население все больше интересовалось не только политикой Германии, но и общеевропейским балансом сил, от которого зависела безопасность людей. Как заметил автор журнала с оптимистическим названием «*Friedens-Courier*» («Посол мира»), «даже человек, совершенно не интересующийся тем, что творится в мире, и не читающий газет, все-таки спрашивает соседа, что происходит на мирных переговорах».²⁵¹ Многие из таких публикаций финансировались правительствами, однако и они показывают, что «аполитичные» немцы живо интересовались тем, что творится в мире вокруг.

В конце концов, общего «пожара» в Европе так и не случилось. Ни Испания, ни Австрия не могли продолжать войну в Германии и Италии против англо-французского альянса. Екатерина предпочла не сталкиваться с Королевским флотом на Балтике. Османы отказались нападать на Российскую империю. Лишь возле Гибралтара прозвучали выстрелы, которыми обменялись британские и испанские моряки. Войну удалось предотвратить дипломатией и политикой сдерживания.

Австрийская мощь олицетворяла угрозу, но не меньшей угрозой являлась «врожденная» слабость конгломерата Габсбургов. Вскоре стало ясно, что император Карл VI вряд ли произведет на свет наследника мужского пола, вследствие чего возникала возможность соперничества за наследство и даже раздела владений по воле соседних стран. Карл попытался предупредить такую ситуацию и в апреле 1713 года обнародовал «Прагматическую санкцию», которая устанавливала следующий порядок: престол переходил по наследству к сыновьям и дочерям императора, и лишь потом на него могли претендовать сыновья и дочери покойного старшего брата Карла, Йозефа. С мая 1717 года предполагаемой наследницей считалась старшая дочь Карла Мария Терезия. Тем не менее Карл не принимал сей факт как должное. Он понимал, что мужья дочерей Йозефа, курфюрсты Баварии и Саксонии, могут отказаться от претензий от имени своих жен, но эти отказы при необходимости могут быть быстро отозваны. По этой причине Карл постарался заручиться согласием представительных собраний в вопросах наследия. К середине 1722 года он даже уговорил на сотрудничество венгров в обмен, разумеется, на признание их привилегий. Затем Карл перенес внимание за пределы империи и заключил соглашения последовательно с Испанией (1725), Россией (1726), Британией (1731) и с имперским сеймом (1732). Однако Карлу часто приходилось идти на компромисс, к примеру, когда в обмен на военную поддержку против османов в 1716 году он согласился выдать одну из дочерей Йозефа за баварца. В итоге всех этих «предусмотрительных» хлопот правительства европейских стран не только не стали союзниками Карла, но и задумались над тем, как лучше воспользоваться слабостью Габсбургов.

Прежде всего это относилось к Франции, которая начала восстанавливать свой авторитет на европейской сцене в 1730-х годах, завершив долгий период относительной пас-

²⁵⁰ Lucian Hölscher, *Öffentlichkeit und Geheimnis. Eine begriffsgeschichtliche Untersuchung zur Entstehung der Öffentlichkeit in der Frühen Neuzeit* (Stuttgart, 1979), and Andreas Gestrich, *Absolutismus und Öffentlichkeit. Politische Kommunikation in Deutschland zu Beginn des 18. Jahrhunderts* (Göttingen, 1994).

²⁵¹ The *Friedens-Courier* is quoted in Gestrich, *Absolutismus und Öffentlichkeit*, p. 222.

сивности после кончины Людовика XIV в 1715 году. Частично эта активность обуславливалась ощущением династической стабильности в связи с рождением дофина в 1729 году, а частично она отражала нарастание недовольства в связи с падением «доходности» союза с Британией, которая проводила сугубо самостоятельную коммерческую и «германскую» политику. Франция уже перестраивала «втайне» портовые сооружения Дюнкерка и вкладывала большие средства в развитие военного флота. Ее экономика росла быстрыми темпами, как и колониальные доходы, особенно в Америке. Более всего Францию беспокоило укрепление могущества австрийцев в империи, которое, как заметил в 1729 году чиновник французского министерства иностранных дел, угрожало «изменить управление империей до такой степени, что последняя могла превратиться в монархию, где император сделается абсолютным властителем Германии, а это действительно нарушит баланс сил в Европе».²⁵²

Возрождение Франции застало остальную Европу врасплох. Внутренние слабости и упадок торговли помешали Голландской республике отреагировать надлежащим образом. Австрия была готова сдерживать Францию в самой империи и в Северной Италии, однако ощущала уязвимость своих позиций во Фландрии, где не собиралась тратить деньги на строительство оборонительных сооружений. Озабоченная слабостью жизненно важных для нее Соединенных провинций и пораженная экономическим ростом «несвободной» Франции, Британия забыла о своем враждебном отношении к Карлу и вернулась к традиционной политике поддержки Габсбургов в качестве противовеса Франции. В 1731 году она заключила в Вене союз с Австрией и одобрила «Прагматическую санкцию». Ободренный поддержкой, Карл счел правильным обратиться к сейму за одобрением «Прагматической санкции»; в январе 1732 курфюрсты одобрили документ шестью голосами против трех.²⁵³

Шаги, предпринятые Британией, не возымели действия: Франция еще решительнее стала готовиться к противостоянию с Австрией. В 1733 году она заключила «семейный контракт» с испанскими Бурбонами. Это сигнализировало о намерении сотрудничать против Британии в заморских владениях, однако главной целью являлся единый фронт в Европе, где оба противника планировали воспользоваться хитросплетениями австрийского наследия, чтобы навредить Габсбургам. Впрочем, насущной заботой было помешать Карлу получить контроль над всей империей. Ситуация обострилась в связи с польским наследством, которое ворвалось в европейскую повестку в начале февраля 1733 года, после кончины короля Августа II. Французы выдвинули Станислава Лещинского, который недолго правил Польшей в годы Северной войны и дочь которого была женой Людовика XV. Лещинский пользовался популярностью, польская шляхта наверняка избрала бы его королем, отдай выбор на ее усмотрение. Но Речь Посполитая была слишком слаба, чтобы самостоятельно определять собственную судьбу. Более того, в 1733 году на кону стояла вся геополитическая структура Европы. Для русских избрание польского короля было чревато появлением фигуры реформатора, способного превратить хаотическую Польшу в сильное и динамичное государство на западной границе России. Для Австрии французский кандидат в Варшаве был неприемлем, поскольку это означало бы «втискивание» империи между Станиславом и его зятем, Людовиком XV. Когда французы попытались уговорить османского великого визиря, перспектива окружения обрисовалась еще более четко. Австрийцы и русские поэтому хотели, чтобы польский трон унаследовал саксонец, готовый обеспечивать статус-кво. Коротко говоря, тогда решалась судьба габсбургской монархии и положение этой монархии в Германии.

Неудивительно поэтому, что война за польское наследие в самой Польше почти не велась. В сентябре 1733 года польский сейм избрал королем Станислава. Вскоре началась

²⁵² The First Commissioner of the French foreign ministry is quoted in Extern – brink, Friedrich der Grosse, pp. 89–90.

²⁵³ The Austrian instructions are quoted in Arthur M. Wilson, French foreign policy during the administration of Cardinal Fleury, 1729–1743. A study in diplomacy and commercial development (New York, 1972), p. 169.

война между Австрией и Россией с одной стороны и Францией и Испанией – с другой. Французы мало чем могли помочь Станиславу, и вскоре тот потерпел поражение в Польше. Полноценные военные действия развернулись на западе. Благодаря франко-голландскому договору австрийские Нидерланды сохраняли нейтралитет на протяжении всего конфликта. Почти повсюду, однако, Габсбурги вынуждены были обороняться: в Лотарингии, которую французы оккупировали с легкостью; в Северной Италии, где в октябре 1733 года атаковали объединенные силы Франции и Сардинии; в Неаполе, куда в феврале 1734 года вошли испанцы; и в самой Германии, вопреки тому, что императора убедили объявить войну Франции в апреле 1734 года. Император дрогнул под этим стремительным натиском. Британия, несмотря на Венский договор, решительно отказалась предоставить Австрии какую-либо помощь. Лишь прибытие в Пфальц крупного русского экспедиционного корпуса, совершившего в августе 1735 года марш-бросок на тысячу километров, спасло австрийцев от более сокрушительного поражения.²⁵⁴ Карлу пришлось заключить мир в октябре 1735 года. Неаполь и Сицилия отошли дону Карлосу, пусть и с условием, что они никогда не перейдут к испанской короне. Франция согласилась с саксонским наследником в Польше, а Станиславу дали титул герцога Лотарингского (с оговоркой, что после его кончины область вернется Франции). Франция, словом, торжествовала.

Международная напряженность в начале восемнадцатого столетия заставляла европейские страны укреплять внутреннюю сплоченность и увеличивать добычу ресурсов и расходы на военные нужды. В 1715 году, к примеру, Габсбурги настояли на том, чтобы венгры финансировали содержание нескольких полков регулярной армии. Через год был учрежден австрийский тайный совет по финансовым вопросам, задачей которого являлась финансовая координация. Вскоре глава Судебной палаты внес революционное предложение, по которому средства, выделяемые на военные цели, должны были соотноситься с реальными финансовыми возможностями. На это предложение не обратили внимания. Габсбурги не преуспели в объединении своих разрозненных провинций и их представительных собраний ради проекта совместной обороны. Не существовало общего «интереса Габсбургов», были только отдельные интересы составных частей монархии. Большая часть территорий, например, Неаполь, оплачивала лишь собственную оборону, и то неохотно; единственным, кто вносил существенный вклад в общую оборону монархии, была Богемия. Во Франции Бурбонов, с другой стороны, аристократия утратила право вето на налоги. В результате прямые налоги возрастали, привилегии урезались, но не слишком ретиво, чтобы не нарушить хрупкий общественный консенсус.²⁵⁵ Хотя в 1733 году снова ввели десятину (*dixieme*) для финансирования войны за польское наследство, дворянство и духовенство по окончании боевых действий убедили корону отменить этот налог, лишив тем самым казну значимых будущих доходов. Эта ситуация повторялась на протяжении всего столетия. Парламент, к мнению которого монархия столь долго не прислушивалась, постепенно утверждал за собой право «оценивать», то есть одобрять, новые налоги. Поэтому, несмотря на свою значительную мощь, Австрия и Франция равно утратили на время статус великих держав.

Россия также старалась укрепить свое могущество посредством внутренних реформ. В планы Петра Великого, однако, не входило заимствование у Западной и Центральной Европы политических норм наподобие советов и «свобод»: хаос в Польше отпугнул Россию от таких экспериментов.²⁵⁶ «Вестернизация» для царя означала создание современного абсолютистского государства, способного к ускоренному экономическому развитию и мобили-

²⁵⁴ Maren Köster, *Russische Truppen für Prinz Eugen. Politik mit militärischen Mitteln im frühen 18. Jahrhundert* (Vienna, 1986).

²⁵⁵ Colin Jones, *The great nation. France from Louis XV to Napoleon, 1715–99* (London, 2007), p. xxi and passim.

²⁵⁶ Paul Bushkovitch, *Peter the Great. The struggle for power, 1671–1725* (Cambridge, 2001), passim, especially pp. 270–80 (on Poland p. 444).

зации ресурсов. В целом не только правительство, но и общество России было нацелено на военную мобилизацию. Привилегии аристократов увязали напрямую с государственной службой. В 1722 году Петр обнародовал «Табель о рангах», где перечислялись соответствия между военными, гражданскими и придворными чинами.²⁵⁷ Дворянам пожаловали взамен ничем не ограниченную власть над крестьянами. На современном языке, Россия была несвободной меритократией. В экономическом отношении царь потерпел неудачу. Хотя Россия – благодаря своему многочисленному населению – была самой богатой страной Европы, она продолжала сильно отставать в пересчете на подушевой доход и по другим показателям экономического развития. Но в политическом и военном отношении царь выиграл. Россия вступила в новый раунд борьбы за господство в Европе со сравнительно большой регулярной армией (более ста тысяч человек), которую в любой момент можно было пополнить из фактически «бездонного» источника живой силы.

По контрасту с другими значимыми странами, Пруссия обладала влиянием, далеко выходящим за пределы того, что гарантировала ей «природная», или «фундаментальная», сила. В семнадцатом веке прусское дворянство пожертвовало правом совещательного голоса в вопросах налоговой и внешней политики ради поддержки монархом крепостничества. Время от времени аристократы, впрочем, начинали требовать политического участия, что побудило Фридриха-Вильгельма заявить: он будет делать все, что потребуется, для «стабилизации суверенитета, как подобает *rocher de bronze*²⁵⁸». В следующие два десятилетия он осуществил ряд государственных реформ, призванных повысить дееспособность правительства, например, в 1722 году учредил высший административный орган – «Генеральную директорию». Примерно через десять лет Фридрих-Вильгельм ввел знаменитую «кантональную систему», которая привязала крестьян к определенному полку и к конкретному землевладению. По этой схеме развивался эффективный «военно-аграрный комплекс»; дворяне несли государственную и воинскую службу офицерами, крестьяне обрабатывали землю и тянули армейскую лямку в качестве простых солдат.²⁵⁹ Основу системы составляли государственные зернохранилища двойного назначения: они обеспечивали армию и снабжали население зерном в голодные времена; благосостояние и война, таким образом, были неразрывно связаны между собой.²⁶⁰ Эта исключительно эффективная схема гарантировала Фридриху-Вильгельму постоянный приток рекрутов. К тому же она делала короля менее зависимым от иностранных наемников: примерно две трети армии составляли пруссаки, по меркам тех лет очень высокая цифра. Но все же имелась некая слабина, поскольку значительная часть населения, проживавшая в городах, по тем или иным причинам была «освобождена» от воинской службы.²⁶¹ Подлинный потенциал Пруссии пока еще не реализовался.

Общим для большинства этих реформ было допущение, что абсолютизм представляет собой наилучшую форму правления в стране и гарантирует наилучшую защиту государственных интересов за рубежом. Парламентские или корпоративные системы, с другой стороны, повсеместно считались коррумпированными, «хаотическими» и уязвимыми для иностранных интервенций.²⁶² По этой причине «реформаторская» партия в Польше в сере-

²⁵⁷ James Cracraft, *The revolution of Peter the Great* (Cambridge, Mass., 2003), pp. 29–37 and 54–74 (Table of Ranks p. 35).

²⁵⁸ Букв. «бронзовому утесу» (*фр.*), то есть непоколебимому основанию. *Примеч. ред.*

²⁵⁹ Hanna Schissler, *Preussische Agrargesellschaft im Wandel. Wirtschaftliche, gesellschaftliche und politische Transformationsprozesse von 1763 bis 1847* (Göttingen, 1978).

²⁶⁰ Lars Atorf, *Der König und das Korn. Die Getreidehandelspolitik als Fundament des brandenburgisch-preussischen Aufstiegs zur europäischen Grossmacht* (Berlin, 1999), pp. 86–139.

²⁶¹ Frederick William's warning is quoted in Helmut Neuhaus, 'Kronerwerb und Staatskonsolidierung. Der Aufstieg Brandenburg-Preussens im 18. Jahrhundert als Forschungsproblem', in Christiane Liermann, Gustavo Corni and Frank-Lothar Kroll, *Italien und Preussen. Dialog der Historiographien* (Tübingen, 2005), pp. 27–37 (p. 29).

²⁶² D. W. Hayton, James Kelly, and John Bergin (eds.), *The eighteenth-century composite state. Representative institutions in Ireland and Europe, 1689–1800* (Basingstoke, 2010), especially pp. 4–5.

дине 1730-х годов пыталась ограничить права сейма в пользу более централизованного правления, способного противостоять иностранным государствам; «патриоты» же, напротив, утверждали, что лишь сохранение «золотых свобод» обеспечит необходимую «доблесть» для сопротивления иноземному господству.²⁶³ В 1723 году монархия в Швеции предприняла неудачную попытку ослабить внешнее влияние посредством перехода от выборов к наследственности власти. Аналогичные проблемы наблюдались и в Соединенных провинциях, которые вступали в период длительного упадка после немалых усилий на борьбу с Людовиком XIV. В 1716–1717 годах секретарь Государственного совета Симон ван Слингеландт использовал «Великое собрание» Генеральных штатов для призыва к реформированию голландского правительства. В частности, он требовал, чтобы принимаемые центральным правительством решения не подлежали ратификации в собрания провинций и чтобы правительство получило полномочия добиваться соблюдения законодательства и правил налогообложения. План ван Слингеландта провалился главным образом потому, что провинции уже не боялись Франции настолько сильно, чтобы отказаться от автономии; вдобавок централизацию они воспринимали как восстановление ненавистного штатгальтерства под другим названием. Все это сильно повлияло на Европу в целом, поскольку слабая Голландия уже не могла служить привычным «барьером» и обеспечивать сохранение баланса сил.²⁶⁴

В Британии парламентская система тоже подверглась испытанию на прочность. Министры и их представители утверждали, что частые выборы «способствуют заговорам и интригам иностранных правителей» и ведут к злоупотреблениям со стороны союзников. По этой причине в середине 1716 года правительство добилось принятия так называемого Семилетнего закона, который увеличивал промежуток между выборами с трех до семи лет. Министры также выступали за регулярную армию, даже в мирное время, «дабы подавлять всякое возмущение дома и давать достойный отпор иноземным поползновениям и поддерживать наши усилия к сохранению надежного мира в Европе». Критики из числа тори и вигов, с другой стороны, требовали сделать внешнюю политику кабинета подотчетной парламенту, настаивали на обнародовании дипломатических документов и хотели, чтобы парламенту предоставили право одобрять договоры и выделение субсидий иностранным государствам. В регулярной армии они видели, как откровенно выразился один парламентарий, нечто противоположное «свободному исполнению законов страны». Необходимость обороны от внешней агрессии якобы маскировала домашний деспотизм. Сколько стран, риторически вопрошал он, «утратило свою свободу» под предлогом противостояния «амбициозным планам соседних наций и важности сохранения баланса сил?»²⁶⁵

На первый взгляд, эти споры отражали убежденность европейцев в том, что всякие действия, ограничивающие власть короны в своей стране, неизбежно ослабляли способность государства защищать свои интересы за рубежом. На самом деле британская система могла похвалиться двумя значимыми преимуществами. Во-первых, очень высокий уровень политического участия сделал Британию страной, вызывавшей наибольшее доверие, и тем самым позволил мобилизовать невероятные финансовые ресурсы и обеспечить «экономическое могущество».²⁶⁶ Во-вторых, парламент и публичная сфера служили таким форумом, на котором озвучивались и оттачивались британские интересы, что делало политику страны более содержательной и гибкой. Существовала, таким образом, прямая связь между отече-

²⁶³ Michael G. Müller, *Polen zwischen Preussen und Russland. Souveränitätskrise und Reformpolitik, 1736–1752* (Berlin, 1983), especially pp. 253–4 and 152–200.

²⁶⁴ Herbert H. Rowen, *The princes of Orange. The Stadholders in the Dutch Republic* (Cambridge, 1988).

²⁶⁵ Simms, *Three victories*, pp. 103–4.

²⁶⁶ John Brewer, *The sinews of power. War, money, and the English state, 1688–1783* (London, 1989).

ственными свободами и внешнеполитическими интересами, хотя это, разумеется, не было необходимым или нерушимым условием, что доказывал пример Речи Посполитой.

Турция под натиском внешних угроз также укрепляла внутреннюю сплоченность. Османы, жаловался янычар Гассан Курди, отставали в финансовом и в технологическом отношении, им не доставало «казны и артиллерии», и они «слишком медленно» принимали решения и страдали от «усталости и непослушания».²⁶⁷ К сожалению, структура и традиции Османской империи совершенно не годились ни для парламентской, ни для абсолютистской формы правления, присущих остальной Европе. Порты поэтому передавала все больше власти регионам. Вызов современности не привел и к формированию в империи публичной сферы: «книги советов», какое-то время распространявшиеся среди османов, игнорировали вопросы внешней политики, поскольку та считалась секретом, запретным для подданных.²⁶⁸ Турция в итоге «выпадала» из общеевропейской тенденции к централизации, секуляризации и – по крайней мере, на западе – к большему политическому участию. Поражения османов в конце семнадцатого и в начале восемнадцатого столетия вместо этого породили сильное стремление к моральному и духовному возрождению. Многие мусульмане отвергали технические и политические объяснения слабости ислама в современном мире. Они винили свое правительство в недостатке истинного благочестия и в покровительстве религиозным ересям в самом сердце мусульманского мира (дар уль-ислам). Критики требовали «больше ислама».²⁶⁹ По этой причине арабский проповедник Мухаммад ибн Абдуль Ваххаб (1703–1792) призывал к исламской реформации, возвращению к «чистым» принципам средневекового ислама. К концу столетия он объединил силы с Мухаммадом ибн Саудом и поднял на борьбу против османов едва ли не весь «Арабский» полуостров. Другими словами, религиозная радикализация арабского мира началась в Центральной Европе, под стенами Вены.

Если внутренние реформы были одним способом усиления внешнего влияния, то другим способом являлась заморская экспансия. Самым очевидным, хотя и все более маргинальным источником здесь служило прямое извлечение ресурсов. Испания, в частности, долгие годы финансировала свои военные расходы за счет доходов от колонизации Центральной и Южной Америки. Большинство других стран, однако, извлекали из экспансии косвенную выгоду. Британия и Франция, к примеру, воспринимали мирную колониальную торговлю и рыболовство как жизненно важный способ подготовки моряков к службе в военном флоте. В более широком смысле все колониальные государства трактовали заморскую торговлю (и коммерцию в целом) как на неотъемлемую составляющую государственной власти. По словам аббата Сен-Пьер, французский политический теоретик и дипломат (его мнение одобрял кардинал Андре-Эркюль де Флери, министр Франции), «если мы сделаем так, чтобы коммерция процветала, у нас будет столько солдат, сколько мы захотим; если же допустим, чтобы коммерция одрябля, солдат станет меньше – и меньше денег на их содержание». В Британии подобные заявления уже с конца семнадцатого века сделались рутинной. Впрочем, далеко не все разделяли эти взгляды, особенно в Северной и Восточной Европе, где интерес к колониальному предпринимательству оставался малым. Так, Фридрих Вильгельм продал голландцам Гросс-Фридрихсбург – принадлежавшую Пруссии территорию в Западной Африке (в нынешней Гане), поскольку «всегда считал колониальную торговлю пустяком и химерой».²⁷⁰

²⁶⁷ Hasan Kurdi is quoted in Virginia H. Aksan, *Ottoman wars 1700–1870. An empire besieged* (Harlow, 2007), p. 92.

²⁶⁸ Suraiya Faroqhi, *The Ottoman Empire and the world around it* (London, 2007), pp. 27–8.

²⁶⁹ Daniel Goffman, *The Ottoman Empire and Early Modern Europe* (Cambridge, 2002), pp. 117–18, and George S. Rentz, *The birth of the Islamic reform movement in Saudi Arabia. Muhammad b. 'Abd al-Wahhab (1703/4–1792) and the beginnings of Unitarian empire in Arabia* (London, 2004).

²⁷⁰ The Abbé de Saint-Pierre is quoted in Wilson, Fleury, p. 42. Frederick William's remarks on colonies are to be found in Clark, *Iron kingdom*, p. 93.

В ходе войны за польское наследство Австрия понесла серьезные потери, хотя унижение ни в коем случае не было полным. Российская военная помощь в Германии и согласие с «Прагматической санкцией» обошлись очень дорого. Теперь Россия ожидала, что Австрия поддержит (или, по крайней мере, не станет возражать) ее наступление на Османскую империю. Русские намеревались захватить все северное побережье Черного моря, аннексировать Крым и оккупировать Молдавию и Валахию. Причем это были лишь первые шаги: далее Россия собиралась совершить бросок на юг и захватить сам Константинополь. В 1736 году фельдмаршал Миних, автор этого трехлетнего плана, заявил: «В самой первой, древнейшей греко-христианской церкви, в знаменитом восточном храме Святой Софии в Константинополе, царица будет коронована как императрица греческая и дарует мир. И кто тогда спросит, чей по праву титул? Того, кто коронован и помазан во Франкфурте или в Стамбуле?»²⁷¹ Другими словами, поход России на юг имел целью прежде всего создание альтернативы имперской легитимности Священной Римской империи.²⁷²

Все пошло не так, как предполагали Австрия и Россия. В апреле 1736 года русские напали на Турцию, и Габсбурги последовали их примеру в следующем году. Османская империя, впрочем, выстояла и нанесла удачный ответный удар. Нападение австрийцев и русских было отражено, удалось вернуть территории, уступленные Габсбургам в 1717–1718 годах, важнейшая линия крепостей от Азова до Белграда была восстановлена более или менее в том же виде, в каком она пребывала в конце предыдущего века.²⁷³ Второй раз за последние десять лет Вена потерпела изрядное унижение. Причины слабости Габсбургов заключались в природе монархии, а также в ее невероятно неуклюжей организации принятия решений и управления, что часто приводило к параличу власти. Как писал британский посол в Вене в 1735 году, «малейшее дело требует у них составления меморандума, а меморандум – совещания; даже если в городе пожар, они созовут собрание и будут спорить, надо ли гасить огонь и каким образом». Иными словами, монархические правительства могут иметь высокую степень совещательности и далеко не всегда более решительны, чем представительные системы, ими презираемые. В восемнадцатом столетии стало ясно, что возрастание бюрократизации в континентальных европейских государствах затрудняет принятие решений, тогда как парламентская Британия с ее чрезвычайной ясностью идеалов остается гибкой и твердой в решениях.²⁷⁴

При этом британская система была уязвимой перед «приступами иррациональности». Кабинет испытал это на собственном опыте, когда в 1730-х годах колониальные и морские споры с Испанией обернулись всплеском народной ксенофобии и агрессивности. Случай с британским моряком Дженкинсом, которому испанские *guarda costas*, то есть береговая охрана, отрезали ухо, был весьма показательным. Критики внутри и вовне парламента теперь сочетали стратегические концепции с призывами к более широкому политическому участию во имя «подавления коррупции и исправления слабости» двора и правительства. Уильям Палтни, парламентарий-оппозиционер из виггов, требовал наделить парламент, «высший и главный совещательный орган Его Величества», правом изучать всю дипломатическую корреспонденцию. В результате ожесточенных публичных и парламентских споров провалился компромиссный договор с Испанией. «Войну за ухо Дженкинса» в ноябре 1739 года Британия начала с того, что принялась, вспомнив об успехах сэра Фрэнсиса Дрейка,

²⁷¹ Здесь и далее в большинстве случаев высказывания отечественных государственных деятелей, политиков, дипломатов и др. цитируются не по первоисточникам, а в переводе с английского; это позволяет оценить, как их слова в свое время оценивались – и продолжают оцениваться сегодня – носителями западной политической культуры. *Примеч. ред.*

²⁷² Münnich is quoted in Lavender Cassels, *The struggle for the Ottoman Empire, 1717–1740* (London, 1966), p. 100.

²⁷³ The Ottoman observer (a Kadi, or senior legal figure) is quoted in Cassels, *Struggle for the Ottoman Empire*, p. 154.

²⁷⁴ The British envoy is quoted in *ibid.*, p. 24.

грабить испанские торговые суда и разорять колонии. Некоторые оптимисты даже надеялись, как выразился один влиятельный аристократ, что «интервенция позволит населению колоний сбросить испанское ярмо».²⁷⁵ Скептики сомневались, что Испанию возможно «уломать» быстро.²⁷⁶ Премьер-министр Роберт Уолпол говорил: «Сейчас они звонят в колокола, но скоро будут заламывать руки».²⁷⁷ Так все и вышло: после ряда быстрых побед, включая стремительный захват Портобелло, британцы вскоре были остановлены перед колумбийской крепостью Картахена.²⁷⁸

Одержимость морской и колониальной экспансией дорого стоила Британии в Европе и положению правительства в стране. Франция набирала силу на континенте, заключила финансовый договор со Швецией и даже сблизилась с ослабевшими Габсбургами. В декабре 1738 года были обнародованы планы двойного франко-испанского бракосочетания; примерно тогда же короля и его министров напугала прусская угроза Ганноверу. Важнее всего было то, что французы, обезопасив свой европейский фланг, стали задумываться о сосредоточении сил и ресурсов для противостояния Британии на море. Лондон остро ощущал эту опасность. «Если не отвлечь ее сухопутной войной на континенте, при том, что у нас нет никакой защиты от вторжения из Франции, помимо наших войск, – сказал британский политик Хорас Уолпол, – боюсь, что уже следующей весной или летом война охватит остров».²⁷⁹ Связь между европейским балансом сил и морской безопасностью Англии была совершенно очевидной для современников.

Ближе к концу десятилетия, однако, главной проблемой для Лондона, Версаля и Центральной Европы оставалось смутное будущее Германии. В 1738–1739 годах кардинал Флери и другие министры постоянное твердили, что сохранение позиций в империи является залогом безопасности Франции. Главной заботой Флери было урегулирование вопроса об австрийском наследстве в пользу Франции; Британия, со своей стороны, стремилась сохранить в целостности все наследие Габсбургов. Чтобы удостовериться в том, что Габсбурги никогда впредь не будут угрожать Франции с востока, кардинал Флери хотел отобрать у них императорскую корону. Это не позволит Вене мобилизовать ресурсы Германии против Бурбонов. Проблема виделась насущной, поскольку Версаль опасался, что, если муж Марии Терезии Франциск Стефан станет императором, он воспользуется своим положением и вернет утраченную Лотарингию. Так что, когда в октябре 1740 года скончался Карл VI, Франция согласилась с тем, чтобы Мария Терезия наследовала ему в качестве правительницы австрийских земель, – и другим заинтересованным сторонам пришлось последовать примеру французов. Основным же был вопрос, кто унаследует титул императора Священной Римской империи. В конце 1740 года стало ясно, что борьба за господство в Германии вступает в новую драматическую фазу.

Никто не предвидел появления нового динамичного элемента в сложившемся уравнении – в лице Пруссии Фридриха II.²⁸⁰ В 1740 году молодой король сменил на троне Фридриха-Вильгельма; считалось, что юноша с ранимой душой настрадался от своего грубого отца. На самом деле Фридрих намеревался добыть себе славу и стать великим военачальником и европейским владыкой, причем не из простого тщеславия, а в рамках продуманного плана сплотить «народ» вокруг монархии посредством активной внешней политики.

²⁷⁵ Lord Bathurst is quoted in Simms, *Three victories*, p. 259.

²⁷⁶ Philip Wood ne, *Britannias glories. The Walpole ministry and the 1739 war with Spain* (London, 1998).

²⁷⁷ Quoted in Simms, *Three victories*, p. 275.

²⁷⁸ Quoted in *ibid.*, p. 251.

²⁷⁹ Quoted in *ibid.*, p. 274.

²⁸⁰ Johannes Kunisch, *Friedrich der Grosse. Der König und seine Zeit* (Munich, 2004), pp. 159–84.

Это было в новинку для Пруссии, где отец Фридриха с таким подозрением относился к прессе, что в 1713 году на краткий срок запретил все берлинские газеты. Долгое время прусская публичная сфера состояла фактически только из газеты «Берлинер привилегери цайтунг», основанной в 1722 году; из самого названия следовало, что газета опиралась на одобренную государством монополию в сфере информации. Когда на трон взошел Фридрих, он стал поощрять развитие публичной сферы, пусть и тщательно контролируемой: в 1740 году стали издавать «Гаудойче цайтунг», в том же году появилась недолго просуществовавшая газета «Ле журнал де Берлин у нувель политик э литерэр» на французском языке. В 1742 году появилась «Спектакле ан Аллемань», редактором которой являлся один из советников короля, Шарль-Этьен Жорданом. Более всего Фридрих стремился завоевать расположение широкой германской общественности ради поддержки своих притязаний на империю и обеспечение безопасности Пруссии.

Перво-наперво Фридрих намеревался покончить с ахиллесовой пятой монархии – ее географической раздробленностью. В «Истории моего времени» он писал: «Самое дурное – это неправильная форма государства. Узкие и рассредоточенные провинции протянулись от Курляндии [на востоке] и до Брабанта [на западе]. В результате такой раздробленности (Zerrissenheit) у государства много соседей, но нет внутренней силы, и ему угрожает куда больше врагов, чем если бы оно было более сплоченным». Фридрих понимал, что действия в пределах Священной Римской империи, как поступали его предшественники, приведут лишь к малозначимому укреплению положения Пруссии. Вопрос об австрийском наследстве в этом контексте представлял собой как угрозу, так и шанс. У Пруссии имелись слабые притязания на богатую и многонаселенную Силезию, соседствовавшую с «ключевым» Бранденбургом. С другой стороны, существовала реальная опасность того, что один из множества претендентов на австрийское наследство, король Польши и курфюрст Саксонии, потребует Силезию себе в качестве компенсации. Враждебное окружение Пруссии – вот что хотел предотвратить Фридрих любой ценой.²⁸¹ «Если будем ждать, пока Саксония и Бавария сделают первый шаг, – предостерегал он в начале ноября 1740 года, – то не сможем помешать саксонцам расширить свою территорию²⁸²».

Потому в декабре 1740 года Фридрих нанес удар. В Силезию он вторгся без предупреждения и быстро оккупировал большую часть территории провинции. Фридрих блестяще выбрал момент для нападения. Британия, традиционный союзник Австрии, увязла в разорительной колониальной войне с Испанией. Другой союзник Австрии, Россия, погрузилась в династические распри: в 1740 году после кончины императрицы Анны Иоанновны решался вопрос о наследнике трона. Священная Римская империя готовилась решать, кто наследует императору Карлу – кандидат Габсбургов Франциск Стефан или французский претендент, курфюрст Баварии Карл Альбрехт. Эти обстоятельства сильно помогли Фридриху, однако вторжение Пруссии высвободило деструктивные силы, зревшие в империи и в Европе на протяжении предыдущего десятилетия.

Все гарантии «Прагматической санкции» были забыты, когда французы, саксонцы, баварцы, испанцы и прочие поспешили воспользоваться беспомощным, как они полагали, положением Марии Терезии. В мае 1741 года Испания посулила Карлу Альбрехту финансовую помощь в обмен на признание ее завоеваний в Италии в ущерб Австрии. Через месяц французы заключили оборонительный союз с Фридрихом. Они согласились признать его аннексию Нижней Силезии и Бреслау; в ответ Фридрих пообещал на грядущих выборах проголосовать за Карла Альбрехта. В сентябре саксонцы напали на Марию Терезию, наде-

²⁸¹ Neuhaus, 'Kronerwerb und Staatskonsolidierung', in Liermann et al. (eds.), *Italien und Preussen*, pp. 27–37 (quotation p. 27).

²⁸² Tim Blanning, 'Frederick the Great', in Brendan Simms and Karina Urbach (eds.), *Die Rückkehr der 'Grossen Männer'. Staatsmänner im Krieg – ein deutsch-britischer Vergleich 1740–1945* (Berlin and New York, 2010), pp. 11–20 (quotation p. 12).

ясь добыть себе Силезию, а в декабре 1741 года Карл Альбрехт провозгласил себя королем Богемии. Зимой испанская армия напала на Габсбургов в Северной Италии. В январе следующего года имперская коллегия курфюрстов избрала императором Карла Альбрехта. Впервые за несколько столетий Габсбурги лишились титула главы Священной Римской империи германской нации.

Этот конфликт принято именовать войной за австрийское наследство, что сбивает с толка. На самом деле война велась за «имперское наследство», поскольку речь шла не только об Австрии, но и о Германии. Британия опасалась, что избрание Карла Альбрехта, как прежнему государственный секретарь Южного департамента²⁸³ герцог Ньюкасл, «овернется переходом всей империи в руки французов». Это грозило не просто нарушить европейский баланс сил, но и уничтожить жизненно важный «барьер» в Нидерландах, от которого зависела безопасность Британии и Соединенных провинций. В 1742 году британские войска вошли в Германию и Нидерланды, где в 1743 году к ним присоединился голландский контингент. Одновременно в Средиземном море Королевский флот сдерживал Испанию, а в августе 1742 года перед дворцом донна Карлоса на рейде Неаполя появилась британская эскадра, что побудило его вывести войска из Северной Италии из опасений за судьбу своей столицы. Мария Терезия тоже не оставалась безучастной свидетельницей охоты за ее наследством. Несмотря на былые неудачные попытки враждовать с Фридрихом, она мобилизовала большую армию, которая в январе 1742 года в Пьемонте выступила в Северной Италии на стороне австрийцев. В 1743 году британо-имперская армия сокрушила французов при Деттингене. Баварцам тоже вскоре пришлось отступить. Габсбургская монархия отразила брошенный ей вызов.²⁸⁴

Заключив второй «семейный» пакт с Испанией в октябре 1743 года, Франция усилила давление на Британию и Австрию. Согласно этому союзу, французский король обязался вступить в войну против Британии и оказать поддержку испанскому инфанту дону Филиппу в завоевании Милана, а в дальнейшем – Пармы и Пьяченцы. В 1744 году Людовик XV официально объявил войну Британии и Марии Терезии. Вскоре после этого французская армия ворвалась в австрийские Нидерланды, сметая на своем пути союзные силы и голландские «барьерные» гарнизоны. Вторжение австрийцев в Южную Италию в августе 1744 года было остановлено испанскими и неаполитанскими войсками. В 1745 году французы профинансировали высадку в Британии сына Якова II Карла Эдуарда Стюарта. Франция хотела если не выбить Лондон из войны, то хотя бы отвлечь его от главного фронта военных действий Европы. Якобитов удалось рассеять с большим трудом. В том же году в результате совместных действий Королевского флота и американского колониального ополчения на побережье Канады была захвачена ключевая французская крепость Луисбург. В мае 1745 года в Нидерландах союзные силы потерпели поражение от французов в сражении при Фонтенуа не в последнюю очередь благодаря героизму «ирландской бригады» изгнанников-якобитов.

Среди этого хаоса Фридрих мудро разыгрывал свои карты. В октябре 1741 года, после поражения австрийской армии при Мольвице, он заключил в Клейн-Шнеллендорфе перемирие с Австрией, а в июле 1742 года подписал Берлинский мир с Марией Терезией, в результате чего ему досталась Нижняя Силезия. «Нужно уметь вовремя остановиться, – замечал он. – Будешь гнаться за удачей, и она отвернется от тебя, а если станешь требовать большего, тебе всегда будет мало». Теперь требовалось, продолжал Фридрих, «убедить правительства Европы признать нашу страну в том виде, в котором она сложилась после войны, и разумная доля умеренности и хладнокровия поможет нам в этом. Надеюсь, что мы утвер-

²⁸³ Структура британского кабинета министров, отвечавшая за развитие соответствующего региона королевства. В 1782 г. Северный и Южный департаменты лишили функций надзора за внутренними делами и объединили в Форин офис – министерство иностранных дел. *Примеч. ред.*

²⁸⁴ Newcastle is quoted in Simms, *Three victories*, p. 288.

дим свое положение и возвышение к власти с достоинством». Однако возрождение военной мощи Австрии вынудило Фридриха изменить свои планы. В мае 1744 года вместе с Баварией, Пфальцем и Гессен-Касселем он сформировал Франкфуртский союз против Австрии. В августе того же года Фридрих вступил в войну, напав на Богемию с целью создания буферной зоны между Пруссией и Австрией.²⁸⁵

В 1740–1744 годах многочисленные угрозы монархии Габсбургов – прежде всего в Нидерландах, Германии и Италии – заставляли Австрию, что называется, расставлять приоритеты. Главный стратег Австрии Венцель Антон, граф Кауниц, на тот момент посол в Савойе, рекомендовал сосредоточиться на империи. В январе 1744 года он советовал Вене перестать «гоняться за итальянскими химерами» и вплотную «заняться делами в Германии». Главной угрозой виделась именно Пруссия, поэтому Австрии следовало вернуть себе Силезию или, возможно, обменять Баварию на какую-то другую отдаленную территорию. В некотором отношении точка зрения Кауница опиралась на «математический» расчет. Географически Германия была ближе Италии или Фландрии, ее потенциальные ресурсы были намного значительнее. Но все же в рассуждениях Кауница имелась сильная идеологическая составляющая. На повестке дня по-прежнему стоял германский национальный вопрос, и, обещая защищать империю от внутренних угроз (а именно от Пруссии) и от внешних (а именно от Франции), Австрия могла притязать на большую легитимность. Проплаченные Австрией памфлеты требовали возвращения «германского» Эльзаса и звали к немецкому патриотизму в отношении с давним врагом. Габсбургский полководец Франциск Стефан стал германским героем не в последнюю очередь из-за утраты своих – прежде имперских – владений в Лотарингии.

В ноябре 1744 года прусские войска были вытеснены из Богемии. Через два месяца, в начале 1745 года, неожиданно скончался Карл Альбрехт, открыв тем самым дорогу к титулу императора Франциску Стефану. Габсбурги вновь утвердили за собой императорскую корону. В том же месяце в Варшаве Мария Терезия заключила договор с Британией, Саксонией и Голландией против Пруссии. Военный успех ей, однако, не сопутствовал и после поражений при Зооре и Гогенфридберге, нанесенных Фридрихом, Австрии пришлось подписать перемирие в Дрездене, по которому Силезия отошла Пруссии. Габсбурги затем сосредоточили внимание на Центральной Европе и позабыли об обязанности блюсти «барьер» в Нидерландах. Англо-ганноверская армия вместе с не слишком рвавшимся в бой голландским контингентом старалась сдержать наступление французов. К февралю 1746 года пал Брюссель, и становилось все яснее, что французы скоро ворвутся в Соединенные провинции. Как и при Людовике XIV, безопасность Голландии и Британии оказалась под угрозой.

Все это сильно отразилось на внутренней политике европейских государств. Во Франции успехи 1740-х годов укрепили авторитет монархии и усилили сплоченность населения. Народ поверил в опасность, исходившую от Британии, и в еще более коварный габсбургский «деспотизм». Поражение союзнической армии при Фонтенуа вызвало всеобщее воодушевление, и, как позднее заметил Наполеон, подарило *ancien régime* «дополнительные сорок лет». Как отмечал маркиз Аржансон в письме к философу Вольтеру сразу же после сражения, «люди в восторге, поскольку Франция сейчас может диктовать справедливые условия Европе». Отсюда следовало – пусть этого и не говорилось прямо, – что неспособность сохранить данную позицию сделает народ воистину несчастным.

Во многих других европейских странах война, напротив, привела к внутренним переменам. Мария Терезия вынуждена была пойти на дальнейшие уступки венгерскому дворян-

²⁸⁵ Peter Baumgart, 'The annexation and integration of Silesia into the Prussian state of Frederick the Great', in Mark Greengrass (ed.), *Conquest and coalescence. The shaping of the state in Early Modern Europe* (London, 1991), p. 160.

ству, чтобы то продолжало участвовать в военных операциях. Тем не менее она старалась по возможности ограничивать полномочия представительных собраний, централизовать управление, повышать налоги, усиливать рекрутский набор и мобилизовать ресурсы, необходимые для возвращения Силезии.²⁸⁶ Главный министр граф Гаугвиц не оправдал ее надежд, но все же сумел собрать средств на военные расходы существенно больше, чем его предшественники. Мария Терезия также искала козлов отпущения и обвинила богемское дворянство и евреев в сотрудничестве с пруссаками. В 1744 году она поэтому велела изгнать из Праги евреев как потенциальную «пятую колонну». Это спровоцировало первую общую транснациональную мобилизацию еврейства: во всех европейских странах публиковались петиции и протесты торговцев и общин, адресованные не только самой императрице, но и тем, кто мог на нее повлиять. «Дело касается всей религиозной еврейской общины, – заявляли евреи Гамбурга, – этих насильно разделенных тельцов. Израиль всегда сравнивали со стадом тельцов. Если бьют одно животное, остальные чувствуют эту боль». Союзник императрицы Британия заступилась за евреев; государственный секретарь лорд Харрингтон в беседе с австрийским послом осудил изгнание евреев как «порочное и вредящее общему делу – борьбе против Франции». Поначалу Мария Терезия не обращала внимания на мольбы и укоры, но позднее «раскаялась», и евреи смогли вернуться домой. Так Европа впервые осуществила, пусть и не вполне успешную, гуманитарную интервенцию от имени нехристианской общины.²⁸⁷

Война сильно затронула и саму Британию. В тридцатые годы восемнадцатого века общественное мнение и парламент все громче выражали недовольство политикой примирения Уолпола. Военные неудачи за морем против Испании нанесли серьезный урон репутации кабинета, а фатальным оказалось «допущение» нарушения европейского баланса сил. В феврале 1741 года парламент обсуждал «Запрос об отставке сэра Роберта Уолпола», где кабинет обвиняли в том, что «в ходе пребывания одного у власти баланс сил в Европе был уничтожен; дом Бурбонов возвысился... Австрийский же дом ослабел». В последующие два года Уолпол неоднократно подвергался критике, причем многие противники стремились не просто сместить его, но устроить импичмент, заключить в тюрьму и даже казнить. Едва корона императора перешла к французскому ставленнику Карлу Альбрехту, положение Уолпола стало невыносимым, и он подал в отставку, избежав официального расследования и возможного наказания небольшим перевесом голосов. Его преемник, лорд Картерет, также потерпел неудачу из-за германской политики – частично из-за сомнительных платежей ганноверским войскам на британской службе, а частично из-за неспособности сдержать Фридриха.²⁸⁸

В Голландской республике война имела еще более серьезные драматические последствия для внутренней политики. С самой смерти последнего штатгальтера Вильгельма Оранского в 1702 году Соединенными провинциями управляли олигархии регентов и региональных собраний, не желавшие поступаться своей автономией, даже если того требовала внешнеполитическая ситуация. Когда французы стали наступать с юга, оранжисты усилили пропаганду за реставрацию института штатгальтерства, дабы вдохнуть новую жизнь в альянс с Британией и мобилизовать нацию к совместной обороне. Голландские памфлетисты напоминали публике о расправе с братьями де Витт в 1672 году как следствии провала попыток сдержать Людовика XIV. К середине апреля 1747 года откладывать решение далее было невозможно: французы перешли границу голландской Фландрии и явно намеревались поко-

²⁸⁶ P. G. M. Dickson, *Finance and government under Maria Theresia, 1740–1780*, 2 vols. (Oxford, 1987), especially vol. I, pp. 1, 266–7 and 270–71.

²⁸⁷ Baruch Mevorach, 'Die Interventionsbestrebungen in Europa zur Verhinderung der Vertreibung der Juden aus Böhmen und Mähren, 1744–1745', *Jahrbuch des Instituts für deutsche Geschichte*, IX (1980), pp. 15–81 (quotations pp. 34 and 54).

²⁸⁸ The quotations are in Simms, *Three victories*, p. 289.

рить всю республику. «Вы уничтожаете нас, – жаловался французскому послу лидер «парламентской» партии, – вы возвращаете штатгальтера». Случился поддержанный британцами переворот – начался он в Зеландии под гром пушек эскадры Королевского флота, – который получил и поддержку населения. Вильгельм IV стал штатгальтером, причем титул признали наследственным для дома Оранских.²⁸⁹ Однако ни усилия британцев, ни возвращение штатгальтерства не остановили наступление французов на Нидерланды. В мае 1747 года пала ключевая крепость Маастрихт, и казалось, что близится крах республики.²⁹⁰

Судьбу Германии и Нидерландов решило возрастание могущества восточной страны.²⁹¹ Нападение Фридриха на Марию Терезию и создание коалиции против Австрии разъярили русских. В Петербурге как раз случилось междуцарствие,²⁹² и первый министр Миних полагал, что у него нет иного выбора, кроме как умиротворить Фридриха; в декабре 1740 года был подписан русско-прусский договор. Лишь в декабре 1741 года на трон вошла царица Елизавета. Ее первой задачей было укрепить оборону северных границ. В марте 1742 года русские попытались (неудачно) убедить финнов порвать со Швецией и сделаться «барьером» для защиты Санкт-Петербурга. К августу 1743 года Швецию заставили подписать мирный договор в захваченном русскими Або (Турку). Годом позже Россия обеспечила право своего кандидата на шведский трон и даже высадила свои войска возле Стокгольма для отражения голландского десанта. Теперь она могла переключить свое внимание на события, происходившие в Германии. В 1746 году Россия заключила союз с Австрией; секретное приложение к договору предусматривало раздел Пруссии. В ноябре 1747 года была подписана австро-российская военная конвенция, согласно которой в Германию отправили значительный русский контингент.

Вмешательство царицы оказалось решающим для Европы. Именно страх перед сближением Марии Терезии и русской царицы побудил Фридриха в конце 1745 года пойти на мир с императрицей, хотя в военном отношении у него по-прежнему было преимущество. Русская армия в Германии – «наилучшие войска в Европе», по мнению британского дипломата лорда Сэндвича, – привлекла также внимание французов. Они уже терпели поражение на море, где Королевский флот уничтожал французские торговые суда, и в колониях. В тылу валом шли банкротства, нарастали бюджетный дефицит и инфляция. В конце 1747 года маркиз де Стенвиль с горечью признавал, что доходы французской торговли «упали на сто миллионов ливров». Сахар, кофе, треска – всего было в обрез. К 1746 году франко-итальянские войска были вытеснены из Италии. Более того, даже успешные действия французской армии в Нидерландах не принесли улучшения, поскольку это напугало остальную Европу. Какая польза в оккупации Нидерландов, если с юго-востока Франции угрожали объединенные австро-русские войска? На пике военной славы Франция нехотя согласилась на заключение мирного договора. Во второй раз за неполные десять лет – причем опять без единого выстрела – в роли арбитра Центральной и Западной Европы выступили русские войска.²⁹³

В 1748 году в Экс-ля-Шапель был подписан договор, покончивший с войной за австрийское наследство. В обмен на возвращение Луисбурга Франция согласилась уйти из

²⁸⁹ For the quotation see Rowen, *The princes of Orange*, p. 163.

²⁹⁰ Gyllenborg is quoted in John P. LeDonne, *The Russian Empire and the world, 1700–1917. The geopolitics of expansion and containment* (New York and Oxford, 1997), p. 35.

²⁹¹ Francine-Dominique Liechtenhan, *La Russie entre en Europe. Elisabeth Ière et la succession de l'Autriche (1740–1750)* (Paris, 1997), especially pp. 46–9.

²⁹² Имеются в виду события 1740–1741 гг.: по завещанию Анны Иоанновны регентом при малолетнем императоре Иване VI становился герцог Бирон; после низложения Бирона регентом стала мать Ивана Анна Леопольдовна. В конце 1741 г. состоялся военный переворот, и на трон вошла Елизавета. *Примеч. ред.*

²⁹³ Stainville is quoted in Rohan Butler, Choiseul. Vol. 1: *Father and son, 1719–1754* (Oxford, 1980), p. 700. For French fears of the advancing Russians see *ibid.*, pp. 724–6 (Sandwich quotation p. 724).

Нидерландов, продемонстрировав тем самым значимость Европы для британских стратегов. Марии Терезии удалось сохранить для мужа императорский трон и большую часть своих территорий. Однако империя не смогла вернуть Силезию, которая осталась за Пруссией в знак признания «новой дипломатии» Фридриха. Австрия также вынуждена была отдать Парму, Пьяченцу и Гуасталлу, зато сохранила власть в Северной Италии. Французы выражали недовольство, в обиход вошла оскорбительная фраза «*bête comme la paix*» («глуп, как мир»); начались по-настоящему серьезные атаки на внешнюю политику старого режима, пусть они пока ограничивались второстепенными вопросами, наподобие более «внятной» поддержки претендента Стюарта в его борьбе против «английских Ганноверов». ²⁹⁴ Важнее всего считалось выйти победителями из нового витка противостояния с Британией.

На протяжении ста лет после заключения Вестфальского соглашения европейская геополитика определялась вопросами имперского наследия. Германия оставалась в фокусе внимания всех ведущих держав. Британия и Голландия сосредоточились на крепостях, которые образовывали «барьер» в Нидерландах против Франции, и на том, чтобы помешать французам укрепить свое влияние в Священной Римской империи. Для австрийцев империя являлась основным источником легитимности и могущества. Французы, в свою очередь, старались не допустить превращения Германии в базу, с которой возможно угрожать их восточным границам; они не желали, чтобы немцы, сплотившись под знаменами врагов, в особенности Габсбургов, превратились в соперника. Два новичка европейской сцены, Россия и Пруссия, воспринимали Священную Римскую империю как международное ристалище. Эти соперничества провоцировали активную колониальную конкуренцию за ресурсы и статус в Новом Свете, необходимые для усиления положения в Европе. Сами немцы, находясь в центре европейской государственной системы, сумели покончить с конфессиональным расколом и теперь сосуществовали в «геополитическом паноптикуме», где княжества в составе Священной Римской империи и их «гаранты» строго соблюдали правила цивилизованного поведения между собой и внутри своих границ. С другой стороны, немцы постоянно искали (но пока не нашли) этаким коллективный голос, способный превратить их из объектов в субъектов права.

К середине столетия определились победители и проигравшие. Турция так и не оправилась от поражения, понесенного под Веной. Шведы не смогли восстановить былую силу после Полтавы, а голландцы видели, что их страна медленно, но неуклонно идет к закату. Все эти три державы долгое время оставались значимыми, но теперь выбыли из числа главных игроков в схватке за господство в Центральной Европе. Как и с поляками, великие державы ныне беспокоила не их сила, а их слабость. Монархия Габсбургов перенесла болезненную операцию по отсечению территорий, но осталась по большей части целостной и была готова отомстить своим недругам. Крупными бенефициарами стали восточные государства – Пруссия, получившая в результате войны Силезию, и Россия, которая начала казавшийся неостановимым марш на запад. Франция, по контрасту, вполне оправилась после поражения в войне за испанское наследство, однако не смогла отнять у Габсбургов императорскую корону. Британия в свою очередь выстроила тщательно разработанную европейскую оборонительную структуру для защиты общего баланса сил и своего южного побережья, хотя упадок Голландии угрожал этой «архитектуре». Коротко говоря, два главных конфликта не получили разрешения: давнее англо-французское противостояние, вторая «Столетняя война», на сей раз с фокусом на Германию, и новая схватка за господство над Священной Римской импе-

²⁹⁴ Thomas E. Kaiser, 'The drama of Charles Edward Stuart, Jacobite propaganda, and French political protest, 1745–1750', *Eighteenth-Century Studies*, 30 (1997), pp. 365–81.

рией между Гогенцоллернами и Габсбургами. Этим двум конфликтам предстояло слиться воедино, что имело революционные последствия для европейской системы в целом.

Часть третья

Революции, 1756–1813 годы

Мы те, кем были на протяжении столетий, калейдоскоп политических конституций, легкая жертва наших соседей и предмет их насмешек, небывалых в мировой истории; мы разъединены и по этой причине слабы, хотя и сильны настолько, чтобы вредить самим себе, но в то же время бессильны спасти себя; мы равнодушны к чести своего имени, безразличны к соблюдению законов... великий, но и ничтожный народ, потенциально счастливый, а на самом деле глубоко несчастный.

Фридрих Карл фон Мозер, немецкий тайный советник, 1766 г.²⁹⁵

История Германии – это история войн между императором и князьями и государствами, войн между самими князьями и их государствами; история вседозволенности сильных и угнетения слабых; иноземных вторжений и иноземных интриг; насильственных захватов людей и денег, которым не придавали значения или частично покорялись; попыток принудить народ, либо неудачных, либо сопровождавшихся избиениями и разорением, что постигало равно невинных и виновных; история всеобщего беснования, смуты и неизбывных страданий.

Джеймс Мэдисон и Александр Гамильтон. Газета «Федералист», 19, 1787 г.

Мы видим, что отмена данного закона [договора 1756 года между Австрией и Францией] – это революция, столь же необходимая в международных отношениях для Европы и для Франции, как и разрушение Бастилии, способствовавшее нашему возрождению. (Крики «Браво!» и аплодисменты в зале заседаний парламента и с галерей для публики.)

Пьер Верньо, речь перед французским Национальным собранием, 1792 г.²⁹⁶

В середине 1750-х годов Европу сотрясала «дипломатическая революция», в ходе которой двое заклятых врагов – Франция Бурбонов и Австрия Габсбургов, а также позднее Россия – объединились против Пруссии и Великобритании. Семилетняя война (1756–1763) подтвердила возвышение Пруссии до статуса великой державы, обеспечила колониальное превосходство Великобритании и ознаменовала наступление русского экспансионизма, который в последующие десятилетия трансформировал политику Восточной и Центральной Европы. Америку завоевали в Германии; сражение на два фронта оказалось роковым для Бурбонов. К концу восемнадцатого столетия все ведущие европейские державы принимали участие в событиях на территории Священной Римской империи или были с ними связаны: Франция и Россия выступали гарантами соблюдения Вестфальского и Тешенского договоров, Австрия и Пруссия являлись крупнейшими государствами империи, а Великобритания

²⁹⁵ Quoted in Hagen Schulze, *The course of German nationalism. From Frederick the Great to Bismarck, 1763–1867* (Cambridge, 1990).

²⁹⁶ Quoted in T. C. W. Blanning, 'The Bonapartes and Germany', in Peter Baehr and Melvin Richter (eds.), *Dictatorship in history and theory. Bonapartism, Caesarism, and totalitarianism* (Cambridge and New York, 2004), p. 54.

была связана с империей через Ганноверскую династию и была «опекуном» Нидерландов и немецкого хинтерланда. Семилетняя война, сверх того, заложила два заряда, оглушительно сдетонировавших в последней четверти века. Именно тогда была предпринята первая попытка объединить тринадцать колоний ради войны и экспансии; именно тогда колонисты Северной Америки впервые задумались о том, чтобы самостоятельно заботиться о собственной безопасности. Этот процесс, подчеркнутый британским равнодушием к позиции страны в Европе, особенно в Германии, напрямую привел к созданию Соединенных Штатов Америки. В ходе Семилетней войны французы начали долгий внутренний спор по поводу большой стратегии Бурбонов и по поводу мер, необходимых для поддержания великодержавных амбиций, что закончился революцией 1789 года. Все это завершилось формированием новых геополитических, конституционных и идеологических структур в Европе и за океаном, поскольку страны опробовали различные модели внутренней организации для сохранения конкурентоспособности на международной сцене. Рейх ныне сражался с республикой, империя – с союзом. Фокусом схватки оставались Германия и Нидерланды. Тот, кто контролировал это пространство, контролировал весь континент и мир.

Франция находилась на распутье. Если на протяжении столетий ее политика носила выраженный антигабсбургский характер, то теперь главным врагом сделалась Британия, чье колониальное господство виделось как неоспоримое преимущество. Маркиз де ла Галиссоньер, генерал-губернатор Канады, в декабре 1750 года предупреждал, что Британия «подпитывается» из Америки, «не допуская другие народы, что вне сомнения обеспечивает ей превосходство в Европе», особенно в Германии и Фландрии.²⁹⁷ Вдобавок Версаль все больше тревожил прусский король Фридрих Великий. Дипломат Луи Огюстен Блондель в январе 1751 года заявил, что прусско-британский альянс, которого на тот момент энергично добивался Лондон, представляет смертельную угрозу империи, а следовательно, и интересам Франции в Германии. «Имперская конституция, – писал он, – есть основа величия короны [Франции], она утверждает монархию на берегах Рейна. Большое количество мелких государств, у которых столько разных интересов, служит доказательством того, что власть этой могучей империи не будет сосредоточена в одних руках».²⁹⁸ Беспокойство вызывал и рост могущества России, которая дважды за последнее время решительно вмешивалась в дела Франции. До сих пор «восточный барьер» (*barrier de l'est*) – то есть альянсы со Швецией, Польшей и Османской империей – помогал сдерживать Австрию. Но отныне, как заметил впоследствии граф де Брольи, задачей этих альянсов стало «заталкивание России обратно в ее огромные просторы, где она не будет вступать в дела [Центральной] Европы».²⁹⁹

Между тем Габсбурги обсуждали с русскими, как следует поступить с Фридрихом. Как указал в мартовском меморандуме 1749 года главный австрийский переговорщик в Экс-ля-Шапель граф Кауниц, прежний союз с Британией и «наследственная» вражда с Францией стали невыгодны. Вместо этого он предлагал заключить альянс с Францией или, по крайней мере, пойти на уступки, что позволит Австрии разобраться с Фридрихом. Санкт-Петербург, традиционно рассматривавший Пруссию как «подчиненную» страну, возмутился тем, что Фридрих нарушил баланс сил в империи односторонним захватом Силезии. В глазах России Фридрих также угрожал северным границам; в мае 1747 года прусский король заключил оборонительный союз со Швецией, а когда Стокгольм начал переговоры с Портой, угрозу недружественного окружения стало невозможным игнорировать далее. Поэтому в апреле

²⁹⁷ Cited in Daniel A. Baugh, 'Withdrawing from Europe: Anglo-French maritime geopolitics, 1750–1800', *International History Review*, 20, 1 (1998), pp. 14–16.

²⁹⁸ Quoted in Externbrink, Friedrich der Grosse, Maria Theresia und das alte Reich. Deutschlandbild und Diplomatie Frankreichs im Siebenjährigen Krieg (Berlin, 2006), p. 316.

²⁹⁹ Quoted in L. Jay Oliva, *Misalliance. A study of French policy in Russia during the Seven Years' War* (New York, 1964), p. 9.

1753 года Россия решила «вразумить» Пруссию дипломатическими средствами – и силой оружия, если понадобится.

Великобритания также подвергла фундаментальному пересмотру свою стратегию. Опыт конца 1740-х годов показал, что традиционные столпы ее континентальной политики требуют скорейшего ремонта. Голландцы были слишком слабыми, чтобы оборонять «барьерные» крепости в Нидерландах, а Габсбурги понесли слишком тяжелые территориальные потери в 1730-х и 1740-х годах, посему их способность обороняться также вызывала сомнения. Более того, французское нашествие на Америку угрожало морской власти и положению Британии в Европе. Тринадцать американских колоний служили источником постоянного притока обученных моряков, оттуда исправно поступали налоги и там можно было разместить морские базы. «Если мы потеряем наши американские владения или утратим на них влияние в мирное время – предупреждал герцог Ньюкасл в 1750 году, – Франция с легкостью развяжет против нас войну, когда ей это будет удобно».³⁰⁰ Столкнувшись с новыми обстоятельствами, значительное число представителей публичной сферы – журналистов и парламентариев – требовало активной и «прозрачной» политики, которая отвергала дорогостоящую вовлеченность в дела континента. Правительство вигов, однако, верило в то, что Священная Римская империя остается ключевым условием сдерживания Франции. Война за австрийское наследство преподала важный стратегический урок: она показала фатальные последствия отчуждения императорской короны от династии Габсбургов. Лондон поэтому попытался убедить германских курфюрстов избрать сына Марии Терезии Иосифа «королем римлян», обеспечив тем самым автоматическое наследование императорской короны после кончины Франциска Стефана. «Имперская избирательная схема» доминировала в британской внешней политике начала 1750-х годов.³⁰¹ Это было своего рода упражнение в стратегическом упреждении.

За океаном нарастающее напряжение ускорило развитие американской публичной сферы; колонисты все больше осознавали собственную идентичность и все больше занимались собственной безопасностью.³⁰² Подобно британскому правительству, поселенцы рассматривали колониальные споры в широком контексте общеевропейской борьбы. Житель Бостона Уильям Дуглас называл французов «общей помехой и нарушителями спокойствия в Европе, которые в скором времени станут таковыми и в Америке, если только их не усмирить дома и если Америка не отгородится от них рвами и стенами, то есть широкими реками и неприступными горами».³⁰³ Многие колонисты требовали, чтобы Британия перешла в наступление и устранила угрозу Бурбонов раз и навсегда, уничтожив Квебек и покончив с бурбонским окружением через экспансию. В 1751 году Бенджамин Франклин в «Наблюдениях касательно прироста человечества» утверждал, что новые колонии на западе спасут существующие поселения от участи оказаться «запертыми» на побережье и обеспечат жизненное пространство, в котором так нуждаются колонисты. Франклин заранее восхвалял «государя, который присвоит новые территории, если найдет их свободными, или изгонит туземцев, чтобы заселить собственными подданными».³⁰⁴

³⁰⁰ Newcastle is cited in Reed Browning, *The Duke of Newcastle* (Cambridge, Mass., 1975), p. 182.

³⁰¹ Reed Browning, 'The Duke of Newcastle and the imperial election plan, 1749–1754', *Journal of British Studies*, 7 (1967–68), pp. 28–47.

³⁰² Richard L. Merritt, 'The colonists discover America: attention patterns in the colonial press, 1735–1775', *William and Mary Quarterly*, Third Series, XXI, 2 (April 1964), pp. 270–87, especially pp. 270–72.

³⁰³ Cited in Max Savelle, 'The appearance of an American attitude toward external affairs', *American Historical Review*, 52, 4 (1947), pp. 655–66 (quotation p. 660).

³⁰⁴ Quoted in Brendan Simms, *Three victories and a defeat. The rise and fall of the first British Empire, 1714–1783* (London, 2007), p. 393.

На практике, однако, колонисты были плохо подготовлены и собственными силами не могли справиться даже с франко-индейской угрозой. Им не доставало общей цели и перспективы. «Сейчас, – сокрушался Франклин, – мы схожи с отдельными волокнами, из которых совется нить; мы лишены сил, ибо не имеем связей, зато союз сделает нас сильными и даже грозными».³⁰⁵ Это было проиллюстрировано в 1754 году, когда британцы создали конгресс в Олбани, в колонии Нью-Йорк, для обсуждения совместной обороны колоний от французов и индейцев. Британцы предложили, чтобы отдельные колонии не действовали против индейцев спонтанно и автономно, чтобы они объединили ресурсы и координировали усилия. Это предложение было отвергнуто всеми колониями, даже теми, что, как Пенсильвания, больше других страдали от разобщенности. Губернатор Массачусетса Шерли заметил, что «собраниям не нравится план, составленный комиссарами в Олбани, потому что в нем видят угрозу свободам и привилегиям колоний».³⁰⁶

В начале 1750-х годов вокруг Британии и Пруссии затягивался узел. Согласно договору, подписанному в Аранхуэсе в 1752-м, французы, испанцы и австрийцы заключили мир в Италии с тем, чтобы все три этих государства сосредоточили силы против Лондона и Потсдама. Британская «имперская избирательная схема» исчерпала себя, не в последнюю очередь потому, что австрийцы не хотели открыто отдаляться от Франции. Экспедиция генерала Брэдокса, состоявшая из регулярных частей и ополчения колонистов, была разгромлена французами и индейцами на реке Мононгахела в 1755 году.³⁰⁷ В мае 1756 года голландцы объявили о своем нейтралитете и нанесли тем самым еще один удар «старой системе». На юге саксонцы были готовы присоединиться к Австрии. Они давно воспринимали Пруссию как «досадную помеху», вклинившуюся между ними и Польским королевством. Больше всего тревожило нарастающее сближение Австрии и Франции, кульминацией которого стал Версальский договор, заключенный между двумя странами в мае 1756 года. Это была воистину дипломатическая революция, покончившая с враждой между Габсбургами и Бурбонами/Валуа, что длилась более двух столетий. Договор имел важнейшие последствия для соотношения сил в Священной Римской империи. Фридрих столкнулся с воплощением своих кошмарных снов, в которых Пруссия отдавала Силезию Австрии, уступала Померанию Швеции, Магдебург и, возможно, что-то еще – Саксонии, а Восточную Пруссию «дарила» либо Польше (в обмен на уступку восточных польских земель Санкт-Петербургу), либо напрямую России. Кауниц втайне мечтал о «полном уничтожении» Пруссии.

Шансы Фридриха на выживание в этом враждебном окружении заключались в согласованной внутренней и внешней политике. «Мне доводилось видеть, как малые государства одерживали верх над величайшими монархиями, – писал Фридрих, – в том случае, когда у них имелась промышленность и был порядок в делах».³⁰⁸ Кантональная система обеспечивала постоянный приток рекрутов из крестьян и офицеров-аристократов; взамен король полагал «своим долгом защищать дворянство, прекраснейшую драгоценность короны, прославившую его армию».³⁰⁹ Правильное управление позволяло получать больше доходов с

³⁰⁵ Ibid., p. 391.

³⁰⁶ A. G. Olson, 'The British government and colonial union, 1754', *William and Mary Quarterly*, Third Series, XVII, 1 (1960), pp. 24–6 (quotation p. 26).

³⁰⁷ Fred Anderson, *Crucible of war. The Seven Years War and the fate of empire in British North America, 1754–1766* (New York, 2000).

³⁰⁸ Frederick the Great, *The history of my own times* (1746). Posthumous works of Frederic II. King of Prussia (London, 1789), Vol. I, p. xx. I thank Ilya Berkovich for this reference.

³⁰⁹ Quoted in Tim Blanning, 'Frederick the Great', in Brendan Simms and Karina Urbach (eds.), *Die Rückkehr der 'Grossen Männer'. Staatsmänner im Krieg – ein deutsch-britischer Vergleich 1740–1945* (Berlin and New York, 2010), p. 18.

населения; при Фридрихе сбор налогов увеличился втрое, причем 83 процента этих средств тратились на оборону, даже в мирный период 1745–1756 годов. Фридрих также сумел расположить к себе религиозных диссидентов, нашел общий язык с католиками, особенно с теми, кто проживал в стратегически важной Силезии. Главной заботой Фридриха при этом оставалась Германия. Требовалось помешать Габсбургам, стремившимся использовать свою императорскую корону для мобилизации империи против Пруссии. «Со времен Фердинанда I, – писал король, – принципы Австрийского дома сводились к осуществлению в Германии политики деспотизма». По этой причине необходимо было блюсти «свободы Германии», то есть поддерживать баланс власти между императором и представительными собраниями.³¹⁰ Фридрих верил, что равновесие в империи является основой, от которой зависит Европа в целом. Он не сомневался в том, что, если Габсбургам удастся нарушить это равновесие, они со временем подчинят себе всю Европу, а следовательно, и Пруссию. Однако прусский король не нашел значимых союзников ни внутри, ни вне Германии, за исключением Великобритании, которой он пообещал защищать Ганновер в обмен на инвестиции, как оговаривалось в соглашении, подписанном обеими странами в Вестминстере в январе 1756 года. Как ни парадоксально, действия Фридриха помогли Вене запустить против него имперскую машину.

Открытая война в Европе и Америке в 1755–1756 годах неумолимо приближалась, и Великобритания с Пруссией приняли меры предосторожности. Лондон одобрил еще более жесткие шаги в отношении подавления внутренней угрозы. В горной Шотландии начались, выражаясь современным языком, «зачистки»: мелких фермеров уговаривали или заставляли бросать свои земли, отчасти ради более продуктивного использования этих владений, но прежде всего в стремлении расправиться с якобитами и лишить Францию потенциального союзника. Франкоязычное католическое население Новой Шотландии, которое давно являлось настоящей «занозой» для британского правительства, в 1755 году преимущественно депортировали – около 7000 человек из беспокойных «новых скоттов» – в тринадцать колоний и расселили в Массачусетсе, Виргинии и Мэриленде, а затем переправили в Луизиану. Теперь эти люди не представляли серьезной опасности. В обоих случаях британское государство решало стратегическую проблему посредством «этнической чистки».³¹¹

К суровым мерам прибегнул и Фридрих. После дипломатической революции его все больше беспокоила Саксония – «меч, нацеленный в сердце Бранденбурга».³¹² Информатор из саксонского министерства иностранных дел сообщил, что курфюрст выжидает удобный момент, чтобы сбросить маску, и нападет на Пруссию в союзе с Марией Терезией, Людовиком и русской царицей. Русские настаивали на немедленном ударе, но австрийцы упростили повременить до следующего года. Фридрих решил действовать на опережение. В августе 1756 года он вторгся в Саксонию и быстро оккупировал княжество целиком. Едва ли не прежде всего он велел обследовать архив столицы Саксонии, Дрездена, и отыскать документы, которые оправдали бы его превентивное вторжение. Такие документы действительно были найдены и опубликованы для всеобщего изучения в том же году – вместе с заявлением короля, что «всякого, ожидающего тайно спланированного нападения, можно обвинить во враждебных действиях, но не в агрессии».³¹³ Фридрих обращался к немцам, пытался внушить имперскому сейму, что нет необходимости в санкциях против Пруссии за вторжение в Саксонию. Ему удалось избежать отторжения своих земель, однако он не убедил рейхс-

³¹⁰ Frederick the Great, *History of my own times*, Vol. I, pp. 214–15.

³¹¹ Об изгнании аккадцев как «этнической чистке» см. Geoffrey Plank, *An unsettled conquest. The British campaign against the peoples of Acadia* (Philadelphia, 2001), pp. 140–57.

³¹² Quoted in H. M. Scott, *The emergence of the eastern powers, 1756–1775* (Cambridge, 2001), p. 26.

³¹³ Erich Everth, *Die Öffentlichkeit in der Aussenpolitik von Karl V. bis Napoleon* (Jena, 1931), pp. 355–60 (quotation p. 360).

таг, который в январе 1757 года объявил ему войну. Неторопливая мобилизация имперской армии завершилась присоединением к французам.

Возникший в результате конфликт получил впоследствии название Семилетней войны.³¹⁴ Поначалу события развивались неважно как для Британии, так и для Пруссии. Летом 1756 года французские войска оккупировали Менорку и отбили нападение «эскадры спасения» под командованием адмирала Бинга. Британия испытала еще большее унижение, когда в конце года страну охватила паника перед вторжением и она вынуждена была призвать на защиту своего южного побережья ганноверских наемников. В 1757 году дела шли немногим лучше: неудачи в Америке затмила катастрофа в Ганновере, где экспедиционный корпус под командованием герцога Камберлендского потерпел поражение в коротком бою с французами и капитулировал по условиям Цевенского соглашения.³¹⁵ Пруссия в свою очередь увязла в боях с австрийцами в Богемии и понесла чувствительное поражение в битве при Колине в июне 1757 года. В мае 1757 года Франция заключила второй Версальский договор о размещении в Германии армии численностью в 100 тысяч человек против Фридриха и согласилась выплачивать Австрии субсидии до тех пор, пока та не вернет себе Силезию. На востоке русские захватили Мемель и в конце 1757 года одержали важную победу при Гросс-Егерсдорфе. На севере шведы спустя четыре месяца вошли в Померанию. Фридрих оказался в полном окружении. Лишь военный гений короля помог ему в ноябре 1757 года разбить объединенную французско-имперскую армию в битве при Росбахе. Германская имперская армия, или *Reichsexecutionsarmee* (жестоко прозванная *Reissausarmee*, «улепетывающей армией»), сделалась предметом всеобщих насмешек; ее командующий заявил, что скорее застрелится, чем «снова поведет ее в бой».³¹⁶ Вскоре после этого Фридрих разбил австрийцев в битве при Лейтене. Примерно тогда же Британия отказалась от Цевенского соглашения и приступила к формированию крупной армии британских, ганноверских и других немецких наемников, чтобы защитить Северную Германию от французов. В начале 1758 года командующий этой армией герцог Фердинанд Брауншвейгский обратил французов в бегство.

Война оказала немалое влияние на внутривнутриполитическую обстановку по всей Европе. В Британии поражения 1756–1757 годов породили, если можно так выразиться, моральную и политическую панику. В имевшем широкое хождение трактате преподобный Джон Браун уподобил унижение британцев «тщеславной, разукрашенной и эгоистичной женственности».³¹⁷ Дорога к спасению заключалась в моральном возрождении и создании национального ополчения, каковое объединило бы все слои населения и отразило бы «истинно мужской» характер народа. Уильям Уильямс в 1757 году проповедовал: «Каждый подданный, каждый мужчина – солдат».³¹⁸ Эти настроения «материализовал» законопроект об ополчении (1757). Кроме того, в обществе крепло убеждение в том, что государству следует больше заботиться о медицинском обслуживании немногочисленной мужской половины населения, сильно пострадавшей от болезней в заморских экспедициях и от «гнусностей и тягот германских дебрей».³¹⁹ Во Франции катастрофа при Росбахе – которую Вольтер назвал унижением

³¹⁴ D. A. Baugh, *The global Seven Years War, 1754–1763. Britain and France in a great power contest* (Harlow, 2011).

³¹⁵ В отечественной историографии после С. М. Соловьева установилось обозначение «Клостерсевенское соглашение»: эту конвенцию подписали в Цевенском монастыре (кlostере). *Примеч. ред.*

³¹⁶ Helmut Neuhaus, 'Das Problem der militärischen Exekutive in der späthphase des Alten Reiches', in Johannes Kunisch (ed.), *Staatsverfassung und Heeresverfassung in der europäischen Geschichte der Frühen Neuzeit* (Berlin, 1986), pp. 297–346 (quotations pp. 297 and 299).

³¹⁷ Philip Carter, 'An "effeminate" or "efficient" nation? Masculinity and eighteenth century social documentary', *Textual Practice*, 11 (1997), pp. 429–43 (quotation p. 429).

³¹⁸ Matthew McCormack, 'The new militia: war, politics and gender in 1750s Britain', *Gender & History*, 19 (2007), pp. 483–500 (quotation p. 497).

³¹⁹ Erica Charters, 'The caring fiscal military state during the Seven Years War, 1756–1763', *Historical Journal*, 52 (2009), pp.

хуже тех, что страна испытала в Столетнюю войну³²⁰ – заставила заговорить о «национальной болезни», под чем разумелось «разложение» народа «роскошью» и пренебрежением к множеству людей, пашущих землю, в пользу «женоподобных щеголей».³²¹

Прямым следствием войны стали перемены в большой политике и в большой стратегии. Францию потрясло известие о разгроме при Росбахе – самой сокрушительной военной катастрофе монархии после Бленхейма. Главный министр кардинал де Берни так и не оправился впоследствии от этого удара по авторитету нации и по собственной репутации. «В войсках совершенно отсутствовала дисциплина, – писал он позднее. – Предательство и некомпетентность – вот приметы наших дней. Полководцы и вся нация совершенно утратили боевой дух».³²² В том же году Берни лишился власти. В Лондоне начальные поражения Британии привели к формированию нового правительства, которое возглавил оппозиционер Уильям Питт. Война также обострила давнее противостояние между вигами, которые по-прежнему цеплялись за стратегию военной и дипломатической вовлеченности в дела Европы, и тори, которые желали покончить с «континентальными обязательствами» и сосредоточить усилия на победе над Францией в колониях и на море. Уильяму Питту удалось отыскать компромиссное решение. Он увеличил расходы и на «германские дела», и на операции в колониях, но основное внимание сам уделял империи, надеясь сковать французские ресурсы в Европе и добиться тем самым преимущества Британии за океаном.³²³ Усилия Питта в 1759-м были вознаграждены «годом побед». В июле был захвачен важный для Франции «сахарный» остров Гваделупа. В начале августа англо-германское войско нанесло поражение французам при Миндене (Вестфалия). Позже в том же месяце французская эскадра потерпела поражение в бухте Лагоса, а в середине сентября армия генерала Вольфа захватила Квебек. «Не сумей бы занять французов в Германии, – говорил Питт, – они бы перебросили свою армию в Америку... Америка была завоевана в Германии».³²⁴ Другими словами, заморская империя Британии была спасена благодаря операциям в Священной Римской империи.

Франция не смогла добиться подобного «синтеза». Жаркие дебаты относительно большой стратегии страны, вспыхнувшие в 1756 году, доминировали в политике последующие тридцать лет. Основной темой служил австрийский альянс, заключенный в ходе дипломатической революции. Это сближение шло вразрез с французской дипломатической традицией и было осмеяно практически сразу после того, как началось, публицистом Жаном-Луи Фавье в его полемической статье «*Doutes et questions*»,³²⁵ написанной по заказу антиавстрийской партии при дворе. Фавье обвинил сторонников альянса в отказе от давних союзов Бурбонов со Швецией, Турцией и Польшей. Боее того, по мнению Фавье, альянс с Россией и Австрией был губительным для Пруссии и полезным для «наследственного врага», то есть Габсбургов, а также позволял русским проникнуть еще глубже в Священную Римскую империю – эту политику сурово критиковали французские дипломаты. Все аргументы излагались классическим языком «моральной паники», и «противоестественный альянс» приписывался зло-

921–41, especially pp. 937–40 (quotation p. 939).

³²⁰ H. M. Scott, 'The decline of France and the transformation of the European states system, 1756–1792', in Peter Krüger and Paul W. Schroeder (eds.), *The transformation of European politics, 1763–1848. Episode or model in modern history?* (Oxford, 1996), pp. 105–28 (Voltaire quotation p. 114).

³²¹ John Shovlin, *The political economy of virtue. Luxury, patriotism and the origins of the French Revolution* (Ithaca and London, 2006), pp. 54–5.

³²² Quoted in Bailey Stone, *The genesis of the French Revolution. A global-historical interpretation* (Cambridge, 1994), p. 55. See also T. C. W. Blanning, *The French Revolutionary Wars, 1787–1802* (London, 1996).

³²³ Brendan Simms, 'William Pitt the Elder. Strategic leadership at home and abroad during the great war for the empires (1756–1763)', in Simms and Urbach (eds.), *Die Rückkehr der 'Grossen Männer'*, pp. 29–48, especially pp. 32–4.

³²⁴ Brendan Simms, 'Pitt and Hanover', in Brendan Simms and Torsten Rott (eds.), *The Hanoverian dimension in British history, 1714–1837* (Cambridge, 2007), pp. 28–57 (quotation p. 55).

³²⁵ «Сомнения и вопросы» (фр.). *Примеч. ред.*

козненным махинациям любовницы короля, мадам де Помпадур. Фиаско при Росбахе будто бы подтвердило правоту критиков. Общественное мнение, поначалу не имевшее определенного отношения к договору с Австрией, теперь решительно стало его осуждать. Народ с воодушевлением читал статью Фавье и прочие филиппики такого рода, ходившие в рукописном виде по Парижу.³²⁶

Новый французский главный министр герцог де Шуазель сократил французское присутствие в Германии и сосредоточился на противостоянии Британии за океаном – при помощи Испании, если будет возможно. Новая стратегия, однако, не смогла изменить сложившегося положения. В 1760 году пал Монреаль, а когда в 1762 году Испания наконец вступила в войну на стороне французов, результат оказался плачевным, и перечень заморских поражений только пополнился. Британский экспедиционный корпус быстро захватил Манилу и Гавану. Фридрих Великий, с другой стороны, очутился на грани полного изнеможения сил. Он потерпел целый ряд серьезных поражений от Габсбургов, в октябре 1760 года австрийцы даже ненадолго захватили Берлин. Главную угрозу, однако, представляли собой русские, которые в 1758 году остановили Пруссию у Цорндорфа, а в 1759-м разгромили Фридриха при Кунерсдорфе. Король полагал, что теперь его может спасти только чудо, и в декабре 1761 года это чудо случилось: скончалась царица Елизавета. Трон унаследовал пруссофил Петр III, который в мае того же года отказался от союза с Австрией и Францией, а в июне даже заключил союз с Фридрихом.

Фридрих не сумел воспользоваться неожиданной передышкой, поскольку в июле 1762 года Петр III был свергнут и убит; ему наследовала супруга Екатерина. Она разорвала договор с Пруссией, однако обозначила желание покончить с враждой. Британия тоже была утомлена войной, беспокоилась в связи с французскими успехами в Германии и намеревалась отстоять свои колониальные владения. В мае 1762 года Лондон «вычеркнул» Фридриха – новый король Георг III, его правительство, парламент и население устали от «германской войны». Столкнувшись с этой общей позицией, обескровленный Фридрих согласился вложить меч в ножны. В 1763 году колониальная война между Британией и Бурбонами завершилась подписанием Парижского договора, а война с Германией – подписанием Губертусбургского договора. На суше Пруссия сохранила Силезию, и ей не пришлось выплачивать Австрии «компенсацию». За океаном и в колониях французы уступили Канаду, оставив себе лишь крошечный кусочек владений (острова Сен-Пьер и Микелон); кроме того, они удержали африканскую колонию Сенегал и цепочку территорий на Карибах, включая Гренаду и Сент-Винсент. Испания вернула Гавану и Манилу, но передала Британии Флориду. Взамен она получила от Франции Луизиану, которая была значительно больше нынешнего штата, носящего то же имя. Мировой баланс сил явно сместился в пользу Британии благодаря успехам ее политики в Священной Римской империи, в то время как равновесие сил в Европе, на которое опиралась межгосударственная система, изменилось с учетом возвышения России и Пруссии и относительного упадка Австрии и Франции.

Семилетняя война заставила призадуматься побежденную коалицию Бурбонов и Габсбургов.³²⁷ Французский министр Шуазель полагал, что в катастрофе повинно решение сражаться на два фронта – в Европе и за морем. Поэтому, утверждал он, Франции следует на континенте проводить политику «удержания» и при этом использовать альянс с Австрией, чтобы помешать Британии организовать «диверсии» в Германии, а основные усилия направить на развитие флота. Критики правительства, со своей стороны, уверяли, что после 1756 года Франция избрала неправильную стратегию. По их мнению, главным противником явля-

³²⁶ Gary Savage, 'Favier's heirs: the French Revolution and the secret du roi', *Historical Journal*, 41 (1998), pp. 225–58.

³²⁷ Hamish Scott, 'The Seven Years War and Europe's ancien régime', *War in History*, 18 (2011), pp. 419–55.

лась не Британия, а по-прежнему Австрия. Сохранение альянса с Габсбургами после 1763 года доказывало, что монархия так ничему и не научилась в ходе войны, и намекало на продолжение отступления из Восточной и Центральной Европы и – самое главное – из Германии. Многие французские дипломаты опасались, что эта стратегия откроет русским дорогу на запад. Санкт-Петербург, как выразился один чиновник, намерен «поощрять анархию в Польше, чтобы поработить ее», добиться «влияния в Германии» и в конце концов «привести войска на Рейн... а следом незамедлительно примчатся азиатские орды, которые покорят Италию, Испанию и Францию, часть населения этих стран уничтожат, часть поработят и отправят заселять пустыни Сибири».³²⁸ Германия, по мнению критиков, была для Франции бастионом против восточного деспотизма. Что касается Австрии и Пруссии, ветеран французской дипломатии и эксперт по Германии Луи-Габриэль дю Бюа-Нансе предупредил, что Франции не следует солидаризироваться с кем-либо из ведущих германских государств; нужно сохранять баланс между ними, чтобы помешать «формированию объединенной германской монархии, которая перевернет всю европейскую государственную систему».³²⁹ Коротко говоря, элита все больше склонялась к убеждению, что старый режим не способен защитить национальные интересы Франции, особенно в Священной Римской империи.

Для многих критиков, при Росбахе потерпела катастрофу не конкретная политика, а социально-политическая система в целом. Королевская авторитарность и господство аристократии опирались на военную мощь, лежали в основе исходных феодальных «контрактов» Средних веков и их производных. Поражение в Семилетней войне стало серьезным ударом по армии и дворянству; стало понятно, что заслуги должны цениться выше привилегий. Монархия и аристократия утрачивали легитимность, и это обстоятельство постепенно осознавалось, что порождало жаркие споры относительно форм социальной организации, которые сделают Францию более конкурентоспособной в европейской государственной системе. Большинство соглашалось с тем, что существующая система, с ее спесивыми наследственными аристократами и продажей должностей, крайне неэффективна. Шуазель и большинство военных реформаторов поддерживали прусскую (а еще лучше – русскую) модель, где использовалась «каста» государственных служащих, получавшая вознаграждение за заслуги и реальные дела. Другие предпочитали британский «коммерческий» нобилитет.³³⁰ Некоторые призывали к сочетанию этих двух систем. Меньшинство, представителем которого являлся, в частности, Жан-Жак Руссо, ратовало за армию граждан. Стоимость войны также заставляла многих требовать большего участия в политической жизни. Аббат Мабли утверждал, что нация должна одобрять налоги через представительные собрания, но попытки короны удвоить налоги на аристократию (и только на нее) вызвали первые общенациональные протесты с конца семнадцатого века. Эти «бунтари» заявляли, что «нация» должна одобрять все налоги без исключения. Все вместе перечисленные вызовы представляли собой угрозу старому режиму – и одновременно возможности. Успешная национальная программа могла сплотить народ, но тот явно не собирался прощать очередной неудачи.

В Испании поражение в Семилетней войне и сохранение британской угрозы после 1763 года обернулись реализацией полномасштабной программы реформ.³³¹ Она имела принципиальное значение для статуса Испании как европейской державы, поскольку от благополучия «американской» империи зависела безопасность монархии по сию сторону

³²⁸ Quoted in Hugh Ragsdale, 'Russian projects of conquest in the eighteenth century', in Ragsdale (ed.), *Imperial Russian foreign policy* (Cambridge, 1993), p. 76.

³²⁹ Quoted in Externbrink, Friedrich der Grosse, p. 339.

³³⁰ О кризисе французской аристократии после Семилетней войны: William Doyle, *Aristocracy and its enemies in the Age of Revolution* (Oxford, 2009), pp. 57, 83 and *passim*.

³³¹ Gabriel B. Paquette, *Enlightenment, governance and reform in Spain and its empire, 1759–1808* (Basingstoke, 2008).

Атлантики. В колониях проживало 9 миллионов человек, почти столько же, сколько в самой метрополии, и они являлись источником доходов казны. Поэтому испанское правительство в 1763 году учредило секретную комиссию, которой поручили заняться обороной колоний. Год спустя комиссия сообщила, что требуется больше солдат, местных налогов и фортификаций.³³² Необходимые суммы можно было отыскать только в колониях. За океан, к вице-королям, отправились чиновники, в 1765 году побывавшие в Новой Испании, а в следующие десять лет – в Перу и Новой Гранаде. Местных чиновников заменили эффективными и непопулярными интендантами из метрополии. Правительство приступило к изучению вопроса о привлечении большого количества рабов к труду в карибских колониях, особенно на Кубе, для увеличения производства сахара; к концу столетия «импорт» чернокожих рабов из Африки шел полным ходом.³³³ Рабство и место Испании в европейской государственной системе оказались тесно взаимосвязаны.³³⁴

Габсбурги на протяжении 1760-х годов изучали итоги Семилетней войны. Одна фракция, во главе с канцлером Кауницем, помышляла о мести Пруссии. Другую фракцию возглавлял сын и наследник Марии Терезии Иосиф, соправитель матери, в 1764 году избранный «римским королем» и наследовавший своему отцу в качестве императора год спустя. Иосиф не отказывался от идеи сближения с Фридрихом, не в последнюю очередь потому, что его тревожило нарастание могущества России. Кауниц и Иосиф также расходились во мнениях относительно последствий войны для внутренней политики. Иосиф настаивал на немедленном увеличении военных расходов и численности армии, что подразумевало масштабные социально-экономические реформы. Кауниц придерживался стратегии устойчивого экономического роста, увеличения доходов от налогообложения и обретения тем самым в отдаленной перспективе военно-политического влияния. В обоих случаях внутренняя политика виделась второстепенной, ибо для Иосифа и для Кауница внутренние реформы были продолжением внешней политики иными средствами.³³⁵ В марте 1770 года состоялась перепись населения, чтобы дать правительству более ясное представление о ресурсах, «людских, животных и неодушевленных», доступных для мобилизации в будущем.

Семилетняя война также спровоцировала бурные дискуссии о будущем Священной Римской империи.³³⁶ Некоторые, восхищаясь победой Фридриха над французами при Росбахе, видели в прусском короле избавителя от «наемников Людовика [XV]», которые пытались «оторвать» от Германии больше земель.³³⁷ Другие, не забывшие о нападении Фридриха на Саксонию, испытывали двойственные чувства. Но те и другие соглашались в двух отношениях. Во-первых, немцы искренно любили и гордились своим рейхом, который олицетворял для них «оплот» порядка и легитимности в окружавшем его алчном и хаотическом мире. Немецкие крестьяне, даже беднейшие, ощущали защиту императора, избавившего их от массовых экспроприаций, каковые постигли шотландских горцев и франкоаккадцев. Возможно, «склеротические» имперские суды не спешили вершить справедливость, а потребность в конфессиональном единстве не воодушевляла имперский сейм, однако после травм Тридцатилетней войны было признано, что цена стоила понесенных жертв. Во-вторых, события

³³² J. H. Elliott, *Empires of the Atlantic World. Britain and Spain in America, 1492–1830* (New Haven and London, 2006), p. 299.

³³³ D. R. Murray, 'Statistics of the slave trade to Cuba, 1790–1867', *Journal of Latin American Studies*, 3, 2 (1971), pp. 131–49. I am grateful to Carrie Gibson and Felicitas Becker for very useful conversations on this subject.

³³⁴ Evelyn Powell Jennings, 'War as the "forcing house of change": state slavery in late-eighteenth-century Cuba', *William and Mary Quarterly, Third Series*, LXII (2005), 411–40.

³³⁵ Scott, *Emergence of the eastern powers*, pp. 76 and 79.

³³⁶ Manfred Schort, *Politik und Propaganda. Der Siebenjährige Krieg in den zeitgenössischen Flugschriften* (Frankfurt am Main, 2006), p. 463.

³³⁷ Hans-Martin Blitz, *Aus Liebe zum Vaterland. Die deutsche Nation im 18. Jahrhundert* (Hamburg, 2000), pp. 160–67 (quotation p. 165).

1756–1763 годов, когда иностранные державы, что называется, истоптали империю вдоль и поперек, убедили многих немцев в том, насколько хрупким и слабым является их государство. Это ощущение выразил в своих записках Фридрих Карл фон Мозер. В трактате «О национальном духе Германии» (1765) он утверждал, что Германии нужна правительственная структура, способная сдерживать внутреннее напряжение и давать отпор внешней агрессии. «Кто осмелится напасть на Германию, – восклицал он, – если Германия будет единой?» Впрочем, поддержка имперских реформ вскоре иссякла. «Недостатки, обнаженные войной, в том числе в армии, столь велики, столь многочисленны и многообразны, – сокрушался Мозер в 1768 году, – что если Германская империя сохранит нынешнее состояние, ей следует запретить даже думать о войне, насколько сие вообще возможно».³³⁸

На востоке о своем положении в государственной системе размышляла царская Россия. С военной точки зрения, она удачно действовала в Семилетней войне, однако ее правители болезненно сознавали, что необходимы серьезные внутренние реформы, чтобы страна осталась конкурентоспособной на европейской сцене. «Россия, – писала в 1767 году Екатерина Великая в первых строках «Наказа комиссии о составлении проекта нового уложения», – страна Европейская». В следующем абзаце говорилось, что Россия стала великой державой, будучи европейской, то есть «ввела нравы и обычаи европейские». Екатерина имела в виду вовсе не репрезентативные институты Европы, а европейский абсолютизм. Далее в «Наказе» объяснялось, что «государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно со пространством столь великого государства». Екатерина обозначила и цель монархии: «Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и Государя» (здесь она подразумевала территориальную экспансию и военный успех); «от сея славы, – было сказано далее, – происходит в народе, единоначалием управляемом, разум вольности, который в державах сих может произвести столько же великих дел и столько споспешествовать благополучию подданных, как и самая вольность». Иными словами, русские получали «компенсацию» за отсутствие свобод в виде славы государства как великой европейской державы.³³⁹

Два победителя, Пруссия и Великобритания, по окончании войны испытывали смешанные чувства – стратегическая неуверенность сочеталась с внутренним спокойствием. После 1763 года Фридриха тревожило нарастание могущества России: «этот снежный ком» угрожал раздавить Пруссию, как лавина. Союз с Россией в 1764 году обеспечил временную передышку. В «Политическом завещании» 1768 года Фридрих писал, что «государство не может сохранить себя без большой армии, поскольку мы окружены врагами, которые сильнее нас, так что в любой момент мы должны быть готовы себя защитить».³⁴⁰ По мнению прусского короля, это не требовало более широкого политического участия или социальных реформ. Напротив, он был убежден, что лишь строгое следование народа монаршей воле позволило Пруссии пережить трудные времена. Фридрих подумывал об отмене крепостничества после прекращения военных действий, однако успех «военно-аграрного комплекса» отнюдь не побуждал к проведению фундаментальных социальных реформ. Дееспособная прусская администрация сумела обеспечить содержание армии на доходы от Силезии, где Габсбурги прежде едва набирали средства на содержание двух кавалерийских полков.³⁴¹ В 1763 году прусская армия насчитывала 150 тысяч человек, к 1777 году увеличилась до 190

³³⁸ Quoted in Neuhaus, 'Das Problem der militärischen Exekutive', p. 301.

³³⁹ 'The Instructions to the Commissioners for Composing a New Code of Laws', Moscow, 30 July 1767, in William F. Reddaway (ed.), Documents of Catherine the Great. The correspondence with Voltaire and the Instruction of 1767 in the English text of 1768 (Cambridge, 1931), pp. 216–17.

³⁴⁰ Quoted in Scott, Emergence of the eastern powers, p. 99.

³⁴¹ Franz A. J. Szabo, Kaunitz and enlightened absolutism, 1753–1780 (Cambridge, 1994), p. 76. I am grateful to Daniel Robinson for this reference.

тысяч, а перед смертью Фридриха в 1786 году численность армии выросла до невероятных почти двухсот тысяч человек. Тем не менее король жил в страхе перед соседями. Фридрих как-то сказал одному высокопоставленному дипломату, что на своем гербе вместо черного орла ему следовало бы изобразить обезьяну, потому что Пруссия всего лишь подражает великим державам.

В Британии окончание Семилетней войны повлекло за собой немедленные политические и стратегические последствия. Первый министр, маркиз Бьют, подвергся столь яростным нападкам общественности за «оставление» Пруссии и ее «благородного» короля Фридриха, что он подал в отставку в начале апреля 1763 года.³⁴² Одновременно триумф 1763 года спровоцировал волну национальной гордости. Победу приписывали превосходству британской коммерции и доблести. Эта гордость нашла отражение и в британской внешней политике. Рутиной сделались демонстрации морской силы по отношению к Франции и Испании. К примеру, в 1763 году эскадру отправили на Теркс (Каймановы острова) для устрашения французов, а в заливе Гондурас напугали испанцев. Такие действия выглядели соблазнительно, поскольку доставляли удовлетворение без применения силы, однако они принесли Британии репутацию высокомерной страны. Кроме того, «морские афронты» позволили Лондону сократить свое дипломатическое и военное присутствие в Европе, особенно в Священной Римской империи, и оставить последнюю в опасной изоляции.³⁴³ Очень скоро стало ясно, что победа в Семилетней войне отнюдь не покончила с Бурбонами – совсем наоборот. Вместо широкой коммерческой агломерации торговых пунктов и колоний Британия теперь несла ответственность за широко раскинувшуюся империю, периметр которой обнаруживал все новые уязвимости. На западе это была «миазматическая» граница с испанцами и с воинственными индейскими племенами в долине реки Миссисипи. На севере потенциальную «пятую колонну» представляла собой община индейцев в Квебеке, слишком крупная, чтобы ее депортировать. В 1763–1764 годах британскую Северную Америку потрясло восстание Понтиака, снова продемонстрировавшее слабость колониальных структур обороны.

Кабинет министров поспешил заняться обороной империи. Во-первых, в октябре 1763 года появился указ, запрещающий селиться к западу от Аппалачей. Эта мера была призвана умиротворить индейцев, проживавших в тех местах, успокоить страхи французов и испанцев, которых беспокоила британская колониальная экспансия, и сократить периметр границ, которые приходилось оборонять и без того чрезмерно растянутой королевской армии. Во-вторых, были составлены планы, предусматривавшие удвоение заморских вооруженных сил. Около двух третей этих войск подлежали развертыванию в Северной Америке, главным образом вдоль западной границы, а остальные предполагалось отправить на Карибы. В результате Семилетней войны Британия изрядно задолжала, и платить за реформы пришлось колонистам. Как сказал премьер-министр Великобритании лорд Гренвилл, «защита и послушание неразрывно связаны... Нация загнала себя в огромные долги, чтобы обеспечить колонистам защиту, а теперь их призывают внести свою малую лепту на общественные расходы». С этой целью кабинет ввел в действие сначала Сахарный закон, а затем закон о гербовом сборе на собственность, «имеющуюся в Северной Америке и Вест-Индии». Цель состояла в поддержке значительного военного контингента в долинах рек Огайо и Миссисипи. Аналогичные меры разрабатывались для Ирландии и особенно для Индии, где Ост-Индская компания являлась эффективной «дланью» государства.³⁴⁴

³⁴² Kathleen Wilson, *The sense of the people. Politics, culture and imperialism in England, 1715–1785* (Cambridge, 1995), pp. 215–16.

³⁴³ Michael Roberts, *Splendid isolation, 1763–1780* (Reading, 1970).

³⁴⁴ Quoted in Simms, *Three victories*, p. 536. See also P. J. Marshall, *The making and unmaking of empires. Britain, India and America, c. 1750–1783* (Oxford, 2005), pp. 1–3, 59–60, 273–310, and *passim*.

Наследие Семилетней войны ощущалось и в более слабых государствах, отчаянно старавшихся не уступать в конкуренции в рамках европейской государственной системы. Польша, к примеру, отреагировала на перемены в Центральной и Восточной Европе попыткой возродиться в качестве независимого игрока. В 1717 году царский указ сократил польскую армию до 24 000 человек, но потенциальная численность национальной армии была огромной. В 1750-х и в 1760-х годах, например, отдельные магнаты имели возможность выставять большое войско; самый богатый из них, Михаил Радзивилл, содержал до 10 000 бойцов. Собрать многочисленную армию Речи Посполитой мешало не только внешнее вмешательство, но и хроническая склонность к внутреннему размежеванию и анархии. Коллективное принятие решений было практически невозможным из-за *liberum veto*. Как заметил в 1763 году русский канцлер граф Михаил Илларионович Воронцов, «Польша не вылезает из мятежей; покуда она сохраняет свою конституцию, ей не место в ряду европейских держав».³⁴⁵ В самом деле, поляки настолько привыкли к тому, что иные государства действуют в их стране по собственному усмотрению, что прозвали свою родину «европейским постоялым двором» («корчмой Европы»). Новый польский король Станислав Август Понятовский, коронованный в ноябре 1764 года, решил изменить эту ситуацию. Он создал польскую дипломатическую службу, призванную препятствовать магнатам в проведении самостоятельной политики, увеличил численность армии, пытался навести порядок в финансах за счет общих налогов. Сверх того, Станислав Август планировал отменить прецедентное *liberum veto*, которое фактически делало сейм неуправляемым.

Главным в послевоенных дискуссиях, особенно среди проигравших и малых государств, был вопрос о формах правления и социальной организации, наилучшим образом отвечающих потребности в успехе на международной арене. Посему сведения о конфликтах середины столетия, между 1740-м и 1763-м годами, противоречивы. Кому-то казалось, что преимущество за коммерческими парламентскими государствами; в пример ставилась невероятная способность Британии повышать налоги и привлекать кредиты для борьбы на два фронта – в Европе и Америке. Более того, сама Британия выигрывала от открытых дебатов на темы внешней политики, каковые помогали сплотить нацию. В других странах, однако, представительное правление очевидно терпело неудачи, прежде всего в Швеции и Польше. Сообщения о достижениях монархического правления тоже противоречивы. Восстановление штатгальтерства в Нидерландах не активизировало, как в прежние времена, голландскую внешнюю политику, и постепенный упадок Соединенных провинций продолжился. Поражения французов при Росбахе, на море и в Америке также не могли служить рекламой абсолютизма. С другой стороны, милитаристская и «персонализированная» монархия Фридриха Великого, несмотря ни на что, процветала. В тайных политических завещаниях 1752-го и 1768-го годов прусский король подчеркивал важность единоличного правления, которое, как он считал, реагирует на опасные ситуации лучше и быстрее, чем неуклюжие представительные или совещательные органы. В том и заключался парадокс Семилетней войны: победителями из нее вышли Британия и Пруссия, олицетворявшие два идеала государственного устройства – парламентаризм и абсолютизм.³⁴⁶

Общеввропейская волна внутренних и имперских преобразований, вызванная Семилетней войной и ее последствиями, вскоре обернулась чередой кризисов в государственной системе. Первыми «полыхнули» тринадцать колоний, где нарастал конфликт между поселенцами и метрополией. Поводами явились споры из-за хода войны и отношения британских военных к офицерам-колониалам. Американцы – особенно молодой Джордж Вашинг-

³⁴⁵ Quoted in Norman Davies, *God's playground. A history of Poland*. Vol. I: The origins to 1795 (Oxford, 1981), p. 511.

³⁴⁶ T. C. W. Blanning, *The culture of power and the power of culture. Old regime Europe, 1660–1789* (Oxford, 2003).

тон – не слишком удивились поражению Брэдока на Мононгахеле, этому «колониальному Росбаху».³⁴⁷ Королевский указ 1763 года заставил социальный «нарыв» лопнуть. Американские колонисты ожидали, что их вознаградят долиной реки Огайо. Они полагали, что никто, будь то король или министры, не вправе ограничивать территориальную экспансию империи. В колониальных собраниях Северной Америки начало проявлять себя «экспансионистское» лобби, которое рассуждало не только о расширении, но и о величии: им виделось единое британское геополитическое пространство на континенте – от моря и до моря, от Атлантического океана до Мексиканского залива.³⁴⁸ Имперская экспансия, таким образом, стала частью американского проекта еще до независимости, и именно поэтому случилась революция.

Попытки британцев и испанцев провести имперские реформы быстро столкнулись с трудностями. Гербовый сбор 1765 года, целью которого было найти средства на новые вооруженные силы в Америке, вызвал яростные протесты, и его пришлось отменить. «Налоги Тауншенда», принятые в 1767 году, преследовали ту же цель, и их постигла та же судьба. Американцы были готовы – пусть и без удовольствия – согласиться с усилением влияния правительства ради экспансии, но мало кто хотел раскошелиться ради соблюдения королевского указа. Между стратегическими потребностями Лондона и конституционными устремлениями колонистов пролегла роковая пропасть. Реформа, столь необходимая для сохранения империи, теперь угрожала с нею покончить. Желание Испании наладить оборону империи и добиться от колоний поддержки великодержавных устремлений короны в Европе также встретило ожесточенное сопротивление и в 1765 году привело к восстаниям в Кито и Пуэбло.

Приблизительно тогда же программа реформ Станислава Августа Понятовского сделалась неприемлемой для выразителей иных интересов внутри Польши и за ее пределами. Пруско-российская интервенция в октябре 1766 года не позволила ввести общий налог и лишила страну надежды на независимое финансирование, в котором Польша так нуждалась для обеспечения своей обороны. Екатерина также тайно провоцировала народное возмущение. Около половины населения Польши, примерно 5 миллионов человек, исповедовало католицизм; четыре миллиона являлись униатами, то есть православными, признававшими власть папы римского. Остальные, около полумиллиона русских православных и примерно столько же протестантов, считались «раскольниками»; крупная еврейская община в этой классификации и вовсе не учитывалась. В 1767 году конфедерация протестантов и православных при поддержке России потребовала равенства вероисповеданий. В 1768 году король Станислав под нажимом согласился на «вечный мир», который закрепил права верующих – и утверждал доминирование русских Речи Посполитой. Это решение обернулось «патриотическими бунтами»: появилась Барская конфедерация, именовавшая Станислава царской марионеткой. Началась гражданская война. Русские войска вошли в Польшу для «защиты» православия. Опасаясь русского контроля над Польшей и возникновения угрозы своим северным границам, османы решили нанести упреждающий удар. Когда казаки в погоне за польскими конфедератами очутились на турецкой территории, Порты объявила войну Санкт-Петербургу.

Екатерина быстро расправилась с османами. В июле 1770 года турецкий флот был разгромлен при Чесме. Русские войска оккупировали Молдавию и Бессарабию и готовились войти в Валахию. Потсдам и Вена встревожились: они опасались, что победы Екатерины еще ощутимее сдвинут баланс сил в пользу Санкт-Петербурга. Русский «прилив» грозил

³⁴⁷ Ron Chernow, *Washington, a life* (London, 2010), pp. 59–62.

³⁴⁸ Marc Egnal, *A mighty empire. The origins of the American Revolution* (Ithaca and London, 1988). Недавнее исследование о колонистах как «английских империалистах»: Robert Kagan, *Dangerous nation* (New York, 2006), pp. 12–16 and 18.

захлестнуть южный фланг монархии Габсбургов. Фридрих боялся, что «война против турок решит польские дела» и откроет России прямую дорогу к еще большему вмешательству в ситуацию в империи.³⁴⁹ Единственным мирным исходом виделся как можно более равный раздел территориальных завоеваний. В августе 1772 года три восточных государства объявили, что между ними будет проведен раздел территории Речи Посполитой. Значительный кусок Восточной Польши отходил России, австрийцы получили относительно богатую Галицию, а Фридрих аннексировал небольшую, но стратегически очень важную Западную Пруссию, соединив Восточную Пруссию с территориями прусского хинтерланда. «Неприкрытая дерзость» этого раздела доставила некоторое беспокойство Марии Терезии, однако обстоятельства не оставляли ей выбора. Она сразилась со своей совестью – и победила; как заметил Фридрих: «Плачет, но берет».

Спустя два года Екатерина заставила османов подписать Кючук-Кайнарджийский мирный договор. Русские завоевания ограничились побережьем Черного моря. Более важным было неформальное влияние Санкт-Петербурга. Османы отказались от Крымского ханства, которое стало марионеткой России. Екатерина также вынудила Порту признать Россию гарантом прав балканских христиан, которых царица собиралась «защищать» подобно польским «раскольникам». Почти через год, в мае 1775-го, Австрия захватила Буковину, «красиво округлив» свою восточную границу.

Все это имело последствия, выходявшие далеко за пределы Восточной Европы, Скандинавии и Балкан. Пал бастион, не пускавший Россию в Центральную Европу. «Польша, – писал ирландский политический философ и член британского парламента Эдмунд Берк, – являлась естественной преградой для Германии и для северных корон против сокрушительной силы и амбиций России». Раздел Польши угрожал «окончательно разрушить старую систему Германии и севера». Польша могла превратиться в «дорогу, по которой русские войдут в Германию».³⁵⁰ Следовало ожидать дальнейших конкретных шагов в этом направлении. Борьба за Священную Римскую империю вступила в новую фазу.

Влияние международных кризисов на внутреннюю политику Западной Европы было весьма ощутимым. Франция осознала насущность создания в монархии стабильной финансовой базы. Повышение налогов было необходимым, но блокировалось парламентом, который отказывался одобрять королевские указы (вдобавок «капризность» парламента увеличивала для правящего режима стоимость кредитов на международных финансовых рынках). Конфликт, что называется, витал в воздухе, ибо расходы на Семилетнюю войну и на программу реконструкции флота после 1763 года требовалось как-то оплачивать. В 1768 году в Бретани произошла полномасштабная конфронтация: местный парламент обвинил губернатора в неконституционном повышении налогов для финансирования локальной обороны. Парламент в Париже и региональные парламенты поддержали Бретань. Ситуация выглядела тупиковой. Годом позже генеральный контролер предупредил, что «финансы Вашего Величества находятся в самом плачевном состоянии». У короны не осталось выбора. В январе 1771 года канцлер Мопу распустил парламент, несмотря на яростное сопротивление.

Международная турбулентность конца 1760-х и 1770-х годов усилила интервенционистские настроения в Европе. В 1770-х минимум трех германских князей арестовали за злоупотребление властью.³⁵¹ В Британии известные авторы и члены парламента, такие как

³⁴⁹ Jerzy Lukowski, *The partitions of Poland, 1772, 1793, 1795* (London and New York), pp. 52–81 (Frederick is quoted on p. 55).

³⁵⁰ Cited in D. B. Horn, *British public opinion and the First Partition of Poland* (Edinburgh, 1945), pp. 26 and 36–7.

³⁵¹ Bernd Marquardt, 'Zur reichsgerichtlichen Aberkennung der Herrschergewalt wegen Missbrauchs. Tyrannenprozesse vor dem Reichshofrat am Beispiel des südöstlichen schwäbischen Reichskreises', in Anette Baumann, Peter Oestmann, Stephan Wendehorst and Siegrid Westphal (eds.), *Prozesspraxis im Alten Reich. Annäherungen – Fallstudien – Statistiken* (Cologne, Weimar and Vienna, 2005), p. 53.

Джеймс Босуэлл и Берк, выступали в защиту Корсики, которую французы оккупировала в 1768 году, изгнав харизматичного патриота Паскаля Паоли, и за свободу Польши.³⁵² Причиной многих интервенций являлись, разумеется, своекорыстные мотивы. В самом деле, эффективная защита прав меньшинств зависела от взаимосвязи чувств и стратегии; два этих элемента далеко не всегда можно было разделить. Сочувствие делу «свободы» на Корсике, например, проистекало из озабоченности за судьбу свобод в Британии и желания сдержать Францию, от которой эти свободы и зависели. С другой стороны, верно и то, что государства вмешивались в защиту прав, которые сами же нарушали, либо дома, либо за границей. Французская гарантия имперской конституции и обеспокоенность России нарушением польских «свобод» – самые яркие тому свидетельства. Многим европейским государствам или их населению поэтому можно простить некоторую двойственность отношения к интервенциям во имя «свободы» и «толерантности, но фактически нацеленным на сохранение подчиненного положения ряда стран».

При этом «гуманитарная обеспокоенность» не сводилась к стремлению отыскать соринку в глазу соседа и нежеланию увидеть бревно в собственном глазу. Данное утверждение можно проиллюстрировать примером карибского острова Сент-Винсент, аннексированного Британией у Франции и используемого для снабжения продовольствием Барбадоса. Некоторые считали, что туземцы заключили союз с французами на Мартинике. Местные плантаторы требовали колонизировать Сент-Винсент, и Лондон подумывал истребить карибцев, однако отказался от этого намерения, посчитав его неэтичным. Депортация тоже виделась непрактичной, посему было рекомендовано создать резервацию. Когда туземцы оказали сопротивление, против них в 1772 году началась вооруженная кампания. Сообщения о зверствах британских войск вызвали громкие протесты в парламенте, зазвучали требования расследовать «жестокую и бессмысленную», как представлялось общественному мнению, операцию. Член парламента Барлоу Трескотик выступил от имени многих, когда осудил войну против «невинного и безобидного народа».³⁵³ В том же году законодательно запретили рабство в самой Британии, хотя рабский труд по-прежнему широко использовался в колониях, а британские корабли продолжали возить рабов через Атлантику. Вскоре парламент приступил к изучению положения карибцев. Очевидная «гуманитарная» озабоченность выплеснулась за пределы страны.

На другом берегу Атлантики набирала обороты совершенно иная критика британской внешней политики. Североамериканские колонисты тоже сокрушались о нарушении «свобод» на Корсике и публично чествовали изгнанного с родины корсиканского патриота Паоли.³⁵⁴ Одновременно они протестовали против запрета британского правительства селиться на территориях к западу от Аппалачей и возмущались демонтажем фортов (исключительно по финансовым соображениям) за Аппалачами – эти форты предназначались для отражения набегов индейцев, а также для сдерживания франко-испанских притязаний на западные территории. В 1772 году случилось банкротство Ост-Индской компании, которая, как надеялся Лондон, должна была обеспечить своими финансами повсеместную защиту империи. Первый министр лорд Норт пытался спасти компанию в мае 1773 года посредством чрезвычайно непопулярного «чайного» закона. Примерно тогда же Лондон в итоге отверг долгожданный план создания новой западной колонии (современные западная Виргиния и восточный Кентукки) под названием Вандалия, в честь германских предков королевы Шарлотты. В мае 1774 года были эвакуированы Фолклендские острова – отчасти с целью

³⁵² Jennifer Pitts, 'The stronger ties of humanity: humanitarian intervention in the eighteenth century'. I thank Dr Pitts for letting me have sight of her excellent unpublished paper.

³⁵³ Robin A. Fabel, *Colonial challenges. Britons, Native Americans and Caribs, 1759–1775* (Gainesville, 2000), pp. 158–60.

³⁵⁴ George P. Anderson, 'Pascal Paoli: an inspiration to the Sons of Liberty', *Publications of the Colonial Society of Massachusetts*, 26 (1924–6), pp. 180–210, especially pp. 189–91 and 202–3 (for quotations).

экономии средств, отчасти ради умиротворения Испании. В глазах колониальных критиков Британская империя уже распадалась, задолго до революции. Можно сказать, что именно ощущение имперского упадка побудило колонистов к мятежу.³⁵⁵

Квебекский акт 1774 года стал последней каплей. Он сулил французским канадцам религиозную терпимость и был повсеместно воспринят как часть папистского заговора против протестантских свобод. Более всего колонистов возмутил способ, посредством которого этот закон определил внешние границы провинции. Все земли между Огайо и Миссисипи – с 1763 года бывшие предметом яростных споров между Лондоном и экспансионистским лобби колонистов – вошли в состав провинции Квебек. Для многих североамериканцев это угрожало окружением тринадцати колониями со стороны абсолютизма (этакой возрожденной Новой Франции). Поэтому в 1775 году колонисты пошли на конфликт с Лондоном из-за конституционных и стратегических противоречий, вызванных направлением британской внешней политики. «Первым принципом американской независимости и революции, который я когда-то принял и отстаивал, – признавался один из отцов-основателей Джон Адамс, оглядываясь назад, – была необходимость защиты от французов».³⁵⁶

Вскоре британские и местные силы схлестнулись при Лексингтоне.³⁵⁷ Прогремевшие выстрелы «услышали во всем мире» не столько потому, что они предвещали «зарю свободы», сколько вследствие их влияния на международную государственную систему. На кону стоял ни больше ни меньше чем баланс сил в Европе. Без Америки – так полагали в Лондоне – Британия не сможет сдерживать Францию и Испанию по эту сторону Атлантики.³⁵⁸ Напротив, многие европейские государства были убеждены, что если британцы победят в Америке, то скоро обретут такую силу, что станут попросту невыносимыми. Среди Бурбонов начался разлад, поскольку никто из них не хотел создавать опасный прецедент и открыто поддерживать мятежников против законной власти. В особенности это касалось Испании, которая имела схожие проблемы в своих обширных американских колониях. Тем не менее возможность сбить спесь с британцев была слишком хороша, чтобы ею не воспользоваться. Победа колонистов, как сказал в конце 1775 года первый министр Франции граф де Вержен, будет означать, что «могущество Англии ослабеет, а наша мощь возрастет в той же степени».³⁵⁹

Американские патриоты между тем были убеждены, что смогут уцелеть только через интернационализацию конфликта. Им предстояло убедить Европу в том, что, как выразился Бенджамин Франклин, дело американцев есть «дело всего человечества: борясь за свободу Европы, мы отстаиваем и нашу свободу».³⁶⁰ В данном контексте под свободой подразумевались конституционные свободы и европейский баланс сил. В марте 1776 года был организован тайный Комитет корреспонденции, которому поручили налаживать иностранные связи и искать снаряжение за рубежом; этот комитет направил Бенджамина Франклина посланником во Францию. Мятежники также отправили своего представителя в Вену – чтобы лишить британцев возможности привлекать немецких наемников для войны в Америке. По меньшей мере треть британских войск в Америке состояла из уроженцев Священной Римской

³⁵⁵ Richard B. Sheridan, 'The British credit crisis of 1772 and the American colonies', *Journal of Economic History*, 20 (1960), pp. 161–86.

³⁵⁶ John Adams to Mercy Warren, 20 July 1807, in *Collections of the Massachusetts Historical Society*, Fifth Series, IV (1878), p. 338. I thank Daniel Robinson for drawing this letter to my attention.

³⁵⁷ Richard Middleton, *The War of American Independence, 1775–1783* (Harlow, 2012), pp. 15–36.

³⁵⁸ Hamish Scott, *British foreign policy in the age of the American Revolution* (Oxford, 1990), and Donald Stoker, Kenneth J. Hagan and Michael T. McMaster (eds.), *Strategy in the American War of Independence. A global approach* (London and New York, 2010).

³⁵⁹ Cited in Robert Rhodes Crout, 'In search of a "just and lasting peace": the treaty of 1783, Louis XVI, Vergennes, and the regeneration of the realm', *International History Review*, 5, 3 (1983), p. 374.

³⁶⁰ Quoted in Kagan, *Dangerous nation*, p. 47.

империи; для колонистов связь между несвободой в Европе и их собственной безопасностью была столь же очевидна, как и во времена Людовика XIV и Людовика XV.³⁶¹ Эти шаги определялись собственной несокрушимой логикой, поскольку полные и открытые альянсы с европейскими странами были невозможными, пока колонисты считали себя подданными короны. Том Пейн в воодушевляющем памфлете «Здравый смысл» утверждал, что только независимость позволит американцам заручиться иностранной поддержкой, необходимой для защиты революции.

Дипломатия являлась лишь одним из способов защиты революции и обретения независимости. Многие американцы, однако, стали рассматривать собственную безопасность и свою миссию в мире в более широком смысле. С самого начала они полагали исключительными и «импортируемыми» как самих себя, так и свое государство. Америка, заявлял Пейн, «сражается не только ради себя, но и ради всего мира, и смотрит далее преимуществ, которые может получить сама»; ее дело — это «в значительной мере дело всего человечества».³⁶² Отстаивая принцип самоопределения в век империй, республиканизм во времена монархии, конституцию в мире традиционного корпоративизма и абсолютистского правления, свободную торговлю в период торжества меркантилизма, будущие Соединенные Штаты надеялись изменить мир.³⁶³ Как говорил Пейн, «идея прорвется там, где не пройдет армия солдат; она преуспее там, где дипломатия потерпит крах»; «ни Рейн, ни Английский канал, ни океан... не смогут остановить ее распространение, она достигнет горизонтов мироздания и победит». Когда это произойдет, распространившаяся свобода приведет к всеобщему миру, народы будут свободно торговать и разоружаться. Однако Пейн был не только интернационалистом, но и ярким противником интервенционизма, выступал против всех международных войн и считал их заговором, целью которого является подчинение и обман народов. Со временем, впрочем, многие американцы поверили в то, что их свобода может сохраниться только при активном распространении по всему миру, начиная с соседних стран. Едва эта вера утвердилась, Соединенные Штаты принялись менять мир своими действиями.

Американская декларация независимости, принятая 4 июля 1776 года, не создала единое государство. Она четко обозначила сосуществование «свободных и независимых штатов». Но все же, чтобы вести войну с Британией, новой стране очень скоро пришлось приобрести некоторые черты единого государства. В ноябре 1777 года после долгих и ожесточенных споров Конгресс согласовал статьи устава Конфедерации, где оговаривались рудиментарные общие монетарная, налоговая и кредитная политики. Штатам возбранялось далее печатать свои деньги, они обязывались платить Конгрессу процент с налоговых сборов и индивидуального земельного налога. Статьи обеспечили национальное единство, пусть и весьма несовершенным способом. Налоги «на Конгресс» являлись добровольными и очень часто не платились вовсе, причем единственным наказанием служило «публичное оглашение» имен нарушителей. Американцы поэтому отстаивали независимость конфедерации, а не единого государства и даже не союза штатов.³⁶⁴

Тем временем император Иосиф II и канцлер Кауниц вознамерились изменить геополитическую колоду, которую они исторически тасовали в Европе. В конце 1777 года Иосиф

³⁶¹ Jonathan R. Dull, *A diplomatic history of the American Revolution* (New Haven and London, 1985), p. 47.

³⁶² David M. Fitzsimmons, 'Tom Paine's new world order: idealistic internationalism in the ideology of early American foreign relations', *Diplomatic History*, 19 (1995), pp. 569–82 (quotations p. 579).

³⁶³ Mlada Bukovansky, *Legitimacy and power politics. The American and French Revolutions in international political culture* (Princeton and Oxford, 2002), pp. 110–64 and 216–20, and Walter McDougall, *Promised land, crusader state. The American encounter with the world since 1776* (New York, 1997).

³⁶⁴ Ben Baack, 'Forging a nation state: the Continental Congress and the financing of the War of American Independence', *Economic History Review*, 54, 4 (2001), pp. 639–56, especially pp. 639–40.

перехватил инициативу. Его дипломаты убедили курфюрста Пфальца Карла Теодора согласиться на частичный обмен австрийских Нидерландов на наследство в Баварии. Таким образом Иосиф надеялся обменять «мутные» геополитические обязательства на актив, сопряженный с основной территорией монархии. Этот маневр спровоцировал немедленный ответ Фридриха Великого, который опасался изменения баланса сил в Германии. Фридрих хотел сохранить империю в равновесии и тем самым лишить австрийцев возможности использовать императорскую корону для мобилизации потенциала Германии против Пруссии. Фридрих фактически противопоставлял себя австрийцам, становился своего рода «контримператором», пытаясь привлечь на свою сторону малые княжества ради сохранения статус-кво. С учетом альянса Габсбургов и Бурбонов, казалось, что американские и германские конфликты сольются в один большой пожар, подобный Семилетней войне.

Война за баварское наследство поставила Францию перед дилеммой. В феврале 1778 года Людовик XVI, связанный договором с Австрией, сказал: «Мы должны поддержать в Германии репутацию Франции, которая в последнее время подвергалась яростным атакам», не в последнюю очередь потому, что «гарантии Вестфальского мира неотделимы от французской короны».³⁶⁵ Против этого императива был очевидный факт: интервенция грозила новым фронтом в Европе в тот самый миг, когда Франция получила возможность нанести Британии роковой удар за океаном. В конце концов французы решили остаться в стороне и позволить событиям в Центральной Европе идти своим чередом. Вместо этого, будучи давними тайными сторонниками колонистов и воодушевившись победой над англичанами при Саратоге в 1777 году, французы в 1778-м открыто вступили в войну за независимость США, а в 1779-м к ним присоединилась Испания. Британия лишь чудом избежала совместного вторжения Бурбонов. На следующий год и голландцы, разъяренные «морским высокомерием» Британии, присоединились к числу ее противников. Примерно тогда же Екатерина Великая, оскорбленная действиями Королевского флота против судоходства невоюющих стран, учредила Союз вооруженного нейтралитета. Отныне Британия, по горьким словам главы Адмиралтейства графа Сэндвича, «вступила в войну... со всем миром. Объединенные державы расчленят наше государство и поделят его между собою, как пожелают».³⁶⁶

Перед лицом такого вызова Британия начала самую интенсивную мобилизацию в истории. За три года – с 1778-го по 1780-й – Королевский флот вдвое увеличил численность кораблей линии,³⁶⁷ число моряков возросло более чем на 50 процентов. Британское правительство начало задумываться о способах привлечения обширных людских ресурсов католической Ирландии, игнорируя возражения местных протестантов, не желавших призыва в армию католиков.³⁶⁸ В 1778 году были обнародованы первые послабления для католиков, а в следующем году появился закон о правах диссентеров. При этом многие британцы опасались, что монархия рано или поздно получит преимущество перед представительным правительством. Последние пятьдесят лет показали, что «свободные» политики Польши, Швеции и Соединенных провинций находятся в необратимом упадке. Казалось, что будущее за центрально- и восточноевропейскими автократиями, приучившими подвластные народы к военной мобилизации и экспансии. Как отметил в середине марта 1778 года заместитель британского государственного секретаря по вопросам войны, «крупные военные державы во внутренней части Европы, которые объединили огромные богатства и сформировали из

³⁶⁵ Quoted in Munro Price, *Preserving the monarchy. The Comté de Vergennes, 1774–1787* (Cambridge, 1995), p. 22.

³⁶⁶ Sandwich remarks to cabinet, 19 January 1781, Queens' House, in the presence of the king, in John G. R. Barnes and J. J. Owen (eds.), *The Private Papers of John, Earl of Sandwich, 1771–1782* (London, 1932–8), Vol. 4, p. 24.

³⁶⁷ Парусные линейные корабли имели экипаж до 800 человек и вооружение до 130 орудий и предназначались для боевых действий в линейном боевом порядке, когда все корабли были обращены одним бортом к противнику. *Примеч. ред.*

³⁶⁸ Stephen Conway, *The British Isles and the War of American Independence* (Oxford, 2000), pp. 16, 350 and 17.

своих подданных многочисленными армиями, в ближайшее время и в последующие годы станут господствовать в Европе». ³⁶⁹

Неповоротливость не позволила британской военно-финансовой машине изменить ход событий в Америке и сохранить морское превосходство Британии, когда это сделалось насущным. Самоизоляция Британии от Европы оказалась фатальной. Не затронутые сухопутной войной в Европе Бурбоны, как и предсказывали виги, превзошли Британию на море. Франция не только установила временный контроль над водами у берегов Северной Америки, но и отправила контингент на помощь Вашингтону. В 1781 году объединенная франко-американская армия блокировала в Йорктауне крупное британское соединение и принудила его сдаться. Правительство лорда Норта не пережило этого удара. Новая администрация вскоре заговорила о мире.

Парижский мирный договор 1783 года, который завершил американскую войну, произвел революцию в международной государственной системе. Британскую империю поделили между собой Франция, Испания и колонии. Британии пришлось признать независимость тринадцати колоний. Она сохранила Гибралтар, но Флорида и Менорка отошли Испании, а Франция вновь обрела Луизиану. По словам торжествовавшего Вержена, Франция «избавилась от пятна 1763 года». Более того, в Западном полушарии появилось новое государство, и дальновидные обозреватели уже предрекали, что эстафета мирового господства вскоре перейдет от Британии к Соединенным Штатам. «Этот маленький остров [Англия], – заметил Хорас Уолпол, услышав о Декларации независимости, – когда-нибудь станет смехотворно гордиться былой славой и говорить, что его столица была когда-то не меньше Парижа или – как там будет называться город, что станет диктовать законы Европе? – возможно, Нью-Йорка или Филадельфии». Когда некий француз предсказал, что тринадцать штатов станут «величайшей империей в мире», член британской делегации в Париже парировал: «Да, сэр, и они будут говорить по-английски, все до одного». ³⁷⁰

Влияние американской войны на европейскую политику было колоссальным. Во Франции война привела к возрождению поддержки старого режима. Впоследствии один наблюдатель напомнил французам: «Вы сами, в ваших домах, в публичных местах, в кафе и даже в тавернах, видели в воображении, как весь английский флот поглотила морская пучина, и поднимали стаканы за удовольствие отмщения». ³⁷¹ Но чувство эйфории быстро иссякло. Расходы на войну были огромными, оплачивали их преимущественно кредитами, а не за счет новых налогов, что заставляло беспокоиться о кредитоспособности старого режима. Финансовые рынки, иностранные и отечественные, требовали прозрачности, как и французская общественность. В феврале 1781 года Жак Неккер опубликовал свой знаменитый «Отчет королю» о состоянии казны, и всего за год было продано 100 тысяч экземпляров этого документа. В намерения автора входило укрепить «совещательность» политики и обеспечить выделение новых кредитов, но оказалось, что Неккер подорвал доверие к правительству. К осени 1783 года корона очутилась на грани банкротства.

Головную боль вызывали не только финансы, но и стратегическая неопределенность. Невмешательство Франции в войну за баварское наследство открыло дверь для дальнейшего «погружения» России в дела Священной Римской империи. В начале 1770-х годов Екатерина расширила сферу своего влияния благодаря браку сына и наследника с немецкими принцессами: в 1773 году Павел женился на Вильгельмине Гессен-Дармштадтской, а после смерти супруги в 1776 году мать женила его на принцессе Вюртембергской Софии-Доротее.

³⁶⁹ Cited in Scott, *Emergence of the eastern powers*, p. 1.

³⁷⁰ Quotations in Crout, 'A "just and lasting peace"', p. 398, and Maya Jasanoff, *Liberty's exiles. American loyalists in the revolutionary world* (New York, 2011), p. 87.

³⁷¹ Quoted in Stone, *Genesis of the French Revolution*, p. 142.

Русское дипломатическое присутствие в имперском сейме и в мелких принципатах существенно возросло. Царица хотела не просто признания своего императорского титула, ей требовался решающий голос в делах Священной Римской империи. В октябре 1779 года она обронила, что «Россия давно желала стать гарантом конституции Германской империи», поскольку такая власть «обеспечила Франции выдающееся влияние» в Европе.³⁷² Желания царицы привели к заключению Тешенского договора, который подытожил войну Австрии и Пруссии за Баварию. Иосиф вынужден был уступить. Посредничество Екатерины сделало Россию «опекуном» Священной Римской империи. «Русских, – заметил один британский дипломат, – следует отныне считать арбитрами Германии».³⁷³ В декабре 1778 года французский посол в имперском сейме жаловался, что после полутора веков доминирования Франции в германской политике ее вытеснила Россия. Это имело огромное значение, поскольку, как заметил на следующий год Вержен, «Германия вполне способна навредить Франции. Территория у нее самая большая и густонаселенная... Легко понять, какие преимущества перед нами она получит, если эту грозную силу не ограничивало бы ее собственное устройство... Мы обязаны своим превосходством и своей безопасностью исключительно разъединенности Германии и недостаткам ее устройства».³⁷⁴ Франция поэтому оправданно опасалась, что империя попадает во вражеские руки.

В Британии американская война спровоцировала яростные дебаты относительно причины поражения. Многие соглашались, что возрождение потребует фундаментальных внутренних реформ. Некоторые верили, что достаточно духовного и морального возрождения. Другие полагали, что для мобилизации национальной энергии на общее дело необходимо расширение политического участия. Многие поддерживали идею «экономических реформ» для приведения в порядок финансов. Почти все соглашались с тем, что следует полностью изменить большую стратегию. Нужно строить «вторую», географически еще более обширную империю, а для того надлежит воспользоваться «демографическим резервом» американских лоялистов, среди которых было много освобожденных чернокожих рабов.³⁷⁵ В 1788 году на побережье Австралии ступили первые поселенцы, вскоре появились новые колонии или стали расширяться старые – в Африке, Азии и в Америке, особенно в Канаде. Главной задачей, однако, виделся пересмотр прежних альянсов, прежде всего в Центральной Европе. «Морской» подход тори оказался дискредитирован в силу пренебрежения к континентальной «запутанности». В декабре 1783 года дипломат и член парламента сэр Джеймс Харрис заявил, что «восстановить наше влияние на континенте, заключив разумные альянсы, – таково желание всякого человека, хоть немного сознающего интересы страны».³⁷⁶ Впредь Британия никогда не пыталась изолироваться от Европы.

В середине 1780-х годов Иосиф II приступил к осуществлению внутренних реформ для укрепления Габсбургской монархии.³⁷⁷ Были отменены все внутренние налоги, за исключением тех, что взимала Венгрия со своих наследственных земель; сняли ограничения с некоторых гильдий. Иосиф также намеревался покончить с доминированием иерархов римской католической церкви. В 1781 году императорский эдикт о веротерпимости даровал послаб-

³⁷² Quoted in Claus Scharf, “La Princesse de Zerbst Catherinisée”. *Deutschlandbild und Deutschlandpolitik Katharinas II.*, in Dagmar Herrmann (ed.), *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung* (Munich, 1992), p. 320.

³⁷³ Quoted in Jeremy Black, *The rise of the European powers* (London, 1990), p. 130.

³⁷⁴ Quoted in Brendan Simms, *The struggle for mastery in Germany, 1779–1850* (Basingstoke, 1998), p. 45.

³⁷⁵ Vincent T. Harlow, *The founding of the second British empire*, 2 vols. (London, 1952–64), and C. A. Bayly, *Imperial meridian. The British Empire and the world, 1780–1830* (London, 1989).

³⁷⁶ Quoted in Jeremy Black, *British foreign policy in an age of revolutions, 1783–1793* (Cambridge, 1994), p. 13.

³⁷⁷ P. G. M. Dickson, ‘Count Karl von Zinzendorf’s “new accountancy”: the structure of Austrian government finance in peace and war, 1781–1791’, *International History Review*, 29, 1 (2007), pp. 22–56.

ления евреям и протестантам; целью было не просто привлечь «еретиков» к служению государству, но и помешать иностранным державам, в особенности Пруссии и России, воспользоваться религиозным расколом как своим стратегическим преимуществом. Иосиф провел литургическую реформу, попытался «рационализировать» границы епископатов, распустил сугубо «умозрительные» монашеские ордена и в целом поддерживал «смирненное», покровительствующее бедным, «рациональное» и менее «вычурное» католичество, уважающее его власть и чуткое к нуждам его подданных (как ему казалось). Еще император, чтобы укрепить власть короны, попробовал сократить полномочия представительных собраний, особенно в Венгрии и австрийских Нидерландах. К середине 1780-х годов Иосиф подступил к решению важнейшего вопроса – проблемы крепостничества и «тройственных» отношений короны, дворянства и крестьянства; он полагал, что эти отношения нуждаются в срочной корректировке.

Все перечисленные меры были призваны сделать Австрию более значимым игроком на международной сцене, однако с точки зрения дипломатии они обошлись дорогой ценой. Реформы вызвали изрядное неудовольствие дома – прежде всего у духовенства и венгерского дворянства; это недовольство было чревато не только сопротивлением, но и сотрудничеством с иностранными державами. Пересмотр границ епископатов возмутил иерархов римской католической церкви. Своеволие Иосифа убедило многих германских князей, что император не защищает привычное устройство империи и представляет собой серьезную угрозу ее целостности. Самое главное «зло» политики Иосифа заключалось, однако, в его намерении обеспечить территориальную консолидацию монархии, и ради этой цели он, в случае необходимости, готов был попать права княжеств империи. В ноябре 1784 года он вернулся к своему плану по обмену австрийских Нидерландов на Баварию. Это породило в обществе опасения касательно возникновения новой габсбургской универсальной монархии в Германии, появление которой нарушит баланс сил на континенте. На сей раз – благодаря нескрываемому презрению Иосифа к имперским устоям – к Фридриху присоединились многие традиционные союзники Габсбургов, например, имперский эрцканцлер и курфюрст Майнца. В 1785 году образовался Союз германских князей, показавший, что империя все еще в состоянии дать согласованный дипломатический отпор внутренним угрозам. Иосифу снова пришлось отступить; дорогостоящие неудачи его внешней политики обернулись массовой критикой внутри империи.³⁷⁸

Россия благоразумно не спешила воспользоваться своим влиянием в империи. Вместо этого Екатерина пожертвовала своими немецкими амбициями в обмен на союз с Австрией ради движения на юг. Следующий шаг Россия сделала не в Центральной Европе, а на Балканах и на Черном море, с целью обрести альтернативную «римскую» легитимность.³⁷⁹ Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 года наделил Россию правом вторгаться в Османскую империю от лица православных христиан, и этим правом Екатерина безжалостно пользовалась через сеть своих консульств. На карте возник номинально независимый Крым, который тут же раскололся на пророссийскую и проосманскую фракции. В ноябре 1776 года Екатерина направила туда войска и вмешалась в гражданскую войну; в 1783 году она полностью аннексировала Крым. Все это было частью более широкого «греческого проекта», который подразумевал захват Константинополя, восстановление главенства православия и закрепление за Россией статуса «третьего Рима».³⁸⁰ Поэтому в 1779 году Екатерина окре-

³⁷⁸ Ernst Wangermann, *Die Waffen der Publizität. Zum Funktionswandel der politischen Literatur unter Joseph II.* (Vienna, 2004), pp. 168–84.

³⁷⁹ Karl Härter, 'Möglichkeiten und Grenzen der Reichspolitik Russlands als Garantiemacht des Teschener Friedens (1778–1803)', in Claus Scharf (ed.), *Katharina II., Rußland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung. Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte, Supplement 45* (Mainz, 2001), pp. 133–81.

³⁸⁰ Hugh Ragsdale, 'Evaluating the traditions of Russian aggression: Catherine II and the Greek Project', *Slavonic and East*

стила своего новорожденного внука Константином, а на арке российской базы в Севастополе появилась надпись «Дорога в Византию».³⁸¹

Прочитав, так сказать, слова на стене, османы в 1787 году нанесли по России превентивный удар. Однако русские снова контратаковали и продвинулись далеко на юг. Две державы Центральной Европы отреагировали незамедлительно, ведь неспособность ответить могла означать полное поглощение Россией Османской империи или, по меньшей мере, ее европейской части; в этом случае монархия Габсбургов оказывалась опасно уязвимой с востока. Посему в конце 1787 года Иосиф вступил в войну на стороне России – с условием, что территориальные завоевания будут поделены поровну. Этот шаг императора встревожил Пруссию. Наследник Фридриха Великого, Фридрих-Вильгельм II, считал, что успешная австро-русская кампания против турок ослабит его собственные позиции. Пруссии также угрожали с запада, где патриотическая партия, которую поддерживал союзник Австрии – Франция, набирала силу в Соединенных провинциях. Война на два фронта казалась вполне реальной. Когда патриоты захватили жену штатгальтера (сестру Фридриха-Вильгельма), прусский король решил действовать. В 1787 году он вторгся в Голландию и восстановил Оранский двор. Через год он заключил Тройственный союз с Голландией и Великобританией. Обезопасив свой западный фланг, Фридрих-Вильгельм начал переговоры с поляками, шведами и османами. В январе 1788 года прусский первый министр Эвальд-Фридрих фон Герцберг раскрыл «Великий план» территориальной реорганизации, который «уравновешивал» территориальные приобретения трех восточных держав. Австрийцам позволялась ограниченная экспансия на Балканы, однако они должны были вернуть Польше Галицию, Польша в свою очередь отдавала Пруссии Данциг и Торунь. Иосиф пришел в бешенство. Он заявил, что будет «биться до победного конца, прежде чем позволит королю Пруссии завладеть хотя бы одной деревней», не говоря уже об осуществлении «этого нелепого плана во всей полноте».³⁸² Чтобы ослабить давление на турок, шведы тем летом напали на Россию. Большая европейская война подступала все ближе.

Эти события сильно отразились на Соединенных Штатах Америки, первом независимом европейском государстве, основанном на дальнем берегу Атлантики. «Над Европой некоторое время сгущаются тучи, – замечал Александр Гамильтон. – Если грянет буря, кто может обещать, что на своем пути эта буря не затронет нас?» Нейтралитета или сдержанности будет недостаточно. «Нужно помнить, – продолжал Гамильтон, – что не всегда мы можем выбирать – мир или война; мы можем быть сколь угодно умеренными или лишенными честолюбия, но нельзя полагаться на умеренность или надеяться утолить амбиции других».³⁸³ Способность даже малых стран навредить американским интересам была продемонстрирована, когда после революции Америка лишилась защиты британского Королевского флота. Американские торговые суда немедленно подверглись нападениям берберских пиратов из Северной Африки. Речь ни в коем случае не шла просто о защите «чести»: активная коммерция рассматривалась как необходимое условие укрепления молодой республики в соперничестве с Францией и Британией.³⁸⁴ В марте 1785 года посол Триполи в Лондоне уведомил Томаса Джефферсона и Джона Адамса, что все народы, не признающие авторитет Корана, являются «грешниками, так что теперь мы вправе и обязаны объявить войну

European Review, 66 (1988), pp. 91–117, especially pp. 95–6.

³⁸¹ Quoted in Virginia H. Aksan, *Ottoman wars 1700–1870. An empire besieged* (Harlow, 2007), p. 161.

³⁸² Quoted in Karl A. Roider, *Austria's Eastern Question, 1700–1790* (Princeton, 1982), p. 180.

³⁸³ Alexander Hamilton, *Federalist Paper no. 34*, 5.1.1788, in J. R. Pole (ed.), *The Federalist*. Alexander Hamilton, James Madison, John Jay (Indianapolis and Cambridge, 2005), p. 178.

³⁸⁴ James R. Sofka, 'The Jeffersonian idea of national security. Commerce, the Atlantic balance of power, and the Barbary War, 1786–1805', *Diplomatic History*, 21 (1997), pp. 519–44, especially pp. 519, 522 and 527.

любому, кого найдем, и обратить в рабство всех, кого захватим». Попытки договориться с пиратами лишь привели к возрастанию их требований. Другими словами, США волей-неволей пришлось взаимодействовать с мусульманским миром.

Многочисленные угрозы новой республике возникали и рядом с домом. В 1784 году Испания закрыла Миссисипи для навигации и занялась строительством укреплений в Техасе. Это спровоцировало негодование колонистов. «Разве мы прислуживаем испанцам, как некогда дети Израилевы прислуживали египтянам?» – вопрошало открытое письмо, которое зачитывали в 1786 году на городских собраниях и на заседаниях судов.³⁸⁵ Министр иностранных дел Джон Джей гадал, на самом ли деле французы «окончательно отринули мысль обзавестись собственными колониями в Америке». Именно страх перед превентивным нападением со стороны любой европейской державы побуждал молодую республику вкладывать средства в изыскательские экспедиции на запад.³⁸⁶ Хуже того, Британия удерживала Канаду и вернула себе господство на море после короткого периода в ходе войны за независимость. Британцев подозревали не только в том, что они подбивают к мятежу индейские племена, но и в том, что они готовят восстание в западном Массачусетсе. В результате, как заметил Гамильтон в середине декабря 1787 года, «с территориями Британии, Испании и индейских племен по соседству с нашими... Союз окружен от Мэна до Джорджии».³⁸⁷ Иными словами, все те проблемы, которые привели к отделению от Британии, так и остались нерешенными.

Более того, конституционные механизмы, унаследованные от революции, совершенно не годились для вызовов конца 1780-х годов. В стране не существовало реальной исполнительной власти, Конгресс не имел возможности повышать налоги для оплаты общенациональных проектов, а все международные договоры подлежали ратификации каждым штатом, прежде чем вступить в действие. Долги времен революции в основном лежали на отдельных штатах, однако на их возмещение надежд было мало, а это подрывало доверие к кредитоспособности государства в целом. Союз не имел полноценной армии, поскольку штаты не могли договориться, как оплачивать ее содержание; вдобавок многие американцы опасались, что такая армия может быть использована для подавления свобод. Узы, объединявшие конфедерацию, были настолько непрочными, что многие полагали, будто Союз в скором времени распадется на части или погрузится в гражданскую войну. Этот страх особенно ощущался в связи с волновавшим всех вопросом относительно Запада. Гамильтон предвидел «территориальные споры» относительно «широких просторов западных земель».³⁸⁸ Более того, провал попытки подчинить себе Запад, оставив вакуум власти, которым не преминут воспользоваться иностранные державы. Опасались, что население территорий между Аппалачами и Миссисипи выступит за воссоединение с Британией, захочет попытать счастья с Испанией или даже создать независимое государство. Требовалось сделать выбор: либо американцы сплотятся ради государства, способного вести войну и расширять свою территорию, либо они начнут воевать друг против друга и падут в итоге жертвами экспансионизма других стран.³⁸⁹

³⁸⁵ Quoted in Doris A. Graber, *Public opinion, the president, and foreign policy. Four case studies from the formative years* (New York, Chicago etc., 1968), p. 133.

³⁸⁶ Deborah Allen, 'Acquiring "knowledge of our own continent": geopolitics, science, and Jeffersonian geography, 1783–1803', *Journal of American Studies*, 40 (2006), pp. 205–32 (Jay is quoted on p. 216). For the importance of the west see François FÜrstenberg, 'The significance of the trans – Appalachian Frontier in Atlantic history, c.1754–1815', *American Historical Review*, 113 (2008), pp. 647–77.

³⁸⁷ Alexander Hamilton, *Federalist Paper no. 25*, 21.12.1787, in Pole (ed.), *Federalist*, p. 133.

³⁸⁸ *Federalist Paper no. 7*, 17.11.1787, in Pole (ed.), *Federalist*, pp. 28–9.

³⁸⁹ О страхе колонистов перед расколом и повторением опыта итальянских городов-государств: David C. Hendrickson, *Peace pact. The lost world of the American founding* (Lawrence, Kan., 2003), p. 63.

В 1787 году представители тринадцати колоний собрались в Филадельфии для пересмотра статей конфедерации. Итоговое обсуждение, одна сторона которого вошла в историю благодаря спорам между Александром Гамильтоном, Джоном Джеем и Джеймсом Мэдисоном в газете «Федералист», в основном опиралось на приоритет внешней политики. «Безопасность от внешней угрозы, – писал Гамильтон в ноябре, – вот наиболее могучая сила, определяющая поведение народа». ³⁹⁰ Именно с этой точки зрения Мэдисон и Гамильтон изучали «федеральную систему» Германской империи и признали ее «немогущим телом, не способным к управлению собственными членами, одолеваемым нескончаемым брожением в кишечнике и беспомощным перед внешними угрозами». Далее они отмечали, что «военным приготовлениям должны предшествовать столь долгие и утомительные дискуссии, вызванные ревностью, гордостью, различиями во взглядах и столкновением претензий суверенных органов, что, прежде чем сейм примет какое-либо решение, враг уже подступит к воротам». Даже если преодолеть многообразные препятствия на пути к единению, полагали Мэдисон и Гамильтон, «никто из соседних стран не потерпит революции, которая наделила бы империю силой и могуществом соответственно именованию». Что касается Польши, она «совершенно не пригодна к самоуправлению и самообороне и давно сдалась на милость могущественных соседних стран, которые недавно милосердно избавили ее от трети территорий и населения». ³⁹¹ Среди всех европейских прецедентов лишь один заслужил одобрение «Федералиста» – англо-шотландская уния 1707 года, когда две страны, прежде столь недружественных, объединились для противостояния врагам. Джей увидел здесь «единый и совершенный союз», если воспользоваться словами из послания королевы Анны шотландскому парламенту в июле 1706 года, которое он сочувственно процитировал и прибавил, что уния является примером для Американской республики. ³⁹²

Конституция, текст которой был согласован в Филадельфии в 1787–1788 годах, показала, что американцы учились на собственном опыте и на опыте британцев, немцев и поляков. Подобно шотландцам с англичанами, они внесли в преамбулу упоминание о готовности к «более совершенному союзу». Ни один штат не получил права вето. Все решения на конвенте принимались большинством штатов, единогласия не требовалось. Сильная исполнительная власть была установлена в форме президентства, которому поручалось проводить внешнюю политику и заключать договоры, но последние подлежали одобрению обеими палатами Конгресса – сенатом и палатой представителей. Американцы учли случившееся в Польше, а потому была учреждена коллегия выборщиков – по предложению аристократа-южанина, представителя Южной Каролины Пирса Батлера, чтобы затруднить внутренние интриги и возможный подкуп со стороны иностранных государств. Все долги штатов были «федерализованы», что помогло возродить общественное доверие. Существование рабства признавалось статьей конституции, где говорилось о «трех пятых прочих лиц» и распределении налогов и подразумевалось допущением, что рабовладельческие штаты и само рабство могут «прирастать» территориально. ³⁹³ В то же время участники конвента согласились ликвидировать работорговлю в течение двадцати лет; все ожидали – по крайней мере, на севере, – что само явление постепенно исчезнет как таковое. В том же году ордонанс о Северо-Западной территории установил, что территориальная экспансия будет продолжаться через присоединение новых штатов к Союзу на условиях полного равенства с суще-

³⁹⁰ Federalist Paper no. 8, 20.11.1787, in Pole (ed.), Federalist, p. 37.

³⁹¹ Federalist Paper no. 19, 8.12.1787, in Pole (ed.), Federalist, pp. 99–102. For the impact of the Polish partition on the constitutional convention see Frederick W. Marks, *Independence on trial. Foreign affairs and the making of the constitution* (Baton Rouge, 1973), pp. 3–51, especially p. 33.

³⁹² Federalist Paper no. 5, 10.11.1787, in Pole (ed.), Federalist, pp. 17–18.

³⁹³ George William van Cleve, *A slaveholders' union. Slavery, politics, and the constitution in the early American Republic* (Chicago and London, 2010), p. 9.

ствующими штатами, а не за счет укрупнения нынешних штатов. В ордонансе также оговаривалось, что земли к югу от Великих озер и к северу от реки Огайо должны оставаться свободными, тогда как Юго-Западный ордонанс допускал рабство в штатах, которые могут появиться на юге и на западе. Конституция вступила в силу в июне 1788 года. Американцы, как и их европейские соперники, изменили свою внутреннюю политику, чтобы стать более конкурентоспособными в международной государственной системе.³⁹⁴

Американцы отвергли альтернативное решение своей стратегической проблемы, то есть создание на русско-прусский манер «служилого дворянства», призванного защищать независимость страны. Разумеется, некоторые патриоты носились с идеей создания американской аристократии из числа ветеранов войны за независимость. Общество Цинциннати считалось «обществом друзей», призванным «сохранять права и возвышенные свободы человека, за которые они сражались и проливали кровь», совершенствовать «союз и национальную честь штатов Американской империи [sic!] и оказывать благотворительную помощь нуждающимся офицерам и их семьям».³⁹⁵ Несмотря на заинтересованность отцов-основателей, особенно Джорджа Вашингтона, общество Цинциннати не преуспело в своих начинаниях, в значительной степени потому, что оно погрязло в решении вопросов наследства. Вместо аристократов молодая республика создала небольшую регулярную армию, которую при необходимости дополняло крепкое народное ополчение. Этот компромисс засвидетельствовала Вторая поправка к конституции, которая определяла, что «хорошо организованное ополчение необходимо для безопасности свободного государства», а потому «право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться».³⁹⁶ Время покажет, какой из двух способов мобилизации общества на войну – способ континентальной Европы или Континентального конгресса – окажется наиболее эффективным.

Весьма похожие дискуссии сотрясали Центральную и Восточную Европу. Поляки с тревогой наблюдали в 1787–1788 годах за коллапсом Османской империи, опасаясь стать следующими. Не намеренный сдаваться без борьбы, король-реформатор Станислав Август в октябре 1788 года созвал четырехлетний сейм. В отличие от предыдущих это заседание не завершилось после шести недель работы; парламент образовал конфедерацию, которая объявила, что не прекратит своей деятельности, пока страна не окрепнет. На повестке были вопросы, которые следовало решить, если Польша желает дожить до конца столетия: реформа армии и финансов и отмена пресловутого аристократического вето. Целью этой программы было предотвратить очередной раздел страны и превратить Польшу в страну, заслуживающую партнерства в международных альянсах. Реформы, как сказал Станислав Екатерине в ходе встречи в мае 1789 года, позволят Речи Посполитой отправить крупную армию против турок и даже претендовать на участие в разделе добычи. Польский король требовал компенсации за потери 1772 года – в виде Бессарабии, части молдавских территорий и порта на Черном море. Екатерина отказалась, однако неохотно согласилась отвести свои войска от польских границ. Впервые за последние двадцать лет казалось, что Польша снова может стать независимым игроком на европейской сцене.

В Германии страх перед «полонизацией» – то есть разделом страны по воле иностранных держав (Австрии или Пруссии) – заставил вернуться к обсуждению имперских реформ. Работу сейма в 1760–1780 годах практически парализовали региональные и конфессиональ-

³⁹⁴ Значимость международного соперничества для конституции: Michael Schwarz, 'The great divergence reconsidered. Hamilton, Madison, and U. S. – British relations, 1783–89', *Journal of the Early Republic*, 27 (2007), pp. 407–36, especially pp. 419–21.

³⁹⁵ Quoted in Doyle, *Aristocracy and its enemies*, p. 99. See also Markus Hünemörder, *The Society of the Cincinnati. Conspiracy and distrust in early America* (New York and Oxford, 2006).

³⁹⁶ Roy Weatherup, 'Standing armies and armed citizens: an historical analysis of the Second Amendment', *Hastings Constitutional Law Quarterly*, 2 (1975), pp. 961–1001, especially p. 995.

ные противоречия, однако Союз князей показал, что согласованные коллективные усилия по защите государственного устройства вполне возможны. В июле 1787 года Карл фон Дальберг, коадьютор, заместитель и официально назначенный преемник эрцканцлера империи, приступил к реализации программы реформ, призванных восстановить сплоченность империи и задать общую цель. Дальберг заявлял, что нынешнее устройство империи «никуда не годится» и «делает империю достойной презрения в глазах соседей». Спасение виделось в «вечной электоральной капитуляции», или в «постоянной конституции» для империи,³⁹⁷ что должно привести к появлению более сильной исполнительной власти, которая станет претворять в жизнь решения, одобренные сеймом. Некоторые также призывали к более широкому политическому участию в делах империи. Кристоф Людвиг Пфайффер, поборник Габсбургов, утверждал в 1787 году, что выборы в империи не могут быть прерогативой исключительно девяти курфюрстов, в них должны принимать участие все представительные собрания страны, входящие в сейм. Эти инициативы ни к чему не привели; в отличие от американских штатов, германские княжества и земли не хотели жертвовать своими интересами ради общего блага. В итоге конфликт между безопасностью империи и «германскими свободами» остался неразрешенным.

Самый выразительный ответ на вызовы внутри европейской государственной системы в конце 1780-х годов был дан во Франции. В августе 1786 года генеральный контролер финансов Шарль Александр де Калонн признал, что монархия обанкротилась. В феврале 1787 года Людовику XVI пришлось созвать собрание нотаблей. Через три месяца собрание распустили, поскольку оно так и не согласовало финансовую реформу. В результате монархия, к своему унижению, оказалась неспособной вмешаться, когда в сентябре 1787 года Пруссия вторглась в Голландию. «Франция пала, – заметил Иосиф, – и я сомневаюсь, что она когда-либо воспрянет».³⁹⁸ Для политической нации, терпение которой истощилось после поражений внешней политики Бурбонов, это стало последней каплей; старый режим угодил в кризис легитимности в собственной стране.³⁹⁹ Но не только монархия несла ответственность за неудачи французской внешней политики; ненавистный альянс с Австрией обрек на поток обвинений королеву Марию Антуанетту, родом из семейства Габсбургов.⁴⁰⁰ Она олицетворяла габсбургский «деспотизм», иноземные «манипуляции» и «противоестественное» женское влияние. Нельзя сказать, что все нападки были несправедливыми: все знали, что королева дипломатически поддерживала своего брата Иосифа и вынашивала планы раздела давнего союзника Франции, Османской империи. Мария Антуанетта сделалась мишенью для шовинистической, порнографической и даже женоненавистнической критики со стороны «нижних уровней» публичной сферы. За этим «фасадом» скрывались финансовые и политические претензии. Обращая внимание на многочисленные провалы в политике, один критик спрашивал, может ли королевский министр «и далее тратить столько средств ради своих планов?» И отвечал: «Нет – без согласия народа».⁴⁰¹ Суть подобных доводов была очевидна: повышение налогов, которого требовали великодержавные амбиции Франции, не могло состояться без расширения политического участия.

³⁹⁷ Wolfgang Burgdorf, *Reichskonstitution und Nation. Verfassungsreformprojekte für das Heilige Römische Reich Deutscher Nation im politischen Schrifttum von 1648 bis 1806* (Mainz, 1998), pp. 328–35.

³⁹⁸ Munro Price, 'The Dutch Affair and the fall of the ancien régime, 1784–1787', *Historical Journal*, 38 (1995), pp. 875–905 (quotation p. 904).

³⁹⁹ Своим представлением о взаимосвязи дипломатического упадка *ancien régime* и началом французской революции я в немалой степени обязан работе: Gary J. Savage, 'The French Revolution and the secret *du roi*. Diplomatic tradition, foreign policy and political culture in later eighteenth-century France (1756–1792)' (unpublished Ph.D. dissertation, University of Cambridge, 2005).

⁴⁰⁰ Thomas Kaiser, 'Who's afraid of Marie-Antoinette? Diplomacy, Austrophobia and the Queen', *French History*, 14, 3 (2000), pp. 241–71.

⁴⁰¹ Quoted in Price, Vergennes, p. 234.

Людовик XVI и его министры оказались заложниками ситуации. Сама политическая нация и финансовые рынки, внутренние и внешние, утратили доверие к большой стратегии Бурбонов. Это означало, что монархии отныне приходилось заимствовать по чрезвычайно высоким ставкам, что, в свою очередь, уменьшало дипломатические и военные возможности Бурбонов. В марте 1789 года министр иностранных дел граф де Монморан предупредил, что любые дипломатические инициативы невозможны до тех пор, пока не будет преодолен внутренний кризис и Франция «не восстановит свою силу и власть».⁴⁰² «Пауза» лишь усугубила положение старого режима, породив деструктивный цикл, из которого не было выхода. Различные «уловки» сменявших друг друга правительств, повышение налогов, «принуждение» представительных собраний и тому подобные действия только загоняли монархию в яму. Успешная война под девизом защиты свобод Голландии могла, конечно, сотворить невозможное. Ненавидевший Австрию граф де Сегюр заметил, что она «отвлекла бы страсти, обуявшие страну и сбивающие ее с верного пути». Но этого не случилось, продолжал де Сегюр, поскольку правительство «робело перед нашими заклятыми врагами, зато с народом вело себя слишком смело».⁴⁰³ Другими словами, монархия отказывалась защищать стратегические интересы в Европе, и потому ей пришлось вступить в конфронтацию с собственным народом.

В середине августа 1788-го Людовик XVI наконец согласился созвать Генеральные штаты, впервые с 1614 года. Были поданы петиции о страданиях – *cahiers de doléances*. В этих жалобах монархия характеризовалась как форма правления, «наиболее подходящая для внутреннего спокойствия и безопасности от внешней угрозы»; никто не требовал ликвидировать аристократию как таковую, предлагалось лишь заставить ее лучше служить интересам народа.⁴⁰⁴ Заседание Генеральных штатов состоялось в мае 1789 года. К этому моменту, однако, политическая нация окончательно утратила доверие к монарху и его министрам. Инициатива перешла к третьему сословию. Традиционное посословное голосование, при котором предпочтение отдавалось духовенству (первому сословию) и нобилитету (второму сословию) заменили общим поименным голосованием, которое благоприятствовало более многочисленному третьему сословию. В середине июня Генеральные штаты объявили себя Национальным собранием и очень скоро принесли «клятву в зале для игры в мяч»: не распускаться, пока не будет утверждена новая конституция Франции. 14 июля народ взял штурмом Бастилию. В сельской местности во второй половине июля разразился «Великий страх» (*Grande peur*) перед нападением австрийцев, начались нападения на аристократов и владения. При этом уничтожать монархию реформаторы не собирались, совсем наоборот. Стряпчий Пьер-Луи Люкретель сказал так: «Августейшая монархия соответствует нашей природе и нашей морали. Мы не ставим целью ослаблять ее, мы всего лишь хотим ее упорядочить, дабы она стала сильнее».⁴⁰⁵ У Людовика все еще была возможность укрепить корону благодаря активной внешней политике.

Волна революционных перемен, захлестнувшая Францию в 1789–1790 годах, имела множество причин, но основной движущей силой революции являлось стремление улучшить французское общество, чтобы оно содействовало восстановлению величия Франции на европейской сцене. Главная роль в этом отводилась аристократии. Но за год реформаторы убедились в том, что аристократия не способна вспомнить о своем «воинском» предназна-

⁴⁰² Montmorin is quoted in Jeremy J. Whiteman, *Reform, revolution and French global policy, 1787–1791* (Aldershot, 2003), p. 103.

⁴⁰³ Munro Price, 'The court nobility and the origins of the French Revolution', in H. Scott and B. Simms (eds.), *Cultures of power in Europe during the Long Eighteenth Century* (Cambridge, 2007), pp. 278–9.

⁴⁰⁴ Chapter 2 of the *Cahiers*, quoted in John Hall Stewart (ed.), *A documentary survey of the French Revolution* (New York, 1951), p. 59.

⁴⁰⁵ Quotation in Stone, *Genesis of the French Revolution*, p. 207.

чении. В начале августа Национальное собрание отменило все феодальные привилегии во имя создания социального порядка, основанного на заслугах, а не на праве по рождению. В конце месяца была опубликована Декларация прав человека и гражданина. В ноябре дошла очередь до первого сословия, которое также «пережило свою полезность»; декрет национализировал церковную собственность. Ожидаемые доходы от продажи церковных земель зафиксировали в ассигнациях, которыми оплачивали государственные расходы. В середине февраля 1790 года было запрещено монашество, а в июне официально отменен институт наследственного дворянства. Через месяц гражданская конституция духовенства подчинила церковь государству, в ноябре от священников потребовали поклясться в лояльности властям в соответствии с этим документом. Многие национальные и языковые меньшинства королевства – бретонцы, фламандцы, баски, каталонцы и немцы – подпали под пресс настоятельных призывов принять французский язык и французские обычаи. То же произошло с различными диалектными группами, особенно на юге и западе. Цель всех этих мер, как заявил революционер Эммануэль Сийе, заключалась в том, чтобы «собрать Францию воедино и свести все народы, ее населяющие, в единую нацию».⁴⁰⁶

Поначалу все случившееся не вызвало заметного интереса в крупных европейских странах. В целом переменам во Франции симпатизировали. Многие британцы верили, что французов вдохновила «славная революция» вигов, и потому предсказывали «торжество свободы» континентальному сопернику. В Потсдаме и Вене прусский министр Герцберг и император Иосиф II приветствовали победу принципов просвещенного правления. Насильственная реставрация монархической власти во Франции не входила в планы европейских правительств. «Без сомнения, – констатировал Кауниц в конце июля 1789 года, – мы не можем вмешиваться ни в коем случае».⁴⁰⁷ Сама Германия оставалась относительно спокойной. На западе произошло несколько мятежей, но их быстро подавили, а также случилось восстание против епископа Льежского. В монархии Габсбургов, с другой стороны, складывалась по-настоящему революционная ситуация, этакий отклик на реформы Иосифа. К 1789 году планы императора по отмене крепостничества уже спровоцировали массовые волнения в Венгрии; в том же году ужесточение обращения с представительными институтами в австрийских Нидерландах привело к мятежу. Центробежные тенденции отражали стремление местных элит восстановить свое бывшее господство в противостоянии центральной власти, которая желала укрепить положение империи в европейской государственной системе.

Очень немногие в 1790 году соглашались с «Размышлениями о революции во Франции» Эдмунда Берка, который писал о нападениях на традиции, религию, собственность и «рыцарство», о революции «чувств, обычаев и моральных взглядов». В начале своего текста Берк замечал: «Мне кажется, что я присутствую при великом кризисе в делах не только Франции, но и всей Европы, а возможно, и не одной лишь Европы. Если учесть все обстоятельства, то окажется, что Французская революция – это самое удивительное из происходившего до сих пор в мире».⁴⁰⁸ «Размышления» Берка стали не только литературной и политической вехой, но также и издательской сенсацией: было продано от 17 000 до 19 000 экземпляров этого трактата (а фактических читателей было еще больше), и в ответ на «Размышления» выпустили добрую сотню памфлетов других авторов.⁴⁰⁹ В последующие годы

⁴⁰⁶ David A. Bell, *The cult of the nation in France. Inventing nationalism, 1680–1800* (Cambridge, Mass., and London, 2001), pp. 14–17 and passim (Sieyes is quoted on p. 14).

⁴⁰⁷ Quoted in Michael Hochedlinger, 'Who's afraid of the French Revolution? Austrian foreign policy and the European crisis, 1787–1797', *German History*, 21, 3 (2003), pp. 293–318 (quotation p. 303).

⁴⁰⁸ Reflections on the Revolution in France, in Paul Langford (ed.), *The writings and speeches of Edmund Burke. Vol. VIII: The French Revolution, 1790–1794* (Oxford, 1989), pp. 131 and 60.

⁴⁰⁹ Richard Bourke, 'Edmund Burke and international conflict', in Ian Hall and Lisa Hill (eds.), *British international thinkers from Hobbes to Namier* (Basingstoke, 2009), pp. 91–116.

Берк возглавил крестовый поход против «универсальной империи» якобинцев, выразителей «вооруженной доктрины», которую он считал не менее опасной, чем политика Людовика XIV. В особенности Берк опасался влияния французской революции на «центр Европы», то есть на Германию, – «этот регион соседствует и оказывает воздействие на все прочие», и там «разрушается августейшая ткань Священной Римской империи». Поэтому Берк напоминал о «законе соседства» и призывал европейские государства к интервенции в целях самообороны против Франции; он категорически отвергал идею невмешательства во внутренние дела суверенного государства как «ложный принцип закона наций». ⁴¹⁰

Главной причиной, по которой другие государства уделяли поначалу столь мало внимания кризису во Франции, являлись события в иных местах. Все соглашались только с тем, что революция уничтожила всякое влияние Франции в рамках европейской государственной системы. «По моему убеждению, самые умные головы Англии вряд ли предполагали, – заявил британский министр иностранных дел герцог Лидс вскоре после падения Бастилии, – и вряд ли хватило бы всех наших богатств на то, чтобы возникла ситуация, столь фатальная для нашего соперника, как та, вследствие которой Франция ныне обречена на сугубо междоусобные потрясения». ⁴¹¹ Пруссия также приветствовала падение старого режима – как удар по союзнику Габсбургов. В августе 1789 года, едва ли через месяц после падения Бастилии, прусский король решил воспользоваться текущим положением дел и напасть на Австрию в начале следующего года, если император Иосиф не уйдет с Балкан. Несколько месяцев спустя Пруссия провела интервенцию против мятежников в Льеже – не ради восстановления старого режима, но чтобы упредить австрийцев. ⁴¹² В январе 1790 года, когда Франция погрузилась еще глубже в хаос, Пруссия заключила наступательный союз с Османской империей и окружила Австрию с двух сторон. Общеввропейская война, которая казалась близкой накануне французской революции, теперь виделась неизбежной.

Между тем в Британии обсуждалась интервенция совершенно другого рода. В конце мая 1787 года группа парламентариев, врачей, священников и прочих учредила в Лондоне комитет Общества во имя осуществления отмены работорговли. Сторонниками общества во многом руководил усиленный религиозным чувством гнев в отношении к самому понятию рабства и особенно к «среднему этапу», то есть к перевозкам рабов через Атлантику. В середине апреля 1791 года парламент отверг законопроект Уильяма Уилберфорса о запрете работорговли, но этот вопрос, что называется, закрепился в политической повестке. ⁴¹³ Рабы, конечно, не были пассивными «реципиентами» и не ждали милости от Запада. В августе 1791 года во французской колонии Сан-Доминго вспыхнуло восстание, во главе которого стояли чернокожие рабы с плантаций, возмущенные не только тем, что революция проявляла терпимость к рабству и отказом предоставить равные права *gens de couleur*, ⁴¹⁴ но и отношением революционеров к королю и религии. Лидеры восстания считали себя африканскими племенными вождями, а не представителями народа. Возможно, оставленные в покое мятежные рабы сумели бы создать политическую систему, сходную с той, что существовала в традиционных рабовладельческих африканских королевствах, из которых они про-

⁴¹⁰ P. J. Marshall and John A. Woods (eds.), *The correspondence of Edmund Burke*. Vol. VII: January 1792–August 1794 (Cambridge, 1968), p. 383; R. B. McDowell (ed.), *The writings and speeches of Edmund Burke*. Vol. IX: I The Revolutionary War. II Ireland (Oxford, 1991), pp. 195 and 250 (vicinage); Brendan Simms, “‘A false principle in the Law of Nations’: Burke, state sovereignty, [German] liberty, and intervention in the age of Westphalia”, in Brendan Simms and D. J. B. Trim (eds.), *Humanitarian intervention. A history* (Cambridge, 2011), p. 110.

⁴¹¹ Quoted in T. C. W. Blanning, *The origins of the French Revolutionary Wars* (Harlow, 1986), p. 132.

⁴¹² Horst Möller, ‘Primat der Aussenpolitik: Preussen und die französische Revolution, 1789–1795’, in Jürgen Voss (ed.), *Deutschland und die französische Revolution* (Munich, 1983), pp. 65–81.

⁴¹³ Adam Hochschild, *Bury the chains. The first international human rights movement* (London and New York, 2005), p. 137, and William Hague, *William Wilberforce. The life of the great anti-slave trade campaigner* (London, 2007), pp. 149–50.

⁴¹⁴ Цветному населению (*фр.*). *Примеч. ред.*

исходили; во всяком случае, они регулярно продавали чернокожих пленников испанцам и британцам.⁴¹⁵ Восстание доставило немало неприятностей европейским странам, особенно Британии и Испании, которые получали изрядный доход (и тем усиливали свое влияние в Европе) с рабовладельческих плантаций на Карибах, и Америке, которая опасалась, что пример Гаити воодушевит чернокожее население южных штатов. Взаимосвязь между рабством и международным балансом сил налицо.

События во Франции, таким образом, оставались на периферии внимания европейцев, пока не случились сразу две геополитические революции. Первая произошла в империи. Когда в феврале 1790 года скончался Иосиф II, на престол вззошел Леопольд II, не только отменивший конфронтационную внутреннюю политику брата, но и намеревавшийся наладить дипломатические отношения с северным соседом. В июле 1790 года вместо войны друг с другом из-за планировавшегося Иосифом вторжения в Турцию Австрия и Пруссия подписали Рейхенбахскую конвенцию. Леопольд согласился остановить операции на Балканах и не требовать территориальных приобретений. Пруссия в свою очередь обещала поддерживать кандидата Габсбургов на императорскую корону. Условия этого соглашения казались вполне безобидными, но сам факт австро-прусского сближения был подобен геополитическому землетрясению. Оно сулило немалую угрозу другим германским государствам, что опасались раздела Священной Римской империи между Габсбургами и Гогенцоллернами. Конвенция также подразумевала австро-прусское сотрудничество против Франции, которая виделась ослабленной. Пруссия начала составлять планы по аннексии Юлих-Берга⁴¹⁶ и по компенсации владельцам тех земель за счет территории Эльзаса.

Другая геополитическая трансформация состояла в радикальном изменении французской большой стратегии. Главным врагом в глазах революционеров стала не Британия, а снова Австрия.⁴¹⁷ Франция вновь перевела взор с Английского канала на восток. Но если Бурбоны пытались расширить монархию за счет особенностей имперского государственного устройства и обеспечить обороноспособность границ,⁴¹⁸ то новая французская геополитика подчеркивала необходимость защиты «естественных границ» – Пиренеев, Альп и Рейна. В начале мая 1790 года давний противник Австрии Клод-Шарль Пейссоннель, обращаясь к Обществу друзей конституции, сказал, что конечной целью Франции должно быть «закрепление ее границ вплоть до Рейна, ибо это рубеж, установленный самой природой». В итоге западные области Священной Римской империи, в особенности Рейнская область и Пфальц, оказались на передовой. Новые власти также подчеркивали важность революционной солидарности в Европе. Отчасти это подразумевало экспорт революционных ценностей, но еще отражало глубоко укоренившуюся веру в то, что революция во Франции никогда не будет в безопасности в Европе, где доминируют «государства со старым режимом». В письме к парижскому Дипломатическому комитету за июль 1791 года говорилось: «Когда в мире не останется тиранов, нам больше не придется бояться войны».⁴¹⁹

Эти настроения нашли выражение в революционной политике в отношении империи.⁴²⁰ С точки зрения идеологии рейх олицетворял все то, что было ненавистным для нового

⁴¹⁵ Jeremy Popkin, *You are all free. The Haitian Revolution and the abolition of slavery* (Cambridge, 2010), p. 276. See also John Thornton, “‘I am the subject of the King of Congo’: African political ideology and the Haitian Revolution”, *Journal of World History*, 4, 2 (1993), pp. 181–214, especially p. 183.

⁴¹⁶ Историческое герцогство в долине Рейна, по обоим берегам реки Рур. *Примеч. ред.*

⁴¹⁷ Michael Hochedlinger, “‘La cause de tous les maux de la France’. Die ‘Austrophobie’ im revolutionären Frankreich und der Sturz des Königtums, 1789–1792”, *Francia*, 24 (1997), pp. 73–120.

⁴¹⁸ Eckhard Buddruss, *Die französische Deutschlandpolitik, 1756–1789* (Mainz, 1995).

⁴¹⁹ Quotations in Savage, ‘The French Revolution and the secret *du roi*’, p. 211.

⁴²⁰ Sidney Seymour Biro, *The German policy of Revolutionary France. A study in French diplomacy during the War of the First Coalition, 1792–1797*, 2 vols. (Cambridge, Mass., 1957).

порядка: реакционную «смесь» мелких церковных территорий и малых княжеств. Революционеры отреагировали презрительными усмешками, когда имперские нобили и священнослужители Эльзаса обратились к сейму, а затем и к императору с протестом против отмены феодальных и клерикальных привилегий (последнее предусматривалось гражданской конституцией духовенства). Хуже того, французские эмигранты, помышлявшие о реставрации прежнего порядка, нашли пристанище при княжеских дворах Западной Германии, особенно у Кобленца. Убеди они одно или два крупных германских княжества выступить на их стороне, революция оказалась бы в смертельной опасности. В августе 1791 года показалось, что страхи сбываются: австрийцы и Пруссия подписали в саксонском Пильнице соглашение и выпустили совместную декларацию, где выражалась озабоченность состоянием дел во Франции.⁴²¹ Радикальный журналист и позднее министр иностранных дел Пьер Лебрен назвал этот документ «декларацией войны деспотов, объединившихся против свободы наций».⁴²² Если кампания начнется, писал Томас Пейн маркизу Лафайету в феврале 1793 года (он словно забыл свои былые возражения против экспорта свободы), то «есть надежда, что она завершится войной против немецкого деспотизма и установит свободу в Германии. Когда Францию окружают революции, она окажется в мире и безопасности».

Внешнее давление сильно повлияло на французскую внутреннюю политику. Поначалу революционеры довольствовались тем, что оставили внешнюю политику заботам королевского двора. Летом 1790 года, однако, спор британцев и испанцев за залив Нутка и за владение северо-западным побережьем Тихого океана заставил их изменить решение. В мае новый министр иностранных дел Монморан сообщил Национальному собранию, что король готов соблюсти «семейный пакт» и прийти на помощь родичам-Бурбонам. Это сообщение вызвало гнев парламента, отчасти потому, что, по мнению многих, король не имел права так поступать без одобрения собрания, а отчасти потому, что не все признавали династические обязательства старого режима; к тому же парламентарии опасались, что король воспользуется войной как прикрытием и восстановит в стране деспотизм. Большинство полагало, что республиканская Франция должна стать мирной страной и жить в гармонии с другими республиками; лишь меньшинство, например, депутаты Жан Сифрен Мори и барон Малуэ, предостерегало, что «деспотизм и свобода ведут к схожим эксцессам».⁴²³ В конце месяца собрание приняло декрет, уточнявший взаимоотношения исполнительной и законодательной власти. Король по-прежнему мог назначать министров, дипломатов и армейских офицеров, однако вопросы войны и мира у короны отнимались, их следовало выносить на обсуждение народа. Никаких завоевательных войн, никаких действий, затрагивающих свободу других народов, отныне не допускалось; министров, нарушавших эти принципы, надлежало преследовать по закону. В целом революционеры требовали большей прозрачности внешней политике, дабы порвать с таинственностью и некомпетентностью дипломатии старого режима.⁴²⁴ Возникла новая геополитика, которая оспаривала основы легитимности в рамках государственной системы.

В начале ноября 1791 года Национальное собрание постановило, что все эмигранты должны вернуться в страну, иначе им угрожает конфискация собственности. Король наложил вето на этот декрет. Тогда собрание решило нанести превентивный удар по эмигрантам и потребовало от короля настоять на их изгнании со дворов германских князей вдоль западной границы империи. В противном случае Франция осуществит эту операцию сама, нарушив,

⁴²¹ The Padua Circular and Declaration of Pillnitz are printed in Hall Stewart (ed.), *Documentary survey*, pp. 221–4.

⁴²² Quoted in Patricia Chastain Howe, *Foreign Policy and the French Revolution*. Charles-François Dumouriez, Pierre LeBrun, and the Belgian Plan, 1789–1793 (Basingstoke, 2008), p. 47.

⁴²³ Quoted in Whiteman, *Reform, revolution and French global policy*, p. 130.

⁴²⁴ Linda and Marsha Frey, “The reign of the charlatans is over”. The French Revolutionary attack on diplomatic practice’, *Journal of Modern History*, 65, 4 (1993), pp. 706–44, especially pp. 714–17.

если понадобится, суверенитет империи. Король согласился на этот шаг, поскольку увидел в нем последнюю возможность восстановить свою прежнюю власть. Успешная война могла сплотить народ вокруг короны, тогда как поражение было чревато как минимум провалом революции. При этом Людовик тайно призывал ведущие европейские страны вмешаться и восстановить его полномочия. Королева и барон де Бретейль поддерживали его намерения и вели секретную переписку с Веной. В конце января 1792 года французы предъявили Австрии ультиматум, а в начале марта революционер «ястребиного толка» генерал Шарль-Франсуа Дюмурье стал министром иностранных дел. В середине следующего месяца Австрии объявили войну – поводом стало вмешательство императора во внутренние дела Франции, причем особо подчеркивалось его «желание поддержать притязания германских князей, владеющих землями во Франции», что признавалось «прямым оскорблением суверенитета французского народа». Пруссия присоединилась к войне 13 июня. В конце июля 1792 года командующий силами коалиции герцог Брауншвейгский в своем манифесте назвал защиту «германских князей в Эльзасе, Лотарингии и во всей Германии» более важной, чем подавление «не менее беспокоящей нас... анархии во внутренних областях Франции». Разумеется, эти цели были взаимосвязаны.⁴²⁵ Так начались французские революционные войны.⁴²⁶

Для Франции схватка была одновременно идеологическим и стратегическим соперничеством; в сознании многих французов эти два фактора были неразделимы. Декларация, которой сопровождалось объявление войны Австрии, отвергала «всякое стремление к завоеваниям» и подчеркивала, что Франция никогда не применит силу «против свободы другого народа».⁴²⁷ В середине ноября 1792 года Конвент, который «наследовал» Национальному собранию, принял декрет о братстве и помощи другим народам, предлагавший «братство и содействие всем народам, которые пожелают восстановить свою свободу; исполнительная власть вправе отдавать генералам приказы, необходимые для содействия таковым народам и для защиты граждан, которых преследовали или могут преследовать за дело свободы».⁴²⁸ Наиболее значимой в этом отношении представлялась Бельгия, ближайший «промежуточный пункт» для наступления Австрии и Пруссии; географическое положение этой страны не предполагало «естественных границ», а местные революционеры звали о помощи. Конвент намеревался, согласно Шарлю-Франсуа Дюмурье и Пьеру Леброну, последовательно министрам иностранных дел с марта 1792-го по апрель 1793 года, изгнать Габсбургов из Нидерландов и установить там дружественную якобинскую республику. «Если люди не в состоянии совершить революцию собственными силами, – сказал Пьер Жозеф Камбон, – необходимо снабдить их средствами и действовать в их интересах, применяя революционную силу».⁴²⁹

Россия пока оставалась в стороне. После 1791 года Екатерина не упоминала о своей роли гаранта целостности Германии.⁴³⁰ Царицу занимали дела ближе к дому; моральная поддержка австро-прусского вторжения во Францию во многом объяснялась желанием воспользоваться слабостью Польши. Здесь следовало поспешать, поскольку польская программа реформ привела к принятию в мае 1791 года конституции, призванной обеспечить выживание Речи Посполитой в недружелюбной международной обстановке. Будучи далека от французских революционных идей, вопреки утверждениям Екатерины, польская

⁴²⁵ The Brunswick Manifesto, 25.7.1792, in Hall Stewart (ed.), *Documentary survey*, pp. 307–8.

⁴²⁶ Munro Price, *The fall of the French monarchy. Louis XVI, Marie Antoinette and the Baron de Breteuil* (London, 2002).

⁴²⁷ Declaration of the National Assembly, in Hall Stewart (ed.), *Documentary survey*, p. 285.

⁴²⁸ Decree of Fraternity and Help to Foreign Peoples, 19.11.1792, in Hall Stewart (ed.), *Documentary survey*, p. 381.

⁴²⁹ Quoted in T. C. W. Blanning, *The French Revolution in Germany. Occupation and resistance in the Rhineland, 1792–1802* (Oxford, 1983), p. 64.

⁴³⁰ Erwin Oberländer, “‘Ist die Kaiserin von Russland Garant des Westfälischen Friedens?’” *Der Kurfürst von Trier, die Französische Revolution und Katharina II. 1789–1792, Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, New Series*, 35 (1987), pp. 218–31.

конституция предусматривала для страны наследственную саксонскую монархию. Отменялись *liberum veto*, конфедерация и анархическое «право сопротивления», армия увеличивалась и модернизировалась. Екатерина возражала против конституции именно потому, что документ пытался превратить Польшу в могучую монархию, способную защитить себя от хищников-соседей. В конце января 1793 года Екатерина убедила Фридриха-Вильгельма II отказаться от поддержки Станислава и произвести второй раздел Польши. Пруссия аннексировала огромный кусок Западной Польши, а Россия забрала значительную часть территории на востоке. Выборная монархия и *liberum veto* были восстановлены. «Угрюмая» сессия польского сейма должным образом одобрила эти решения в сентябре 1793 года. Спустя год поляки восстали под предводительством харизматичного лидера Тадеуша Костюшко. Восстание было подавлено. В 1795 году австрийцы, русские и пруссаки окончательно поделили Польшу. Это была наглядная иллюстрация участи государства, население которого не может сплотиться ради собственного выживания.⁴³¹

Нигде на это не обратили внимания больше, чем в соседней Германии. С одной стороны, большинство немцев считало, что суеверные, умственно неполноценные, ленивые, отсталые, грубые и двуличные поляки получили то, что заслужили; к религиозным и национальным меньшинствам после раздела страны стали относиться лучше. С другой стороны, параллели между двумя странами (разделенными конфедерациями в окружении хищных держав) были слишком очевидными. «Недавнюю судьбу Польши, – предупреждал один памфлетист, – повторит и Германия», если не приступит своевременно к реформированию империи.⁴³² «После окончательного раздела Польши, – предрекал реформатор Йохан Якоб Мосер, – настанет наша очередь быть съеденными».⁴³³

Между тем наступление австрийцев и прусской армии под командованием герцога Брауншвейгского было остановлено в середине сентября 1792 года возле Вальми. За несколько месяцев французская контратака вытеснила союзников из Франции обратно в австрийские Нидерланды и Западную Германию. В конце ноября 1792 года была аннексирована Савойя. Вторжение революционеров в Нидерланды немедленно осложнило отношения с Британией. В феврале 1793 года Национальный конвент объявил войну Британии и Голландской республике. Через месяц последовал конфликт с Испанией. Все это сделало французскую политику еще более радикальной. Война спровоцировала массовую паранойю. В неудаче, постигшей французов при вторжении в Бельгию в апреле 1792 года, винили короля и загадочный «австрийский комитет», предположительно руководивший из-за кулис французской политикой. В конце мая священников, отказавшихся присягнуть гражданской конституции, депортировали как потенциальную угрозу безопасности страны. Кульминацией массовой истерии стали «сентябрьские убийства» заключенных-аристократов, которых обвиняли в сотрудничестве с врагом. Вскоре подозрение пало и на королевскую семью, ибо ходили слухи – вполне обоснованные, – что она «стакнулась» с врагами революции за рубежом. В начале августа монархия была свергнута, а в конце года суд вынес Людовику XVI смертный приговор. Казнь состоялась в конце января 1793 года. После казни короля внутренняя политика страны определялась новыми судебными слушаниями и дебатами относительно хода войны. В апреле военные успехи сменились неудачами, и был создан Комитет общественной безопасности, а в сентябре падение Тулона, осажденного британскими войсками, ознаменовало начало массовых расправ – «Террора».

⁴³¹ Jerzy Lukowski, *Liberty's folly. The Polish – Lithuanian Commonwealth in the eighteenth century, 1697–1795* (London and New York, 1991), p. 265.

⁴³² David Pickus, *Dying with an enlightening fall. Poland in the eyes of German intellectuals, 1764–1800* (Lanham etc., 2001), pp. 36–45, 54–9 and 126–31 (quotation pp. 126–7).

⁴³³ Moser's warning is quoted in Burgdorf, *Reichskonstitution und Nation*, p. 343.

Окруженные со всех сторон враждебными государствами революционеры призывали французский народ сплотиться и принять брошенный вызов. В конце февраля Конвент объявил о призыве на воинскую службу 300 000 мужчин; в следующие несколько месяцев революционная армия формировалась за счет ассигнаций, то есть бумажных денег, обеспеченных конфискованными церковными землями (эти деньги считались законным платежным средством и представляли собой этакий принудительный кредит от богачей). В конце августа 1793 года по настоянию Лазара Карно, военного министра и «организатора победы», Конвент объявил, что «все французы подлежат призыву для нужд армии». Общество отреагировало на этот декрет по-разному, рекрутский набор спровоцировал восстания роялистов-шуанов в Бретани и крестьян в Вандее; «федералисты» во многих районах страны и южные мятежники долгие годы оспаривали власть Парижа.⁴³⁴ Эти группы вскоре нашли поддержку в Британии, и в 1790-х годах британцы неоднократно (и неудачно) пытались высадить экспедиционные силы на западном и южном побережьях Франции. Власти подавляли эти бунты и восстания с невероятной жестокостью. Конвент наставлял Западную армию в октябре 1793 года: «Солдаты свободы! Разбойников Вандеи нужно истребить!»⁴³⁵ В регионе ввели суровые репрессии, начали действовать революционные «адские колонны» (*colonnes infernales*), совершавшие крупномасштабные казни, — людей сжигали заживо и даже массово топили. Погибло свыше 100 000 человек, в основном гражданского населения, и была разрушена одна пятая жилищ. Отчасти объявленная цель Конвента — уничтожение Вандеи — отражала беспокойство столицы из-за связей между бунтовщиками и иностранными государствами и опасения за целостность Франции; отчасти же это было воплощение утопического видения, где мир напрочь лишен «реакционных» элементов.

Внутренняя энергия, высвобожденная революцией, вновь сделала Францию ведущей европейской державой. Многие современники считали, что Франция обрела идеальное государственное устройство для защиты от внешней агрессии и что оно не только превосходит абсолютизм, но и оставляет далеко позади Британию с ее финансово-милитаристским порядком. Том Пейн, к примеру, предсказывал, что британская смешанная монархо-парламентская система постепенно погубит ее национальное величие, как это случилось с континентальными монархиями, погубленными паразитической аристократией. По контрасту, утверждал он, современные республики наподобие Америки и Франции способны «вести войну всем народом».⁴³⁶ В следующие три года революционеры «затопили» Нидерланды, Западную Германию и Северную Италию. Они стремились не просто установить «естественные границы», но надеялись покончить с войнами посредством истребления реакционных правительств; притязания на континентальную гегемонию были пока не очевидны. «Французское государство заявляет, — говорилось в декрете Конвента в середине декабря 1792 года, — что врагом народа считается всякий, кто отвергает свободу и равенство или не содействует их достижению, желая сохранить или вернуть принцев и прочие привилегированные фигуры».⁴³⁷ Конвент клялся не складывать оружия до тех пор, пока все народы не примут принцип равенства и не установят у себя «свободное и всенародное правительство». Во всем многообразии своих революционных правительств — Национального собрания, Законодательного собрания, Национального Конвента и Директории — Франция пыта-

⁴³⁴ Thomas Hippler, *Citizens, soldiers and national armies. Military service in France and Germany, 1789–1830* (London and New York, 2008).

⁴³⁵ Quoted in Reynald Secher, *A French genocide. The Vendée* (Notre Dame, Ind., 2003), pp. 250–51.

⁴³⁶ Quoted in Richard Whatmore, “‘A gigantic manliness’: Paine’s republicanism in the 1790s”, in Stefan Collini, Richard Whatmore and Brian Young (eds.), *Economy, polity and society. British intellectual history, 1750–1950* (Cambridge, 2000), p. 150. For the strategic context of Paine’s thought see pp. 136, 138–40, 149 and *passim*.

⁴³⁷ Decree of 15.12.1792, in Hall Stewart (ed.), *Documentary survey*, p. 383.

лась добиться не столько абсолютной власти в Европе, сколько абсолютной безопасности через всеобщий мир.⁴³⁸

Очень скоро, однако, революционеры обнаружили, что каждая новая территориальная экспансия делает мир все менее безопасным. После оккупации Бельгии многие французы стали говорить, что теперь нужно двинуться в Голландию, чтобы помешать ей, как сказал Дюмуре, «присоединиться к зловещему союзу, который может нас сокрушить»; к тому же «без Голландии наша позиция в Бельгии станет весьма уязвимой».⁴³⁹ Первое вторжение в Голландию в феврале 1793 года провалилось, но к концу следующего года вторая попытка удалась, и к середине января 1795 года был взят Амстердам. Через четыре месяца Франция в сотрудничестве с местными якобинцами учредила «Батавскую республику». В Италии наступление революционных армий – которыми с 1796 года командовал выдающийся молодой генерал Наполеон Бонапарт – стремительно двигалось по полуострову к «каблуку» итальянского «сапога», порождая импровизированные политические структуры: в 1796-м – Циспаданскую республику, в 1797-м – Цизальпийскую Галлию и Лигурийскую республику, в 1798-м – Римскую республику, в 1799-м – Партенопейскую республику. В марте 1798 года оккупированную Швейцарию преобразовали в «Гельветическую республику». Динамика определялась в равной степени страхом и алчностью.

Основное внимание новая геополитика уделяла Германии. С весны 1791 года французские дипломаты размышляли о реорганизации империи, в том числе о ликвидации титула императора и консолидации малых княжеств в более крупные единицы, которые затем объединятся в конфедерацию и создадут буферное государство, способное защитить западные границы Франции. Этой геополитической повестке сопутствовала глубокая идеологическая антипатия. «Священная [Римская] империя, – сказал один революционер в 1795 году, – это чудовищное скопище мелких и крупных деспотов... тоже должно исчезнуть по следам нашей великой революции. Его поддерживало французское королевство, а французская республика будет трудиться над его уничтожением».⁴⁴⁰ При этом, как признался один из экспертов Директории, французы опасались, что «после серии узурпаций Германия сделается единоличным королевством».⁴⁴¹ «Естественные границы» устанавливались за счет уничтожения всех имперских анклавов внутри Франции, таких, как Монбельяр, и аннексии территорий на левом берегу Рейна. Французы также экспериментировали с местными якобинскими режимами, а в Майнце даже создали республику (она просуществовала недолго).⁴⁴² Многие немецкие интеллектуалы и чиновники симпатизировали явно более «рациональным» и деловым французам, освободившим их от феодализма.⁴⁴³ Вскоре, впрочем, революционеры осознали, что всем этим движениям недостает массовой легитимности, а потому они не могут служить надежными проводниками французской внешней политики. Не будучи полезными союзниками, они оказывались бременем, с которым приходилось считаться. По этой причине дальнейшие планы создания республик, как на юге Германии, были отложены.⁴⁴⁴

На другом берегу Рейна германские князья с ужасом наблюдали за этими шагами. Угроза «полонизации» со стороны Австрии и Пруссии усугубилась неотвратимой реальностью французского вторжения. Малые германские княжества не могли защитить кого-

⁴³⁸ David A. Bell, *The first total war. Napoleon's Europe and the birth of modern warfare* (London, 2007).

⁴³⁹ Quoted in Howe, *Foreign policy and the French Revolution*, pp. 119 and 151.

⁴⁴⁰ Quoted in Jörg Ulbert, 'France and German dualism, 1756–1871', in Carine Germond and Henning Türk (eds.), *A history of Franco-German relations in Europe. From 'hereditary enemies' to partners* (Basingstoke, 2008), pp. 41–2.

⁴⁴¹ Quoted in Biro, *German policy of Revolutionary France*, Vol. II, p. 624.

⁴⁴² T. C. W. Blanning, *Reform and revolution in Mainz, 1743–1803* (Cambridge, 1974).

⁴⁴³ Monika Neugebauer-Wölk, *Revolution und Constitution. Die Brüder Cotta. Eine biographische Studie zum Zeitalter der Französischen Revolution und des Vormärz* (Berlin, 1989), especially pp. 141–3.

⁴⁴⁴ Blanning, *Reform and revolution in Mainz*.

то одного среди себя, не подставляя под удар остальных. Некоторые князья, например, герцог Фридрих Вюртембергский, гордо заявляли, что не позволят сделать свою территорию «игрушкой» великих держав. На практике, однако, пространство для маневра было болезненно малым. «Все зависит от России, Англии и Франции, – обронил в 1795 году посланник Баварии в Вене. – В их руках судьба империи». К концу 1790-х годов германским князьям стало совершенно ясно, что никто не станет таскать для них каштаны из огня.⁴⁴⁵ Все это привело к последним широким дебатам о реформе имперского устройства. Многие соглашались с Ренатусом Карлом фон Зенкенбергом, который в 1790 году заявил, что, если империя сумеет выступить единым фронтом против внешнего врага, тогда «никакая другая империя в Европе не сможет с нею сравниться в могуществе».⁴⁴⁶ Австрийский первый министр барон фон Тугут даже предложил вооружить народ, провести *Volksbewaffnung*,⁴⁴⁷ немецкий аналог *levee en masse*.⁴⁴⁸ Но, когда в конце сентября 1794 года в Вильгельмсбаде в последней попытке объединиться для обороны империи собрались правители мелких государств, их усилия блокировала Вена. Австрийцы восприняли это собрание как умаление власти Габсбургов и опасались, что затея инспирирована Пруссией.

Большинство германских княжеств пыталось заключить мир с Францией. В самом конце 1794 года имперский сейм попросил императора договориться о мире на основе Вестфальского соглашения. Иными словами, империя готова была признать революционную Францию державой-гарантом. Первыми «вскочили на борт» пруссы. По Базельскому договору от апреля 1795 года они пообещали соблюдать строгий нейтралитет в имперской войне против Франции. Французы, со своей стороны, обязались уважать нейтральную зону в северной Германии под контролем Пруссии. Все германские территории к западу от этой линии нейтралитета были вынуждены полагаться только на себя; секретный пункт договора предусматривал аннексию французами левого берега Рейна. Лишь австрийцы продолжали сражаться. Проблема состояла в том, что империя все менее стремилась нести на своих плечах тяготы борьбы с Францией. Фон Тугут осознавал, что такое положение не вечно, однако продолжение войны наносило ущерб статусу Австрии внутри империи. Принудительные реквизиции в Южной Германии возмутили равно население и правителей. Больше того, дорогостоящие итальянские кампании 1795–1796 годов, призванные ослабить давление Франции на Германию, привели к обратному результату. Император Франциск, преемник безвременно скончавшегося Леопольда, оказался перед тем же выбором, что и его предок Максимилиан триста лет назад, – он предал Германию ради Италии.

Хуже того, новый французский полководец в Италии, Наполеон Бонапарт, крушил все на своем пути и критиковал парижское правительство за провалы на других фронтах. В сентябре 1797 года он преобразовал свою военную славу в политический капитал и вместе с союзниками совершил переворот и взял власть в Директории (переворот 18 фрюктидора).⁴⁴⁹ По-видимому, изначально у Наполеона не было собственной большой стратегии; позднейшие рационализации подобного толка следует воспринимать скептически.⁴⁵⁰ Шарль Морис де Талейран Перигор, его министр иностранных дел, позднее сказал: «Наполеон никогда не строил планов. То, что случалось, подсказывало ему, как поступать далее».⁴⁵¹ Погоня за «славой» и «судьбой» – двумя константами риторики Наполеона – не породила страте-

⁴⁴⁵ The quotations of Duke Frederick and the Bavarian envoy are in Simms, *Struggle for mastery in Germany*, pp. 60–61.

⁴⁴⁶ The Senckenberg quotation is in Burgdorf, *Reichskonstitution und Nation*, p. 411.

⁴⁴⁷ Букв. «всеобщее вооружение народа» (нем.). *Примеч. ред.*

⁴⁴⁸ Букв. «массовое вооружение» (фр.), всеобщая воинская повинность. *Примеч. ред.*

⁴⁴⁹ Пример авторского анахронизма: переворот 18 фрюктидора был поддержан Наполеоном, но до единоличной власти (переворот 18 брюмера) оставалось еще два года. *Примеч. ред.*

⁴⁵⁰ Philip Dwyer, *Napoleon. The path to power, 1769–1799* (London, 2007), *passim*.

⁴⁵¹ Quoted in Blanning, 'Frederick the Great', in Simms and Urbach (eds.), *Die Rückkehr der 'Grossen Männer'*, p. 23.

гии сама по себе, разве только побуждала к постоянному движению и конфликтам.⁴⁵² Тем не менее можно выявить кое-какие повторявшиеся допущения и шаги. В первую очередь Наполеон стремился доминировать в Европе, объединив последнюю на французских условиях и во благо Франции. Исполнение этого замысла требовало от него подчинения Германии с целью завладения ее ресурсами и присвоения наследия Священной Римской империи. Данное намерение, в свою очередь, ввергло Наполеона в длительный конфликт не только с Австрией и Пруссией, но и с «арбитрами» империи – Россией и Великобританией. Сдерживание России подразумевало выход на передовые позиции за пределами Германии, прежде всего в Польше, на Балканах и в Средиземноморье. Удар по оплотам британского могущества означал либо вторжение в саму Британию, либо нападение на заморские колонии, из которых Лондон преимущественно черпал свою силу.⁴⁵³ Если процитировать самого Наполеона – пусть он произнес эти слова уже в печальной ссылке на острове Святой Елены, – его целью тогда было «восстановить Польское королевство как барьер против московитских варваров, разделить Австрию, создать независимые подчиненные государства в Италии, сделать независимой Венгрию, разрушить Пруссию, учредить независимые республики в Англии и Ирландии, покорить Египет, изгнать турок из Европы и освободить балканские народы».⁴⁵⁴

Столкнувшись с таким вызовом, Габсбурги в октябре 1797 года наконец-то заключили мир с Францией в Кампо-Формио. Условия договора обозначили фундаментальный сдвиг в европейской геополитике: австрийцы обменяли отдаленную Бельгию и переднюю Австрию на более близкую Венецию, лишившуюся при этом независимости. Из Западной Германии и Нидерландов им пришлось уйти. Но предстояли и более серьезные изменения. Будущее Священной Римской империи обсуждалось на конгрессе в Раштатте, заседания которого проходили с ноября 1797 года; там решалось, какая «компенсация» положена германским князьям, чьи земли на левом берегу Рейна были экспроприированы французами. Это расчищало путь к полномасштабной территориальной реорганизации империи под эгидой Франции и означало окончательный отказ от традиционной политики Бурбонов, поддерживавших сложный баланс сил в Германии в пользу раздела, который должен был привести к созданию меньшего количества крупных государств.⁴⁵⁵ В том же году Наполеон задал тон грядущим переменам, назвав Священную Римскую империю «старой шлюхой, которой долгое время пользовались все, кто хотел».⁴⁵⁶ Договор в Кампо-Формио, таким образом, был лишь перемирием перед возобновлением войны за господство в Германии. Продолжалось это перемирие чуть больше года, поскольку новый правитель Франции Наполеон Бонапарт оказался даже большим разрушителем европейской государственной системы, чем его революционные предшественники. Он пришел к власти благодаря своей воинской славе и обещанию вести войну против старого порядка Европы эффективнее, чем Директория. Дома Наполеон обещал «завершить революцию» и тем самым «покончить с нею навсегда». Огромная энергия, высвободившаяся в результате падения французской монархии, теперь устремилась наружу.

В 1798–1799 годах Наполеон продолжил наступление сразу на нескольких фронтах. В Германии его дипломаты неустанно проталкивали идею территориальной реорганизации.

⁴⁵² Philip G. Dwyer (ed.), 'Napoleon and the drive for glory: reflections on the making of French foreign policy', in Philip G. Dwyer (ed.), *Napoleon and Europe* (London, 2001), p. 129.

⁴⁵³ Javier Cuenca Esteban, 'The British balance of payments, 1772–1820: India transfers and war finance', *Economic History Review*, 54, 1 (2001), pp. 58–86, especially pp. 58 and 65–6.

⁴⁵⁴ Quoted in Gunther E. Rothenberg, 'The origins, causes, and extension of the wars of the French Revolution and Napoleon', *Journal of Interdisciplinary History*, 18 (1988), p. 789.

⁴⁵⁵ Daniela Neri, 'Frankreichs Reichspolitik auf dem Rastatter Kongress (1797–1799)', *Francia*, 24 (1997), pp. 137–57, especially pp. 155–6.

⁴⁵⁶ Quoted in Hochedlinger, 'Who's afraid of the French Revolution?', p. 310.

Швейцария была оккупирована в январе 1798 года, чтобы «округлить» французскую границу и взять под контроль важные альпийские перевалы. Летом и осенью 1798-го Наполеон отправлял войска в Ирландию для поддержки восстания «объединенных ирландцев» против британского правления. Примерно тогда же Наполеон высадился в Египте и начал войну против Османской империи. На следующий год он вторгся в Палестину. Эта операция вовсе не означала поворота на восток: Наполеон намеревался ударить по британским базам в Индии и тем самым уменьшить влияние Лондона в Европе.⁴⁵⁷ Он сказал Талейрану: «Чтобы разгромить Англию, надо овладеть Египтом».⁴⁵⁸ Французские войска уверенно продвигались по Апеннинскому полуострову, в январе 1799 года был захвачен Неаполь. В Карибском бассейне и в целом на море Франция усиливала давление на британский торговый флот, нападала на плантации, которые обеспечивали средствами на военные расходы не только самих британцев, но и европейских союзников Британии. Наполеон также помышлял о возвращении Франции ее былых заморских владений. Все эти действия, пусть тактически агрессивные, были по сути стратегически оборонительными. Вообще, здесь мало отличий между обороной и наступлением: ведь абсолютная безопасность Франции могла быть достигнута только благодаря абсолютной небезопасности ее ближних и дальних соседей.

Возобновление французского наступления при Наполеоне вызвало немедленную реакцию ведущих европейских держав. В Вене фон Тугут с тревогой наблюдал за нападениями на Швейцарию и Османскую империю, однако наибольшие опасения вызывала у него Германия. «Если французы продолжают удерживать Швейцарию, – писал он в июле 1798 года, – революция сначала в Швабии, а потом и по всей Германии неизбежна... а крушение Германии приведет к потрясениям во всей Европе».⁴⁵⁹ Когда Германия падет, погибнет и остальная Европа. Так же полагал и Павел I, в 1796 году сменивший на русском троне Екатерину. Он не просто враждебнее своей матери относился к революции, но и был сильно встревожен проникновением Наполеона в Средиземноморье и Левант. Кроме всего прочего, Павел хотел восстановить баланс сил в Германии, которую Екатерина фактически игнорировала в последние годы своей жизни. По словам одного баварского дипломата, Россия, столь долго отличавшаяся пассивностью, «вдруг кинулась в драку как главный защитник империи».⁴⁶⁰ Посему в 1798–1799 годах австрийские и русские войска (на британские деньги) атаковали французов в Южной Германии и Северной Италии, а англо-русский корпус высадился в Голландии. Началась война Второй коалиции.

⁴⁵⁷ Geoffrey Symcox, 'The geopolitics of the Egyptian expedition, 1797–1798', in Irene A. Bierman (ed.), *Napoleon in Egypt* (Reading, 2003).

⁴⁵⁸ Quoted in Edward James Kolla, 'Not so criminal: new understandings of Napoleon's foreign policy in the east', *French Historical Studies*, 30, 2 (2007), p. 183. О склонности Наполеона воспринимать Азию в рамках европейской концепции баланса сил: Iradj Amini, *Napoleon and Persia. Franco-Persian relations under the First Empire, within the context of the rivalries between France, Britain and Russia* (Richmond, 1999), pp. 47–54.

⁴⁵⁹ Quoted in Karl A. Roeder, *Baron Thugut and Austria's response to the French Revolution* (Princeton, 1992), pp. 283–4.

⁴⁶⁰ Manfred Hellmann, 'Eine Denkschrift über Russland aus dem Jahre 1800', in Heinz Dollinger, Horst Gründer and Alwin Hanschmidt (eds.), *Weltpolitik. Europagedanke. Regionalismus* (Münster, 1962), pp. 135 and 156 (quotation p. 139).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.